ОЧЕРКИ ОБЩИННАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ВЪ РОССІИ.

Очеркъ первый.

Судьба общины въ Россіи и на Западѣ.

I.

Въ исторической наукѣ издревле утвердилось мнѣніе, что община представляетъ такую степень развитія, черезъ которую должно пройти землевладѣніе всѣхъ культурныхъ народовъ. Новѣйшіе труды юристовъ-историковъ и антропологовъ нетолько подтверждаютъ это положеніе, но и даютъ ему дальнѣйшее развитіе: древнее право культурныхъ народовъ и сохранившіеся въ ихъ жизни остатки прежнихъ обычаевъ позволяютъ заключать, что общинный принципъ прилагался въ старину не къ одному только землевладѣнію, а лежалъ въ основаніи и другихъ экономическихъ и выросшихъ на почвѣ послѣднихъ юридическихъ отношеній; ближайшія наблюденія надъ дикими и нецивилизованными народами показали существованіе у нихъ общиннаго производства и потребленія и развитіе сотвѣтствующихъ чувствъ. Такой исходъ научныхъ изысканій имѣетъ чрезвычайную важность нетолько для исторіи, но и для практической дѣятельности. Теперь уже нельзя объвинять общественныхъ реформаторовъ за утопическій якобы характеръ ихъ критики существующихъ экономическихъ и политическихъ порядковъ и за

построеніе невозможныхъ идеальныхъ формъ будущаго. Принципы, лежащіе въ основаніи этихъ формъ · придающіе имъ «идеальный» характеръ, не могутъ быть теперь безъ натяжки приписаны исключительно дѣятельности пылкой фантазіи и фанатическаго чувства ихъ авторовъ, не сдерживаемыхъ логикой фактовъ и игнорирующихъ реальныя психическія свойства и потребности человѣка. Нѣтъ, новѣйшія соціологическія изысканія доказываютъ, что человѣкъ, какимъ онъ вышелъ изъ рукъ природы и вступилъ въ единеніе съ себѣ подобнымъ, характеризуется свойствами, отличными отъ тѣхъ, проявленіе которыхъ мы видимъ въ современной жизни, построенной на принципѣ индивидуализма. Слѣдовательно, современный человѣкъ—не нормальный, а искалѣченный тѣми отношеніями, какія создались въ обществѣ подъ вліяніемъ направленія, принятаго исторіей; и замѣна господствующаго принципа индивидуализма общиннымъ поведетъ не къ искаженію естественныхъ стремленій человѣка, а должна быть признана возвращеніемъ къ тѣмъ порядкамъ, которые всего больше соотвѣтствуютъ интимнымъ требованіямъ человѣческой природы и жажда которыхъ до сихъ поръ живетъ въ умѣ и сердцѣ человѣка.

Но тѣми же изслѣдованіями, которыми кладется прочное основаніе гипотезѣ о господствѣ общинныхъ порядковъ въ отдаленномъ будущемъ человѣчества, создается теорія о неизбѣжности ихъ разрушенія въ прошедшемъ и ближайшемъ будущемъ. Съ этой точки зрѣнія исторія есть процессъ разложенія общиннаго принципа и развитія индивидуализма. Въ началѣ исторіи господствовалъ общинный строй въ производствѣ и потребленіи; затѣмъ общество разбилось на семьи, но производство сохранило прежній характеръ; съ теченіемъ времени и оно превратилось въ семейное, земля же продолжала оставаться общинной собственностью и по временамъ передѣлялась между всѣми хозяйственными единицами на началахъ равенства. Эти послѣднія понемногу утрачиваютъ свое вліяніе: право на землю перестаетъ быть общимъ, а пріурочивается къ нѣкоторымъ семьямъ; затѣмъ оно изъ общиннаго становится личнымъ, что совершается также съ извѣстной послѣдовательностью (личность завладѣваетъ сначала полемъ, лугомъ, позже выгономъ, лѣсомъ) и т. д.

Ученія экономистовъ являются продолженіемъ этой теоріи, развитой юристами.

Послѣ уничтоженія общиннаго землевладѣнія, производство, хотя и сдѣлалось личнымъ, но оставалось въ рукахъ мелкихъ хозяевъ, трудившихся на свой страхъ и за свой счетъ, ради удовлетворенія собственныхъ потребностей. Въ общемъ, производ-

ство, хотя и путемъ разрозненныхъ усилій, все-таки служило интересамъ всѣхъ работающихъ; съ этой точки зрѣнія его можно было назвать общественнымъ, оно было доступно всякому члену общества. Но дальнѣйшее развитіе индивидуализма выдвигаетъ надъ общимъ уровнемъ нѣсколькихъ счастливцевъ, которые свои личные интересы и свою волю дѣлаютъ регуляторомъ производства; послѣднее теряетъ присущій ему прежде общественный характеръ и направляется уже не потребностями массы въ тѣхъ или другихъ продуктахъ, а стремленіемъ кучки крупныхъ хозяевъ получить больше барышей. Индивидуализмъ приводитъ къ господству капитализма, который, достигнувъ извѣстной ступени развитія, въ свою очередь, погибнетъ, и снова начнется водвореніе общинныхъ порядковъ, но уже не стихійно, а сознательно, по всѣмъ, такъ сказать, правиламъ науки. Послѣднее обстоятельство служитъ ручательствомъ, что господство ихъ будетъ на сей разъ прочно и что человѣчество, умудренное тяжелымъ опытомъ прошедшаго, не пожелаетъ вновь выступить на путь экспериментовъ. Такимъ образомъ, по этой теоріи общинная организація господствовала когда-то въ давно прошедшія времена и выступитъ опять на сцену въ отдаленномъ будущемъ; историческая же жизнь человѣчества заключается въ разрушеніи общиннаго принципа до полнаго уничтоженія и замѣны его капиталистическимъ: а современный періодъ есть одинъ изъ моментовъ этихъ, параллельно идущихъ процессовъ разрушенія и созиданія. Съ этой точки зрѣнія русская община существуетъ пока лишь благодаря отсталости нашей культуры, и въ историческомъ существованіи русскаго народа имѣетъ мѣсто, какъ это было и въ другихъ странахъ, процессъ постепеннаго ея разрушенія. Такія явленія, какъ помочь, кое-гдѣ сохранившіеся общественные праздники и проч., по мнѣнію чуть ли не всѣхъ изслѣдователей русской общины, суть жалкіе остатки прежней широкой общинной организаціи и доказываютъ, что единеніе членовъ этого союза когда-то было гораздо больше. Даже тѣ писатели, которые не считаютъ индивидуалистическую теорію настолько авторитетной, чтобы передъ нею обязательно было преклониться исторіи всякой страны, и тѣ смотрятъ въ общихъ чертахъ на прошедшее ея глазами, и у нихъ золотой вѣкъ нашей общины — на зарѣ исторіи, дальше же они видятъ лишь болѣе или менѣе быстрый процессъ ея разрушенія; и для спасенія остатковъ общины отъ окончательнаго исчезновенія имъ пришлось обратиться къ этнографическимъ особенностямъ русскаго племени, словомъ, свести вопросъ съ общественно-исторической почвы на психологическую.

Мы не видимъ надобности прибѣгать къ такой опорѣ для сохраненія общины, хотя и не отрицаемъ, что въ настоящее время русскій народъ отличается большей наклонностью къ совмѣстной дѣятельности, чѣмъ западно-европейскіе его сосѣди. Такую особенность его, однако, мы приписываемъ не основнымъ психическимъ чертамъ славянина, не его, напримѣръ, темпераменту, а тому обстоятельству, что онъ дольше находился подъ вліяніемъ общинной организаціи или что въ его исторіи меньшимъ значеніемъ пользовался индивидуалистическій принципъ, что, въ свою очередь, обусловливалось иной, чѣмъ на Западѣ, комбинаціей различныхъ факторовъ общественно-исторической жизни. Но это не значитъ, что и Россіи придется разстаться съ излюбленной формой общежитія, что и у насъ идетъ процессъ, хотя и болѣе медленнаго, но вѣрнаго ея разрушенія; словомъ, мы не считаемъ доказаннымъ, что историческіе законы человѣчества требуютъ непремѣннаго разложенія общиннаго быта.

Дѣйствительно, по этой теоріи слѣдовало бы ожидать, что чѣмъ дольше живетъ какой-либо народъ, тѣмъ меньше остается въ его жизни слѣдовъ общинной организаціи, ибо старыя формы ея одна за другой исчезаютъ, новыя же не имѣютъ возможности появиться. Но въ исторіи мы видимъ нѣчто иное. Съ разрушеніемъ общинной организаціи въ земледѣліи, когда обрабатывающая промышленность отдѣлилась отъ добывающей, попавшей подъ руководство личныхъ интересовъ помѣщика, общинный принципъ нашелъ себѣ новое выраженіе въ сферѣ городского ремесла. Здѣсь создалась организація, задачей которой было сдержать въ извѣстныхъ предѣлахъ эгоистическую дѣятельность человѣка: воспрепятствовать индивидуализму дать естественные свои плоды—неравенство и угнетеніе крупнымъ производителемъ мелкаго; обезпечить всѣмъ работающимъ пользованіе продуктами ихъ труда въ здоровомъ состояніи и помощь, когда они заболѣютъ. Нельзя сказать, чтобы эта задача была утопической, ибо цехи выполняли ее впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Съ разрушеніемъ ремесла, исчезновеніемъ цеховъ, появленіемъ мануфактуръ и фабрикъ, создавшихъ новый классъ рабочихъ-пролетаріевъ, т. е. съ усиленіемъ индивидуализма, общинный принципъ опять-таки не погибъ, а дѣлаетъ новую попытку осуществить свою задачу: мѣсто исчезнувшей цеховой организаціи занимаетъ организація наемныхъ рабочихъ, организація, съ каждымъ днемъ ростущая и серьѣзно грозящая дѣтищу индивидуалистическаго принципа—капитализму.

И такъ, исторія западно-европейскихъ народовъ ее представ-

ляетъ собою прямолинейнаго развитія индивидуалистическаго принципа и такового же паденія общиннаго; нѣтъ, послѣдній неоднократно подымался на ноги; выбитый изъ одной позиціи, онъ создавалъ новыя формы, соотвѣтствующія измѣнившимся условіямъ, и хотя индивидуализмъ, въ концѣ-концовъ, взялъ-таки свое, но не нужно забывать, что на его сторонѣ была власть и наука, работавшая въ пользу привилегированныхъ классовъ; за общинную же организацію бились безсильные и невѣжественные рабочіе.

Если въ однѣхъ странахъ общинныя стремленія человѣка находили себѣ выраженіе, постоянно измѣнявшееся подъ дѣйствіемъ внѣшнихъ вліяній, осуществлялись сначала въ земледѣльческой организаціи, затѣмъ въ ремесленной и т. д., то можетъ случиться, что у другого народа, гдѣ внѣшнія вліянія были иного рода, общинные инстинкты впродолженіи всей его исторіи найдутъ себѣ пріютъ въ одной и той же области. Если на Западѣ исторія общиннаго принципа заключалась въ томъ, что выбитый изъ одной позиціи, онъ завоевывалъ себѣ другую, причемъ, слѣдовательно, исторія представляетъ рядъ смѣняющихъ другъ друга прогрессивныхъ и регрессивныхъ моментовъ, то въ другой странѣ подобныя колебанія въ одну и другую сторону могли совершаться безъ измѣненія той сферы, въ какой находили свое выраженіе общинные инстинкты человѣка. Иначе говоря, сохраненіе общиннаго землевладѣнія въ Россіи до позднѣйшихъ временъ не представляетъ чего-либо существенно анормальнаго въ сравненіи съ судьбою другихъ европейскихъ народовъ; еще менѣе оно свидѣтельствуетъ о какихъ-либо психическихъ особенностяхъ природы русскаго человѣка, о необыкновенной привязанности его къ общинѣ и т. п. Можно даже сказать напротивъ: живучесть общиннаго принципа на Западѣ, стремленіе его осуществиться то въ одной, то въ другой сферѣ дѣятельности доказываетъ сильную привязанность къ нему западнаго человѣка, и еще вопросъ, выказалъ ли бы такую же энергію въ борьбѣ съ индивидуализмомъ русскій народъ, какую проявили народы германской и романской расы. Но мы не считаемъ полезнымъ оставаться дольше въ этой крайне сомнительной въ научномъ отношеніи области психическихъ и этнографическихъ отличій человѣческихъ расъ, въ то время, какъ остается еще такъ много гораздо болѣе плодотворнаго дѣла въ сферѣ исторіи и соціологіи.

И такъ, различіе исторіи общины въ Россіи и Европѣ заключается въ томъ, что тогда какъ въ послѣдней она нѣсколько

разъ мѣняла форму, въ которой осуществлялась въ жизни, въ первой она все время оставалась въ той же одежѣ. Различіе это обусловливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что у насъ разрушающія *земледѣльческую* общину вліянія никогда не достигали такой силы, чтобы окончательно стереть ее съ лица земли и заставить общинные инстинкты человѣка искать себѣ другое выраженіе. Но, подобно тому, какъ на Западѣ мы имѣемъ дѣло съ колебаніемъ общинныхъ формъ жизни вверхъ и внизъ, и въ Россіи мы должны быть готовы встрѣтиться не съ окаменѣлой статуей, а съ живымъ организмомъ, вѣчно движущимся и приноравливающимся къ измѣняющимся внѣшнимъ обстоятельствамъ. Исторія русской общины не есть лѣтопись ея паденія; по смыслу историческаго развитія вообще, общинѣ не предстояло только отбиваться отъ враговъ, уступая имъ, однако, шагъ за шагомъ; человѣчество разумнѣе, чѣмъ о немъ обыкновенно думаютъ. Такъ какъ въ различные моменты прошедшаго русскому народу приходилось считаться съ различными, болѣе или менѣе благопріятными общинѣ условіями, такъ какъ съ теченіемъ времени жизнь становилась все сложнѣе и разнообразнѣе, то естественно, что формы общинной организаціи народа не могли оставаться неизмѣнными, а то горѣли яркимъ огнемъ, то на время затемнялись тучей, а кое-гдѣ вовсе исчезали съ тѣмъ, чтобы, при измѣнившихся условіяхъ, можетъ быть, опять возникнуть.

II.

Коль скоро мы освободимся отъ того предразсудка, что община въ историческомъ развитіи человѣчества должна непремѣнно погибнуть, намъ легко будетъ подмѣтить прогрессъ общиннаго землевладѣнія въ Россіи за время историческаго ея существованія. Мы не скажемъ, что прогрессъ этотъ былъ абсолютенъ и разностороненъ; но во многихъ отношеніяхъ община, несмотря на массу неблагопріятныхъ ея процвѣтанію условій, сдѣлала значительный шагъ впередъ. Такъ, хотя большинство ученыхъ соглашается, что общинное землевладѣніе существовало на Руси испоконъ вѣку, но форма его, господствовавшая въ началѣ русской исторіи, была такого рода, что нѣкоторые почтенные ученые вынуждены были допустить существованіе рядомъ съ общественнымъ и личнаго крестьянскаго землевладѣнія (Бѣляевъ, Кейслеръ, Васильчиковъ) или даже вовсе отвергнуть об-

щину, какъ принадлежность нашей древней исторіи (Чичеринъ, Сергѣевичъ). Въ самомъ дѣлѣ, древній русскій крестьянинъ-общинникъ могъ распорядится своимъ участкомъ по произволу: продать его, заложить, подарить, и проч.; земля оставалась въ одной семьѣ въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній; словомъ, землевладѣніе de facto отличалось всѣми аттрибутами частной собственности, хотя de jure оно не имѣло ничего общаго съ собственностью въ римскомъ смыслѣ слова. Это было время господства общины безъ передѣловъ, съ правомъ каждаго ея члена занимать любой свободный участокъ, «куда топоръ, соха и коса ходила», и пользоваться имъ, доколѣ онъ считаетъ это для себя выгоднымъ. Съ размноженіемъ населенія община дѣлаетъ шагъ впередъ: отдѣльные домохозяева отказываются отъ исключительнаго пользованія расчищенными ими участками; послѣдніе поступаютъ въ передѣлъ между всѣми членами общины. Сначала такая форма общиннаго землевладѣнія появляется въ центральной Россіи, затѣмъ она распространяется на окраины, и въ текущемъ столѣтіи отсутствіе передѣловъ сохраняется лишь кое-гдѣ, въ тѣхъ уѣздахъ Архангельской, Олонецкой, Вятской и другихъ губерній, гдѣ населеніе еще очень рѣдко и недостатокъ въ землѣ нечувствителенъ. Исчезъ и классъ своеземцевъ, владѣльцевъ «небольшихъ участковъ, которые они обработывали или сами, или съ помощью одного, двухъ работниковъ. Хозяйства эти, напоминающія хутора, состояли изъ двора, дворища, пашни» и проч. (Соколовскій).

Рядомъ съ такимъ внутреннимъ развитіемъ общиннаго принципа идетъ и внѣшнее распространеніе землевладѣнія, на немъ основаннаго. Именно, въ старину, несмотря на обиліе земли, существовалъ обширный классъ лицъ, неимѣвшихъ вовсе самостоятельнаго хозяйства или хотя и работавшихъ своимъ инвентаремъ, но на помѣщичьей землѣ (холопы, закупы). Впослѣдствіи преобладаніе получаетъ другой родъ безземельныхъ — продуктъ фискальной системы московскаго государства—захребетники, подсусѣдники, бобыли, казаки и проч. Они или жили въ собственныхъ дворахъ, или не имѣли даже и послѣднихъ и существовали наемной работой. «Представляется вопросъ, какимъ образомъ могъ появиться въ XVI вѣкѣ классъ безземельныхъ и малоземельныхъ людей? Земли было много и земли, въ высшей степени плодородной; черныя волости, землевладѣльцы наперерывъ другъ передъ другомъ предлагали выгодныя условія поселяющимся у нихъ крестьянамъ, а между тѣмъ въ обществѣ явился элементъ безземельныхъ. Причинъ такого явленія надо искать,

во-первыхъ, въ возможности найти себѣ средства существованія внѣ земледѣлія; во-вторыхъ, въ тяжести повинностей, лежавшихъ на землѣ, и, въ-третьихъ, въ отсутствіи принудительной власти въ общинѣ» (Соколовскій, «Экономическій бытъ» и проч., стр. 16). Возможность существованія внѣ земледѣлія, «отсутствіе принудительной власти въ общинѣ» суть условія, дѣлавшія возможнымъ появленіе безземельныхъ; положительной же причиной ихъ зарожденія должна быть признана тяжесть повинностей. Но и этотъ классъ беззаботныхъ, забубенныхъ, гулящихъ людей, готовыхъ на всякое рискованное предпріятіе и повидимому малоспособныхъ къ труду, кончилъ, однако, тѣмъ, что превратился въ солидныхъ хлѣбопашцевъ, заселившихъ степи и приложившихъ къ землепользованію излюбленные, общинные же порядки. И въ XIX вѣкѣ (мы говоримъ о времени до освобожденія крестьянъ), кромѣ дворовыхъ, не было почти крестьянъ безземельныхъ или владѣвшихъ землею исключительно на частномъ правѣ; не могли они и образоваться (до новѣйшаго, впрочемъ, времени), такъ какъ, по современнымъ обычаямъ нашихъ крестьянъ, всякій, родившійся отъ семьи общинника, получаетъ въ своей деревнѣ надѣлъ.

По общепринятой теоріи выходитъ, что впродолженіи историческаго существованія Россіи не должно бы вновь возникать общинное землевладѣніе: естественное развитіе индивидуализма ведетъ, по смыслу этого ученія, къ тому, что и члены существующихъ общинъ стремятся сбросить связывающія ихъ узы, и странно, еслибы свободные граждане по собственной волѣ наложили на себя такое ярмо. Тѣмъ не менѣе, такая странность существуетъ. Извѣстно, что заботы Александра I объ освобожденіи крѣпостныхъ разрѣшились изданіемъ закона о такъ называемыхъ вольныхъ хлѣбопашцахъ. Насколько это ослабило сферу вліянія крѣпостного права, видно изъ того, что съ 1804 по 1855 гг. освобождено было такимъ образомъ 115,734 души [1]. Но для насъ теперь важна не эта, а другая сторона вопроса: освобождаемые обязательно надѣлялись землей подворно въ потомственное владѣніе. Что же вышло? Правительство стремится водворить личное землевладѣніе, устраняетъ законныя и обычныя препятствія естественному (?) развитію индивидуализма, даетъ возможность каждому крестьянину быть совершенно свободнымъ въ своемъ землепользованіи, не зависѣть въ этомъ отношеніи отъ сосѣдей; а покровительствуемое закономъ личное землепользованіе пятится назадъ, крестьяне-индивидуалисты не-

[1] Романовичъ-Славатинскій, «Дворянство въ Россіи», глава IV.

только сохраняютъ остатки прежней взаимозависимости, но и пытаются расширить ее до настоящаго общиннаго землевладѣнія. Такъ, всѣ 10 деревень вольныхъ хлѣбопашцевъ Московской губерніи не стремятся разъединиться еще дальше: продолжаютъ владѣть землей черезполосно; половина ихъ даже ввела передѣлы, хотя права каждой семьи на участокъ опредѣляются при этомъ не потребностями ея въ землѣ (какъ въ настоящей общинѣ), а юридическими ея правами. Другими чертами общиннаго быта въ такихъ деревняхъ являются слѣдующіе факты: пастбища у всѣхъ членовъ деревни общіе и выморочные надѣлы поступаютъ въ общество [1]. Но если личное землевладѣніе московскихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ, поддерживаемое силою закона, развилось на столько, что дѣлаетъ невозможнымъ полное возвращеніе къ прежнимъ общиннымъ порядкамъ, за то въ другихъ мѣстностяхъ нерѣдко вновь испеченные свободные собственники отказываются отъ дарованной имъ воли и сами запрягаются въ общинное ярмо. Такъ поступили, напримѣръ, вольные хлѣбопашцы с. Ижевскаго, Спасскаго уѣзда, Рязанской губерніи [2], Никитская волость, Валуйскаго уѣзда, Воронежской губерніи [3], около 13,000 вольныхъ хлѣбопашцевъ Ярославской губерніи [4].

Есть у насъ примѣръ еще болѣе яркій. Вольные хлѣбопашцы, тѣ, по крайней мѣрѣ, произошли отъ крестьянъ, имѣли, слѣдовательно, общину хотя бы въ прошедшемъ. Но вотъ группа однодворцевъ, образовавшаяся не изъ хлѣбопашцевъ, а изъ служилаго сословія (солдатъ и мелкихъ дворянъ), надѣляемаго землей на помѣстномъ правѣ. Съ теченіемъ времени, когда защита ими нашихъ окраинъ (съ какой цѣлью и былъ учрежденъ этотъ отдѣлъ служилыхъ хлѣбопашцевъ) сдѣлалась излишней, они превратились въ настоящихъ хозяевъ, и здѣсь-то начался интересный процессъ развитія общинныхъ отношеній, процессъ, доказывающій, что даже послѣднее столѣтіе не было безусловно враждебно общинѣ, что и теперь существовали обстоятельства, благопріятствовавшія нетолько сохраненію общиннаго землевладѣнія, но и появленію его на почвѣ частнаго. Результатомъ личнаго владѣнія среди однодворцевъ было крайне неравномѣрное распредѣленіе у нихъ земли, для избѣжанія котораго однодворцы нѣкоторыхъ провинцій обращались въ концѣ прошлаго вѣка къ правительству съ просьбой ввести у нихъ передѣлы. Но неза-

---

[1] Орловъ, «Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Московской губерніи».
[2] Кавелинъ, «Общинное землевладѣніе».
[3] «Русская правда», 1879, 135
[4] Кавелинъ, id изъ Якушкина, «Обычное право».

висимо отъ этого (неимѣвшаго успѣха) ходатайства, развитіе общинныхъ началъ среди разсматриваемой группы личныхъ собственниковъ къ XIX вѣку достигло уже той ступени, на которой сама собой, безъ участія принудительной власти правительства, выростаетъ общинная организація. «Отрывочныя указанія на это есть, но къ сожалѣнію ихъ слишкомъ мало. Такъ, напримѣръ, Гакстгаузенъ говоритъ относительно однодворцевъ Загорской волости, Тамбовской губерніи, что земля дѣлится у нихъ подушно». «Въ Воронежской губерніи, по свидѣтельству мѣстнаго изслѣдователя, среди однодворцевъ, на мѣсто личнаго владѣнія землею стало общинное и сдѣлало ненужными старые акты на землю. Въ Смоленской губерніи половина однодворцевъ перешла къ общинному пользованію землею. Однодворцы, переселившіеся въ Оренбургскую губернію, на Кавказъ и въ Сибирь, по словамъ Я. Соловьева, пользуются отведенными имъ казенными землями наравнѣ съ прочими государственными крестьянами, распредѣляя ихъ между семействами по числу душъ каждаго» [1]. Однодворцы д. Калиновой, Пущинской волости, Серпуховскаго уѣзда, Московской губерніи, для избѣжанія крайне неравномѣрнаго распредѣленія среди нихъ земли, происшедшаго подъ вліяніемъ долголѣтняго владѣнія ею на частномъ правѣ, въ 1859 году передѣлили между собой землю по числу ревизскихъ душъ [2]. Тоже сдѣлали однодворцы с. Карабулака, Саратовскаго уѣзда [3]. Сюда же, можетъ быть, относится и то большинство государственныхъ крестьянъ Тамбовской губерніи, которое, по заявленію г. Девеля въ собраніи петербургскихъ сельскихъ хозяевъ, владѣло прежде землей подворно, а при введеніи уставныхъ граматъ потребовало превращенія личнаго землевладѣнія въ общинное [4].

Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что общины, столь обширныя по размѣрамъ и достигшія такого высокаго развитія нѣкоторыхъ своихъ сторонъ, какъ общины донскихъ и уральскихъ казаковъ, образовались не въ древней Руси; онѣ суть продуктъ послѣдующей исторіи нашего народа, и хотя на ихъ организаціи отразились эгоистическія стремленія вліятельныхъ чиновъ, но это не сдѣлало ихъ неспособными къ дальнѣйшему движенію впередъ. Даже наши славянскіе индивидуалисты—малороссы—какъ бы взялись опровергнуть ложь-

---

[1] В. Семевскій, «Русская Старина, 1879, 4

[2] Орловъ, «Формы крестьянскаго землевладѣнія»

[3] Трироговъ, «Голосъ» 1880, 28.

[4] Капустинъ, «Формы землевладѣнія».

ность мнѣнія о противорѣчіи общинныхъ принциповъ тенденціямъ, которыя несетъ за собой цивилизація: переселяясь на свободныя земли южныхъ и юговосточныхъ степей, они не задумываются отказаться отъ свободы распоряженія своимъ участкомъ, къ чему они привыкли на родинѣ, и мѣняютъ личное землевладѣніе на общинное.

Какъ ни мало еще изслѣдована русская община, но и теперь уже попадаются въ литературѣ факты, указывающіе на то, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ она стремится къ высшему развитію и къ болѣе строгому примѣненію принциповъ справедливости. Такъ извѣстно, что обычными основаніями разверстки земли между членами общины служатъ у насъ число работниковъ и число душъ мужского пола; дополняющимъ моментомъ являются производительныя силы хозяйства, его зажиточность. Но вотъ кое-гдѣ преобладаніе получаетъ принципъ гораздо болѣе справедливый: потребность семьи въ хлѣбѣ, измѣряемая числомъ ртовъ, ѣдоковъ обоего пола. «До послѣдняго времени въ Шуйской волости (Тотемскій уѣздъ, Вологодской губерніи) землею надѣлялись только мужскія души. Поэтому счастлива была семья, въ которой мужскихъ душъ было больше, чѣмъ женскихъ; напротивъ, семья съ преобладающимъ женскимъ населеніемъ бѣдствовала. Въ послѣднее время—года три назадъ—міръ вошелъ въ положеніе семей съ преобладающимъ женскимъ населеніемъ, положивъ въ основу распредѣленія земель не ревизскую душу и не мужскую вообще, а ѣдока» [1].

Всѣ вышеизложенные факты позволяютъ намъ, кажется, игнорировать теорію о неизбѣжности разрушенія общины въ историческомъ развитіи народа и признать, что по отношенію къ Россіи въ общемъ имѣлъ мѣсто противуположный процессъ.

III.

И такъ, русская община оказалась живучѣе западно-европейской: она съ честью вышла изъ тѣхъ испытаній, которымъ ей пришлось подвергаться впродолженіи ея тысячелѣтней исторіи. Откуда такое различіе въ судьбѣ землевладѣнія Россіи и Европы; какими общественными и историческими особенностями обставлена была община нашего народа? Удовлетворительный отвѣтъ на приведенный вопросъ долго еще будетъ невозможенъ, по-

[1] «Недѣля», 1881, № 8 «Два факта изъ жизни общины».

тому что лишь недавно ученые перенесли свое вниманіе отъ событій политическихъ и тѣхъ, которые совершаются въ такъ называемомъ «обществѣ», къ жизни и исторіи народовъ. Но нетерпѣливая человѣческая мысль требуетъ отвѣта сейчасъ же, и ее мало стѣсняетъ неразработанность матеріала, касающагося соотвѣтствующихъ общественно-экономическихъ явленій. Не имѣя возможности разрѣшить соціологическую задачу, она ее устраняетъ вовсе, сводя вопросъ на почву расовыхъ отличій различныхъ народовъ. Иначе говоря, фактъ общиннаго строя русскаго народа, требующій историческаго объясненія, славянофилы и славянофильствующіе возводятъ въ законъ, подмѣнивъ конкретную общественную, слѣдовательно, сложную форму простымъ, внѣ области соціальныхъ явленій стоящимъ, народнымъ «духомъ», нетолько независящимъ отъ того или другого направленія исторической жизни, но опредѣляющимъ послѣднюю, указывающимъ путь развитія народа. Въ послѣднее время была сдѣлана попытка свести это сложное психическое явленіе («народный духъ») на простые элементарные психологическіе факторы, придать, слѣдовательно, гипотезѣ славянофиловъ научное основаніе («Русская Мысль», 81, 2—3, статья Арендаренко «Крестьянская община»). Но неудачный исходъ попытки можно было предвидѣть заранѣе, зная, что психологія человѣка, какъ наука абстрактная, и ея развѣтвленіе—психологія народовъ развиты еще такъ недостаточно, что не могутъ дать научно-обоснованныхъ посылокъ для дедуктивнаго изслѣдованія общественныхъ явленій. Стремленіе свести вопросъ на психологическую почву мы считаемъ преждевременнымъ и на томъ основаніи, что изслѣдователи общины еще недостаточно воспользовались уже разработаннымъ историческимъ матеріаломъ, не выяснили вліянія, оказываемаго на развитіе общиннаго принципа такими историческими факторами, которые уже хорошо извѣстны въ наукѣ и которые служатъ характеристическими чертами, отличающими исторію одного народа отъ другого. Что касается Россіи, то въ ея прошломъ мы имѣемъ слѣдующія особенности, весьма важныя для судьбы общиннаго землевладѣнія: отсутствіе феодализма и вытекающая отсюда слабость дворянства сравнительно съ правительствомъ, и колонизаціонный характеръ русской исторіи.

Разрушеніе общины и обезземеленіе народа суть двѣ стороны одного и того же процесса. Мотивомъ перваго, насколько оно зависитъ отъ сознанія отдѣльныхъ лицъ, служитъ то, что за нимъ можетъ послѣдовать второе, но и появившись независимо отъ подобныхъ мотивовъ, расторженіе общины естественно приводитъ къ неравномѣрности распредѣленія земли, къ обезземеленію

части народонаселенія. Поэтому оба процесса должны быть изучаемы одновременно, и тѣ причины, которыя, по изслѣдованію историковъ, обусловливаютъ то или иное распредѣленіе земли въ государствѣ, послужатъ намъ и для объясненія судьбы общины.

Такъ какъ дворянство повсюду есть классъ землевладѣльческій или стремится сдѣлаться таковымъ, то естественно, если судьбу народнаго землевладѣнія вообще и общины въ частности связывали съ судьбой этого класса, ставили въ зависимость отъ силы и вліянія, пріобрѣтеннаго послѣднимъ. Въ этомъ отношеніи исторія Россіи представляетъ прямую противоположность Западу: тамъ дворянство образовалось естественно изъ первобытнаго общества, безъ прямого воздѣйствія царской власти, и потому оно было независимо отъ послѣдней, представляло само по себѣ политическую силу, съ которой должно было считаться правительство. У насъ дворянство явилось по милости царской власти, ради ея интересовъ, принимало ту или другую организацію сообразно потребностямъ государства, возвышалось или опускалось по лѣстницѣ экономическаго благосостоянія, смотря потому, насколько съумѣло угодить своему государю и насколько это было въ интересахъ послѣдняго. Поэтому оно было бѣдно и слабо, никакимъ политическимъ вліяніемъ не пользовалось, никакого серьёзнаго сопротивленія мѣрамъ правительственнымъ оказать не могло, никакихъ самостоятельныхъ требованій царской власти не предъявляло, на политическую роль въ странѣ не претендовало. По сему проводить аналогію между нашимъ строемъ и западноевропейскимъ никакъ невозможно; «сравнивать или даже находить какое-либо подобіе между горделивыми и самостоятельными феодалами, жившими, какъ орлы, въ неприступныхъ замкахъ, и присвоившими себѣ всѣ права государственной власти нетолько надъ крѣпостными, но и надъ вольными людьми, сравнивать ихъ съ нашими помѣщиками, надѣленными 50—100 десятинами и выгоняемыми на службу, какъ крестьяне на барщину, а за ослушаніе лишаемыми помѣстій—сдѣлать такіе выводы и заключенія значитъ извращать смыслъ и значеніе историческихъ фактовъ» [1]. Если на Западѣ государь былъ первый среди равныхъ, то у насъ онъ былъ господинъ, а дворяне — его холопы. Слѣдовательно, дворянство не имѣло у насъ политической силы, не могло вопреки или независимо отъ правительства вліять на судьбу землевладѣнія, преслѣдовать въ этой области сознательно и систематически какіе-либо корпоративные интересы,

[1] Кн. Васильчиковъ «Земледѣліе и земледѣльцы». Т. I. стр. 345.

противоположные интересамъ народа и нежелательные царской власти. Оно не требовало и не грозило правительству, а жаловалось ему и молило. Общинное землевладѣніе, насколько ему угрожаетъ опасность со стороны самостоятельной дворянской доктрины, было у насъ до послѣдняго времени застраховано отъ разрушенія; между тѣмъ, какъ на Западѣ стремленіе этого привилегированнаго класса округлить свои владѣнія и подчинить своему распоряженію крестьянское сословіе было главнѣйшимъ факторомъ, доканавшимъ окончательно общину.

Впрочемъ, намъ кажется, что ученые сильно преувеличили значеніе сознательной и систематической дѣятельности дворянства въ дѣлѣ разрушенія общины, дѣятельности, вытекающей изъ его политическаго міросозерцанія. Яркимъ представителемъ такого односторонняго взгляда можетъ служить кн. Васильчиковъ, приписывающій всѣ мѣропріятія западнаго дворянства въ дѣлѣ организаціи землевладѣнія строго продуманной и логически построенной системѣ. Англійское дворянство, напримѣръ, по его мнѣнію, «съ дальновидной предусмотрительностью почувствовало, что закрѣпленіе крестьянъ можетъ привести современемъ, по давности владѣнія, и къ праву собственности (крестьянъ на землю), что лучше уступить поселянамъ личную свободу, чѣмъ часть своихъ имуществъ» [1]; и руководимые такой предусмотрительностью, достойной мудрости змія, англійскіе лорды приступили къ освобожденію крестьянъ чуть ли еще не съ XII вѣка. Законченная система, какъ принципъ дѣятельности класса, по нашему мнѣнію, появилась лишь впослѣдствіи, когда классъ этотъ получилъ окончательную организацію, когда его умственное развитіе подвинулось настолько, что онъ почувствовалъ необходимость и возможность философски обосновать свою политику, защитить ее нетолько силою оружія, но и доводами мысли. Такіе мотивы къ теоретической систематизаціи своихъ практическихъ политическихъ воззрѣній и, какъ результатъ ея, болѣе послѣдовательное проведеніе въ жизнь принциповъ своей партіи явились лишь впослѣдствіи, когда большая половина дѣла была уже кончена и когда оставалось только подобрать остатки общины. Главнѣйшій же процессъ разрушенія послѣдней и обезземеленія народа совершался путемъ отдѣльныхъ, разбросанныхъ актовъ, не вытекавшихъ изъ ясно продуманной системы, не соединенныхъ одинъ съ другимъ сознательно принципіальной связью. Однообразіе дѣйствій дворянства покоилось, главнымъ образомъ, на постоянствѣ его интересовъ; «система» образовывалась не въ его головѣ,

[1] Id., стр. 101.

выростала изъ жизни, и уже потомъ подъ нея подставлялись логическія основанія. Между тѣмъ, подобнымъ преувеличеніемъ исторической роли юридическихъ воззрѣній правящихъ классовъ затемняется истинное положеніе дѣла. Въ данномъ случаѣ, придавая слишкомъ большое значеніе систематической дѣятельности дворянства, вытекающей якобы изъ его воззрѣнія на себя, какъ на классъ, которому должна *принадлежать* вся земля, упускаютъ изъ виду тѣ вліянія, какія оно должно было оказывать на общину въ качествѣ слоя *земледѣльческаго,* въ качествѣ группы лицъ, ведущихъ ли *самостоятельное хозяйство*, или только получающихъ съ крестьянъ оброки; въ качествѣ класса, *организующаго крупное производство* и покровительствующаго таковому, или же имѣющаго передъ собой исключительно мелкую земледѣльческую культуру и незнакомаго ни съ какой другой. Вотъ съ этой-то точки зрѣнія, разсматривая дворянство не со стороны его политическаго значенія, не какъ сословіе, призванное только получать доходы отъ земли, подъ какой бы формой они къ нему ни поступали, а какъ группу лицъ, имѣющихъ, кромѣ государственнаго, большее или меньшее мѣстное значеніе, относящихся, кромѣ того, къ землѣ либо только какъ ея владѣльцы, получающіе ренту, или же какъ хозяева-производители, заботящіеся о водвореніи той или другой культуры—съ этой точки зрѣнія русская исторія отличается еще рѣзче отъ западно-европейской. А эта сторона, по нашему мнѣнію, имѣетъ преимущественное значеніе для судьбы общины и народнаго землевладѣнія.

Если дворянство занято исключительно или главнымъ образомъ государственной службой, то, хотя оно и получаетъ ренту, считаетъ землю своей принадлежностью, а обработывающихъ ее крестьянъ своими крѣпостными или арендаторами, но эти его юридическія воззрѣнія, по всей вѣроятности, не отразятся на судьбѣ мелкаго землевладѣнія и землепользованія. Не живя въ имѣніи, не имѣя собственнаго хозяйства, такой дворянинъ остается чуждымъ интересамъ земледѣлія и находится въ сторонѣ отъ мѣстныхъ дрязгъ. Ему нѣтъ цѣли и повода стать на защиту той или другой группы членовъ общины, борящихся за преобладаніе; онъ предоставитъ общину ея собственнымъ силамъ; время и разные общественно-историческіе факторы опредѣлятъ дальнѣйшую судьбу землевладѣнія и сельско-хозяйственной культуры. Если же дворянинъ поселяется въ имѣніи, заводитъ собственную запашку, становясь такимъ образомъ самъ крупнымъ производителемъ, то онъ, во-первыхъ, входитъ въ близкое соприкосновеніе съ мѣстными интересами, во-вторыхъ, вноситъ и свою лепту въ сферу послѣднихъ. А главнѣйшій мѣст-

ный интересъ, это—земледѣльческій (производство). Пусть помѣщикъ считаетъ землю со всѣмъ на ней живущимъ своей полной собственностью — положеніе крестьянъ опредѣляется не этимъ воззрѣніемъ, а тѣмъ обстоятельствомъ, въ какихъ отношеніяхъ стоятъ они къ землѣ въ качествѣ производителей: суть ли они мелкіе самостоятельные хозяева, или чужіе батраки. Въ общинѣ, рядомъ съ которой поселился помѣщикъ, есть и тѣ, и другіе; неравенство здѣсь появляется очень рано, но впослѣдствіи оно можетъ исчезнуть, такъ какъ община есть организмъ живой и развивающійся; при благопріятныхъ обстоятельствахъ она будетъ прогрессировать въ сторону дальнѣйшаго развитія основнаго своего принципа; при другихъ она рушится, и на ея мѣстѣ болѣе или менѣе пышно расцвѣтетъ цвѣтокъ индивидуализма. Неравенство, повторяемъ, возникаетъ въ общинѣ рано; въ большинствѣ случаевъ даже она, прежде чѣмъ достигнуть высшаго развитія, неизбѣжно проходитъ эту ступень; такъ это было, между прочимъ, и въ Россіи. Но дальнѣйшая судьба неравенства зависитъ и оттого, приметъ или нѣтъ участіе въ борьбѣ, завязавшейся внутри общины, политически сильный помѣщикъ; и если приметъ, то на какую сторону онъ станетъ. Какъ крупный *производитель*, нуждающійся въ батракахъ, какъ представитель индивидуализма, онъ пойдетъ рука объ руку съ эгоистическими стремленіями, зародившимися въ общинѣ, будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ богатыми крестьянами, стараться округлить свои и ихъ владѣнія; руководствуясь интересами крупнаго производства и интенсивной культуры, похлопочетъ объ обезземеленіи массы и превращеніи мелкихъ хозяевъ въ батраковъ. Слѣдовательно, для судьбы общины и народнаго землевладѣнія имѣетъ большее значеніе не то обстоятельство, какъ сильно дворянство и каковы его юридическія воззрѣнія, а отношенія, въ какихъ оно стоитъ къ мѣстнымъ интересамъ вообще; въ частности оно само есть классъ нетолько землевладѣльческій, но и земледѣльческій. Россія тѣмъ и отличается отъ Европы, что въ послѣдней дворянство жило на мѣстѣ, занималось хозяйствомъ, было заинтересовано, слѣдовательно, въ развитіи крупной культуры и обезземеленіи народа, для чего оно соединилось съ индивидуалистическими элементами общины; въ Россіи же оно, впродолженіи значительно большей части своей исторіи, оставалось сословіемъ исключительно служилымъ, бродячимъ, чуждымъ мѣстныхъ интересовъ, не выработавшимъ даже сословныхъ принциповъ, незаинтересованнымъ въ пользу крупнаго производства и потому не стоявшимъ за кучку богатыхъ членовъ общины; напротивъ, скорѣе склонявшимся на сторону

ОЧЕРКИ ОБЩИННАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ВЪ РОССІИ.

Очеркъ второй.

Сѣверная община и ея исторія.

I.

Изслѣдователи первобытныхъ человѣческихъ обществъ болѣе или менѣе единогласно утверждаютъ, что взаимныя отношенія членовъ послѣднихъ построены на такихъ высокихъ принципахъ братства и справедливости, до которыхъ очень далеко современнымъ цивилизованнымъ, пропитнутымъ враждой и эгоизмомъ обществамъ и которыя въ наше время осуществляются иногда развѣ только среди культивированныхъ религіозныхъ согласій. Эти характеристическія черты организаціи нецивилизованныхъ народовъ развились подъ вліяніемъ слѣдующихъ условій: тѣхъ выгодъ, какія всѣ члены общества получаютъ отъ совмѣстнаго преслѣдованія цѣлей человѣческаго существованія, и простоты отношеній между людьми, не запутывающей ихъ взаимной зависимости и допускающей каждому ясно видѣть и живо чувствовать солидарность, связывающую всѣхъ членовъ общества въ одинъ братскій союзъ. Указанное настроеніе первобытнаго человѣка развивается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше прошелъ онъ ступеней своего до-историческаго существованія.

Пока люди живутъ охотой, они сравнительно мало чувствуютъ потребности въ чужой помощи; соединяются они другъ съ другомъ рѣдко, для преслѣдованія временныхъ цѣлей, по достиженіи которыхъ союзъ разстраивается и дикари возвращаются къ прежнему одиночеству. На слѣдующей ступени развитія узы, связывающія людей въ группы, сообща заботящіяся о своемъ

существованіи, становятся гораздо прочнѣе, пастушескій бытъ требуетъ уже постояннаго общества. Само прирученіе животныхъ врядъ ли мыслимо при разъединенной жизни людей, а владѣніе большими стадами требуетъ непремѣнно союза многихъ лицъ для обереганія своего имущества отъ враговъ, дикихъ животныхъ и разныхъ случайностей кочеваго существованія. Поэтому, элементарной экономической единицей на описываемой ступени человѣческаго развитія является цѣлая община: люди здѣсь живутъ не отдѣльными индивидуумами, даже не семьями въ нашемъ смыслѣ слова, а коммунами; общинные принципы распространяются на всѣ экономическія стороны жизни такой группы, они охватываютъ какъ производство, такъ и потребленіе продуктовъ. Здѣсь «каждый вноситъ въ общее дѣло весь свой трудъ и удовлетворяетъ изъ продукта всѣ свои потребности, т. е. всѣ члены живутъ какъ одно корпоративное цѣлое» (Спенсеръ «Основанія Соціологіи», т. II). Указанная солидарность становится еще прочнѣе съ переходомъ отъ кочеваго быта къ земледѣльческому. Необходимость общихъ заботъ о благосостояніи каждаго если и не дѣлается шире, то во всякомъ случаѣ принимаетъ болѣе осязательную форму. Нужно имѣть въ виду, что на первыхъ ступеняхъ осѣдлаго состоянія различныя земледѣльческія манипуляціи человѣку приходится совершать при помощи орудій, крайне несовершенныхъ, и потому весьма мало облегчающихъ его трудъ. Для разрыхленія, напримѣръ, земли подъ посѣвъ, онъ имѣетъ только палку, которую не всякій, пожалуй, догадается и заострить. Сколько бы времени пришлось такому земледѣльцу, работающему въ одиночку, ковырять почву для приведенія въ годное подъ посѣвъ состояніе мало-мальски значительнаго клочка земли! По всей вѣроятности, дѣло это ему вовсе было бы не подъ силу, и земледѣліе могло явиться на свѣтъ Божій только благодаря тому, что техническіе недостатки люди восполнили широкимъ приложеніемъ кооперації. Если въ настоящее время, когда земледѣлецъ притянулъ къ своему промыслу скотину, когда онъ вооружился такими орудіями, какъ соха, борона, коса и пр., если и ему невозможно продѣлать всѣ земледѣльческія манипуляціи одному и весьма трудно управляться съ хозяйствомъ при небольшомъ составѣ семьи, то каково должна была бы чувствовать себя одинокая первобытная земледѣльческая семья, нетолько неимѣющая никакихъ спеціальныхъ орудій труда, но принужденная въ тоже время не оставлять и прежнихъ заботъ о скотѣ, ибо земледѣліе, на первыхъ ступеняхъ его развитія, удовлетворяетъ лишь незначительную часть человѣче-

скихъ потребностей, а главная ихъ масса удовлетворяется, попрежнему, способами, присущими пастушескому быту.

И такъ, переходъ къ земледѣлію, на первыхъ порахъ, не отрицаетъ общинной организаціи, выработанной предыдущей ступенью развитія; напротивъ, шагъ этотъ еще болѣе связываетъ общество, такъ какъ, лишь благодаря послѣднему здѣсь возможно практиковать раздѣленіе труда на земледѣльческій и пастушескій, столь необходимое на этой ступени полу-кочевого, полу-осѣдлаго состоянія, и такъ какъ въ земледѣльческой отрасли общественный трудъ является въ новыхъ комбинаціяхъ, еще ярче и осязательнѣе рисующихъ зависимость членовъ общества другъ отъ друга. Мы говорили, что одному, двумъ людямъ почти невозможно, помощью только палки, разрыхлить подъ посѣвъ сколько-нибудь значительный участокъ земли. Но если нѣсколько человѣкъ соединяется для этой цѣли вмѣстѣ, то кромѣ суммы ихъ единичныхъ напряженій, они будутъ обладать еще тѣмъ излишкомъ силы, который является результатомъ кооперації и присущъ исключительно ей; этимъ они какъ бы удвоиваютъ и утроиваютъ производительныя средства каждаго, замѣняютъ до нѣкоторой степени лучшія орудія производства; кромѣ того, такое соединеніе позволяетъ и въ этой частной области примѣнить раздѣленіе труда между сильными мужчинами и болѣе слабыми женщинами и дѣтьми. У фиджійцевъ, напримѣръ, достигается это слѣдующимъ образомъ: нѣсколько человѣкъ вбиваютъ заостренныя палки въ землю, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой и располагая ихъ по окружности круга; затѣмъ, рычагообразными движеніями, наклоняя свободный конецъ палки кнаружи и дѣйствуя при этомъ вдругъ, они подымаютъ сразу большой круглый пластъ земли; за ними слѣдуетъ слабые члены общества, и разбиваютъ палками вывороченныя глыбы на болѣе мелкіе куски. [1] На сѣверо-восточномъ берегу Новой Гвинеи раздѣленіе земледѣльческаго труда идетъ еще дальше: «мужчины, двигаясь шеренгами, кольями поднимаютъ большія глыбы земли, расчищенной изъ подъ обгорѣлаго лѣса; по мѣрѣ того, какъ они идутъ впередъ—за ними двигаются женщины и разбиваютъ землю на меньшіе комья; за женщинами слѣдуетъ рядъ дѣтей, окончательно разрыхляющихъ ее. [2] Подобными пріемами нѣсколько человѣкъ разрыхляетъ въ какіе-нибудь полчаса больше, чѣмъ тоже количество лицъ, работая каждое отдѣльно, сдѣлаетъ это въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Кромѣ этого необходи-

[1] Лэббокъ «До-историческія времена», с. 363—4.
[2] Слово, 80, 1 «Экономич. теорія Маркса».

маго земледѣльческаго труда, полу-кочевникамъ очень часто приходится принимать мѣры для орошенія своихъ полей, ибо степи, гдѣ они кочуютъ и гдѣ совершается переходъ ихъ къ земледѣлію, нерѣдко характеризуются маловодіемъ и засухами. Такъ напримѣръ, киргизы нашихъ степей устраиваютъ, съ цѣлью орошенія, вокругъ своихъ полей цѣлую систему каналовъ или вѣрнѣе канавъ, бороздъ, помощью которыхъ проводятъ на поля воду изъ разлившихся степныхъ рѣкъ. Все это дѣлается самими несовершенними орудіями, не всегда даже лопатой, а просто палкой или мотыкой. Немудрено, что «трудъ этотъ можно назвать египетскимъ, и у русскаго человѣка не хватило бы столько терпѣнія» [1]; и ясно, что всѣ техническія несовершенства и затрудненія способовъ, употребляемыхъ киргизами въ этой работѣ, могутъ быть побѣждены лишь широкимъ развитіемъ кооперації, примѣненіемъ въ большихъ размѣрахъ соединенія личныхъ силъ отдѣльныхъ членовъ общества.

И такъ, первобытныя земледѣльческія организаціи построены были на общинныхъ, даже коммунистическихъ принципахъ. Вторая характеристическая черта, это — простота отношеній между членами, позволяющая живо чувствовать связь, ихъ соединяющую. Современная намъ жизнь крайне сложна и запутана, взаимная братская зависимость членовъ общества, интимныя узы, связывающія ихъ въ одно стройное, гармоническое цѣлое, затемняются враждой и эгоизмомъ, плавающими на поверхности житейскаго моря, составляющими ближайшую всѣмъ видимую причину человѣческихъ поступковъ; и для открытія истинныхъ законовъ общества требуется не малая работа мысли; средній же индивидъ, необразованный и слабомыслящій, серьёзно убѣжденъ, что человѣкъ человѣку волкъ, что всякій владѣетъ только тѣмъ, что добылъ собственными силами, отъ другихъ же, отъ общества, видитъ нетолько не помощь, но желаніе надуть, урвать. Эти «другіе» не имѣютъ въ его глазахъ правъ требовать отъ кого-либо уступокъ или жертвъ, и онъ съ своей стороны не чувствуетъ никакого обязательства по отношенію къ этому цѣлому, именуемому обществомъ. Такъ думаетъ современный гражданинъ своей страны, но не таковы были чувства и мысли нашихъ предковъ. Для нихъ ясна была та помощь, какую они получали отъ собратій; имъ было очевидно, что своимъ существованіемъ они обязаны тѣмъ принципамъ братства и справедливости, на которыхъ построена организація общества; каждый понималъ, что его личныхъ усилій было бы далеко недостаточно для снос-

[1] «Русскій Курьеръ», 1880 г. № 220

наго существованія, что послѣднимъ онъ гораздо болѣе обязанъ другимъ, обществу, нежели собственнымъ силамъ, ничтожнымъ. Словомъ, первобытный человѣкъ не отдѣляетъ себя отъ другихъ, чувствуетъ себя частью цѣлаго, сознаетъ себя членомъ великой семьи—общины. Сообразно этому его соціальное міросозерцаніе построено не на принципахъ вражды и эгоизма, а на альтруистическихъ положеніяхъ равенства и справедливости; впереди личныхъ интересовъ онъ ставитъ интересъ общества, эгоистическія побужденія подчиняетъ нравственнымъ требованіямъ. Если же принять во вниманіе, что подъ дѣйствіемъ такихъ объединяющихъ вліяній человѣчество прожило цѣлыя тысячелѣтія своего доисторическаго существованія, то намъ сдѣлается понятнымъ, почему идеи свободы, равенства, братства такъ прочно утвердились въ сердцѣ человѣка, что пережили самыя мрачныя эпохи деспотизма, рабства, безправія. Поймемъ мы и то, почему они запали такъ глубоко въ нашу душу, что люди, повидимому, самые эгоистическіе и руководящіеся въ жизни правилами, неимѣющими ничего общаго съ указанными высокими принципами, при извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, вдругъ совершенно ясно сознаютъ себя членами высокой семьи-человѣчества и готовы отдать жизнь за тѣ принципы, къ которымъ не задолго они относились не иначе, какъ съ насмѣшкою. Такая прочность нравственнаго наслѣдія, полученнаго нами отъ первобытныхъ временъ, служитъ ручательствомъ, что въ будущемъ человѣчество съумѣетъ устроиться сообразно тѣмъ принципамъ братства и справедливости, которые мы можемъ считать теперь врожденными нашей природѣ.

Цивилизація самостоятельно зародилась не повсемѣстно, гдѣ только жилъ родъ человѣческій; для этого нужны нѣкоторыя благопріятныя естественныя условія, изъ которыхъ мы назовемъ теплый климатъ и плодотворную почву, дающую возможность, безъ помощи сложныхъ орудій и черезъ-чуръ большой затраты силы, получать хорошіе урожаи хлѣба. Въ другія мѣстности культура была занесена тѣмъ или инымъ способомъ и главнымъ образомъ путемъ переселеній народовъ и завоеваній. На новомъ мѣстѣ переселившіеся могли и не встрѣтить условій, благопріятныхъ для осуществленія той конкретной общественной формы, въ которую на родинѣ вылились ихъ общественные принципы; но они явились туда тѣмъ не менѣе съ извѣстнымъ альтруистическимъ нравственнымъ настроеніемъ, съ инстинктами равенства и свободы, и новую свою жизнь пытались построить именно на основаніи этихъ инстинктовъ; внѣшними условіями опредѣлялась

лишь та форма, какую приметъ опредѣленное заранѣе общественно-нравственное содержаніе колонистовъ. На новой родинѣ имъ можетъ быть нельзя отвести въ своемъ хозяйствѣ такого мѣста скотоводству, какое оно занимало при старой обстановкѣ, невозможно селиться, а слѣдовательно, и работать болѣе или менѣе обширными группами; за то здѣсь обилие воды и лѣсовъ, богатство рыбы и звѣря. И колонисты устраиваются на незнакомой почвѣ сообразно тѣми понятіями объ обществѣ, какія они выработали на родинѣ; они стараются и новыя для нихъ отрасли труда—рыболовство, звѣроловство—организовать на тѣхъ же излюбленныхъ принципахъ справедливости, взаимопомощи, ввести здѣсь общину, артель.

Для исторіи европейскихъ народовъ не особенно важно знать, въ какихъ именно формахъ находило себѣ выраженіе ихъ общественное міросозерцаніе на прежнемъ мѣстѣ жительства. Достаточно, если извѣстны хотя въ неясныхъ чертахъ тѣ комбинаціи, въ которыя сложилась ихъ новая жизнь; и гораздо болѣе важности имѣетъ то обстоятельство, что *общія соціологическія изысканія* опредѣляютъ намъ нравственный характеръ первобытнаго человѣка и его культуры, рисуютъ тѣ его основныя психологическія черты, которыя, дѣйствуя на разнообразныя внѣшнія условія и поддаваясь въ свою очередь ихъ вліянію, создаютъ исторію человѣчества. Новѣйшее направленіе соціологіи приводитъ къ убѣжденію, что этотъ первобытно-культурный человѣкъ, съ котораго начинается исторія, далеко не похожъ на того чорта, какого малевали прежніе ученые; для котораго и деспотизмъ, и рабство и тысячи другихъ темныхъ пятенъ исторіи были будто-бы лишь благодѣтельными воспитательными пріемами, пріучавшими дикаго звѣря, homo, къ дисциплинѣ, труду и другимъ прекраснымъ качествамъ, необходимымъ для существованія общества. Нѣтъ, что касается нравственныхъ свойствъ и способности подчинять свои личныя требованія интересамъ общаго, въ этомъ отношеніи первобытный человѣкъ не уступитъ многимъ современнымъ ученѣйшимъ мужамъ, такъ его унижающимъ. «Я жилъ, говоритъ Уоллэсъ:—въ обществѣ дикарей Южной Америки, и на Востокѣ, у которыхъ не было другого закона или суда, кромѣ свободно выраженнаго общественнаго мнѣнія деревни. Каждый отдѣльный человѣкъ вполнѣ уважаетъ права своего собрата, и посягательства на эти права встрѣчаются рѣдко или даже никогда. Въ такомъ обществѣ всѣ приблизительно равны» [1].

[1] Малайскій архипелагъ, с. 620.

Это чувство свободы, уваженіе чужихъ правъ и стремленіе къ равенству первобытный человѣкъ донесъ и до порога исторіи. Естественныя условія Россіи не благопріятствовали самостоятельному зарожденію здѣсь культуры, имѣющей историческое будущее: лѣсистая и частью болотистая мѣстность впродолженіе долгаго времени должна была удерживать населеніе на ступени охотничьяго быта. Тѣже условія препятствовали скученію пришлыхъ полуземледѣльческихъ славянскихъ народовъ въ большія поселенія, къ чему тѣ были склонны, воспитавшись подъ другими вліяніями своей прежней родины. Однако, необходимость защищаться отъ нападенія враждебныхъ туземцевъ и трудности первоначальной культуры лѣсной мѣстности съ первобытными и неприспособленными къ тому орудіями, заставляли нашихъ предковъ искуственно образовывать большія сравнительно поселенія и прилагать къ земледѣлію общинный трудъ. Т. е. первые славянскіе колонисты жили, вѣроятно, коммунами, какъ и вообще первые земледѣльцы. Когда эта форма общины окончательно рушилась и господство получила семейная община, намъ разумѣется неизвѣстно. Мы можемъ только сказать, что указанному преобразованію способствовалъ дальнѣйшій ходъ исторіи, ибо слитіе славянъ съ туземными племенами дѣлало излишнимъ искуственное образованіе большихъ поселеній, столь дисгармонирующихъ съ мѣстными условіями; а прогрессъ техники вооружалъ колонистскую семью орудіями, замѣнявшими до нѣкоторой степени силу кооперації, что̀ давало возможность при дальнѣйшемъ разселеніи народа сообразоваться съ требованіями мѣстности, а это вело къ разъединенію земледѣльцевъ. Заселеніе сѣвера Россіи въ большихъ размѣрахъ происходило уже въ это время, т. е. когда община-коммуна была разрушена, а внѣшняя безопасность давала возможность колонистамъ, сообразно требованію мѣстныхъ условій, селиться и работать отдѣльными семьями. Но характеръ древней-Руси сильно отличался отъ характера современнаго намъ крестьянина средней и сѣверной Россіи. Стоя ближе къ коммунальному быту, онъ сохранялъ въ себѣ нетолько общіе принципы, но и детальныя черты міросозерцанія, свойственнаго послѣднему. У него, напримѣръ, навѣрное не было того, по выраженію г. Успенскаго, канцеляризма, который заѣдаетъ современнаго крестьянина - общинника. Онъ былъ поклонникъ равенства, правда, но практиковалъ его иначе, чѣмъ это дѣлается нынче, когда бо̀льшая часть заботъ мужика обращается на то, чтобы отъ одного и полушка не перепала другому, когда въ этихъ видахъ душевой надѣлъ изрѣзывается на такія полоски, что подчасъ негдѣ бываетъ обернуться съ сохой, а при

передѣлѣ луга примѣняются чуть не четверти и вершки. Уважалъ онъ и трудъ, но не преклонялся передъ нимъ настолько, чтобы не признавать права на существованіе за старухой, неспособной своими силами зарабатывать пропитаніе. Принципъ тогда не заслонялъ человѣка, а самъ опредѣлялся потребностями послѣдняго, какъ физическаго и нравственнаго существа. Много долженъ былъ пережить русскій народъ, «приноравливаясь цѣлыми столѣтіями то къ барину, то къ татарину, дѣлая безчисленныя уступки въ своей мысли и совѣсти» ради сохраненія лишь своей шкуры, прежде чѣмъ онъ рѣшился исказить высокіе принципы равенства и справедливости, затаить сущность ихъ въ глубинѣ своей души, а свои отношенія къ другимъ построить на жалкихъ обрѣзкахъ когда-то широкаго основанія. Нужно удивляться, какъ онъ сохранилъ и эти мизерные остатки высокой системы, почему онъ, живя въ атмосферѣ общественно-политическаго безправія, насилія и монополіи въ домашней, такъ сказать, жизни, держится еще за равенство и единогласіе. Прежде, говоримъ, характеръ русскаго человѣка былъ иной.

Понять до нѣкоторой степени этотъ характеръ можно, наблюдая большую патріархальную рабочую семью, члены которой связаны другъ съ другомъ нитями любви и сознаніемъ пользы общаго сожительства, совершенно довольны своей жизнью и не могутъ себѣ представить иного существованія. Въ такой семьѣ всѣ отношенія построены на справедливости и равенствѣ; но какъ отличенъ смыслъ этихъ понятій отъ господствующаго въ настоящее время. Тамъ сильный мужчина не считаетъ для себя въ обиду сдѣлать больше слабаго, напротивъ, въ работѣ по силамъ каждаго онъ именно и видитъ осуществленіе излюбленнаго принципа, точно такъ, какъ въ сферѣ потребленія послѣднее по его понятіямъ естественно приводитъ къ расходамъ по потребностямъ. Въ такой семьѣ не вырабатывается строго опредѣленныхъ правилъ, регулирующихъ отношенія ихъ членовъ другъ къ другу и къ имуществу; отношенія эти построены на живомъ чувствѣ, и пока не потухло послѣднее, дѣлаются излишними всякіе внѣшніе хотя бы и принципіальные руководители и регламентаціи. Они становятся необходимыми въ то время, когда нрежняя связь рушится, когда чувство перестаетъ быть надежнымъ руководителемъ справедливости, когда спасеніе принципа требуетъ замѣны неясныхъ указаній чувства опредѣленными формулами разума. Это произойдетъ, между прочимъ, въ томъ случаѣ, если подобная семейная община не въ силахъ больше справляться съ цѣлой массой вредныхъ внѣшнихъ вліяній, если, несмотря на всю свою солидарность и единодушіе, она все-таки

не можетъ предупреждать гибели того, другого своего члена. Тогда инстинктъ самосохраненія выдвигаетъ на сцену личный интересъ каждаго, въ глазахъ всѣхъ получаетъ особенное значеніе всякій лишній кусокъ, каждая переданная копейка; сильный начинаетъ сознавать жертву, какую онъ приноситъ слабому; хитрый соблазняется тѣмъ употребленіемъ, какое онъ можетъ сдѣлать изъ своихъ способностей. Времена эти дѣйствительно жестокія! Слабому нѣтъ мѣста въ такомъ обществѣ; сильный можетъ спастись только эксплуатируя въ свою пользу всю ту часть силы, какая ему осталась отъ содержанія эксплуататоровъ высшаго порядка. Отсюда преувеличенное уваженіе къ труду, какъ представителю силы. Дальше начинаютъ развиваться хищные инстинкты человѣка, способные, при неопредѣленности юридическихъ воззрѣній, совершенно разрушить первобытный строй, и для спасенія принципа справедливости приходится отношенія членовъ общины обставлять такими формальностями и подробностями, которыя бы дѣлали невозможными общественное проявленіе этихъ узко-эгоистическихъ индивидуальныхъ поползновеній. Отсюда это безукоризненно-внимательное отношеніе народа ко всѣмъ мельчайшимъ общественнымъ дѣламъ, масса церемоній при передѣлахъ, раздѣлахъ и т. д., измѣренія луговъ лаптями, полулаптями, да чтобъ «носкомъ непремѣнно въ пятку попасть» и проч. Община только и спаслась такимъ возвеличеніемъ труда и «канцелярскаго» равенства, а читатель, надѣюсь, согласится, что мужику выгоднѣе остаться самостоятельнымъ хозяиномъ въ тискахъ хотя бы канцелярской общины, чѣмъ перейти въ положеніе батрака со всѣми прелестями «свободнаго» соглашенія рабочаго съ капиталистомъ.

Читатель извинитъ насъ за вышеизложенныя, черезъ-чуръ можетъ быть гипотетическія, соображенія. Дѣло въ томъ, что изслѣдователи общины продолжаютъ настойчиво доискиваться исходной точки порядковъ, господствующихъ въ экономической организаціи русскаго народа; и чѣмъ искать ее въ психическихъ особенностяхъ славянскаго племени, мы думаемъ—будетъ основательнѣе обратиться къ соціальнымъ условіямъ того нѣсколько гипотетическаго строя, который все больше и больше завоевываетъ себѣ въ наукѣ право гражданства, какъ первичная соціальная основа всѣхъ историческихъ народовъ. Это будетъ согласнѣе, если не съ «абсолютной» истиной, то съ тѣмъ «историческимъ» воззрѣніемъ, которое распространяется въ данный моментъ для удовлетворенія естественнаго стремленія человѣка къ единству и цѣльности своего философскаго міросозерцанія.

Повторимъ еще разъ, что русскій народъ, подобно и осталь-

нымъ европейскимъ, выступилъ на историческое поприще, руководимый принципами свободы, равенства и справедливости, но безъ готовыхъ общественно-экономическихъ формъ, которыя онъ могъ бы, въ интересахъ своихъ стремленій, примѣнить къ новой обстановкѣ жизни. Даже больше: онъ не любилъ юридическихъ опредѣленій, не привыкъ къ нимъ, не понималъ ихъ важности, предпочитая каждый частный вопросъ разрѣшать не по логическимъ формуламъ, а по обстоятельствамъ дѣла, «по совѣсти». Это, между прочимъ, и было причиной того болѣзненнаго характера, съ какимъ совершалось развитіе нашей поземельной общины.

II.

«Стоя на возвышенномъ холму у стѣны какого-нибудь сѣвернаго монастыря и разсматривая открывающійся предъ нами широкій видъ, мы часто удивляемся эстетическому чутью, которое указало основателю это мѣсто, забывая, что, четыре вѣка назадъ, этого ландшафта не существовало, и во всей окрестности этотъ холмъ былъ, можетъ быть, единственнымъ обитаемымъ пунктомъ. Мѣстами, гдѣ прежде всего осаживалось населеніе, естественно были нагорные берега рѣкъ и сухія рамени по окраинамъ вѣковыхъ непроходимыхъ лѣсовъ. Такъ вытягивались жилыя полосы, обитаемые острова, среди дремучихъ, теперь исчезнувшихъ лѣсовъ и заросшихъ или заростающихъ болотъ». [1] Но эти исчезнувшіе въ одномъ мѣстѣ непроходимые лѣса и болота, благополучно существуютъ, подвигаясь къ сѣверу, и оказываютъ свое вліяніе на бытъ основывающагося здѣсь крестьянина. Вліяніе это отражается на формѣ общиннаго союза нетолько черезъ посредство опредѣляемой ими величины поселеній; мѣстность кладетъ яркую печать и на производство колониста. Лѣснымъ областямъ естественно свойствена система подсѣчнаго или лядиннаго земледѣлія. Сущность его состоитъ въ томъ, что лѣсъ рубится, сжигается, и на землѣ, такимъ образомъ удобренной золою, сѣется хлѣбъ, снимается 1 — 3 урожая, послѣ чего лядина забрасывается, а земледѣлецъ переноситъ свои заботы на другой участокъ. Но не всякая часть лѣснаго пространства годна подъ лядину, и никогда послѣдняя не занимаетъ большихъ сплошныхъ поверхностей. Годный участокъ долженъ быть покрытъ не очень толстымъ мѣшанымъ (дающимъ больше золы) лѣсомъ,

[1] «Рус. Мысль» 1880. XI «Боярская дума древней Руси». Ключевскаго

лежать не слишкомъ низко, но и не на бугрѣ или косогорѣ, а представлять изъ себя плоскую возвышенность (съ среднимъ количествомъ влаги), наклонную, если ужь нельзя безъ этого, къ югу и достаточно удаленную отъ болотъ, вблизи которыхъ хлѣбъ легко вымерзаетъ. Соединеніе этихъ условій встрѣчается клочками, часто непревышающими десятины, почему лядины разныхъ хозяевъ рѣдко бываютъ расположены въ одномъ мѣстѣ, и чтобы быть поближе къ своему участку земледѣлецъ долженъ помѣститься приблизительно въ центрѣ площади, которую онъ намѣренъ эксплуатировать, расчищая одинъ удобный островокъ за другимъ. Затѣмъ, кромѣ земледѣлія, лѣсные жители занимаются и другими промыслами: бортничествомъ, рыболовствомъ, звѣроловствомъ, и т. д., а удобныя для этого мѣста встрѣчаются также въ разброску. Все это приводитъ къ тому, что сѣверный крестьянинъ стремится селиться отдѣльно отъ другихъ и что преобладающій типъ деревень на сѣверѣ, это—въ одинъ, два, три двора. Это приложимо нетолько къ современному періоду, но еще можетъ быть въ бо̀льшей степени къ среднимъ вѣкамъ русской исторіи. Такъ въ 3-хъ уѣздахъ Вотской пятины изъ 2710 поселеній того времени больше половины состояло только изъ 1 двора; въ Пермскомъ краѣ деревни, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, были также въ 1 дворъ, въ Деревской пятинѣ среднее число дворовъ на поселеніе 2½, иногда болѣе, чаще менѣе и т. д. [1].

И такъ, хотя русскіе колонисты являлись на сѣверъ съ сильно развитымъ общественнымъ духомъ, съ привычкой жить и дѣйствовать сообща, но здѣсь они не могли построить свой бытъ по излюбленнымъ формамъ, хотя при всякомъ возможномъ случаѣ старались дѣйствовать вмѣстѣ, примѣнить кооперативный трудъ. Мѣстныя условія были причиной того, что кооперація приняла здѣсь форму артели, а не общины. Въ самомъ дѣлѣ, община здѣсь не имѣла такихъ опредѣленныхъ границъ, какъ современный деревенскій союзъ, поселеніе въ одинъ-два двора не могло образовать общины, и отдѣльные домохозяева (составлявшіе нерѣдко каждый цѣлую деревню) стояли другъ къ другу въ той или иной степени близости, кровной, по сосѣдству или по дружбѣ, но никакъ не по владѣнію землей. Съ другой стороны, и объектъ труда—лядина, пожня—поподается совершенно случайно то бо̀льшихъ, то меньшихъ размѣровъ, требуя поэтому для эксплуатаціи не одинаковаго количества труда. Слѣдова-

[1] Соколовскій «Очеркъ исторіи сельской общины», с. 54—55.

тельно, совмѣстный земледѣльческій трудъ въ тѣ времена долженъ былъ примѣняться въ видѣ артелей, и то не постоянныхъ.

Интересенъ вопросъ, развивались ли артельныя и общинныя предпріятія съ теченіемъ времени или падали? Г. Щербина думаетъ, что «артельная заимка была тѣмъ чаще и необходимѣе, чѣмъ древнѣе она совершалась»; «самый размѣръ такихъ артелей также, вѣроятно, въ началѣ былъ многочисленнѣе, чѣмъ впослѣдствіи». Это обусловливалось тѣми трудностями, которыя приходилось преодолѣть первымъ колонистамъ, и которыя съ теченіемъ времени постепенно утрачивали свое значеніе [1]. Г. Лонскій думаетъ иначе. Онъ считаетъ, что подсѣчное хозяйство развиваетъ въ человѣкѣ привычку къ одиночному труду, и что кооперація появляется лишь съ теченіемъ времени, причемъ въ земледѣліи, какъ и въ другихъ отрасляхъ производства, она примѣнялась первоначально въ формѣ артели (а не общиннаго труда), которая поэтому въ исторической жизни русскаго народа имѣла воспитательное значеніе: «наглядно показывая преимущество коллективнаго труда передъ единичнымъ, она подготовляетъ переходъ къ рабочей *общинѣ*, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже успѣлъ совершиться; такъ что и теперь есть (въ Олонецкой губерніи) деревни, составляющія каждая особую себру» (артель) [2].

Мы думаемъ, что доля истины заключается въ обоихъ мнѣніяхъ, и что г. Щербина правъ относительно древняго періода русской исторіи, а слова г. Лонского приложимы къ послѣдующему времени. Выше мы имѣли случай говорить, что коллективный трудъ былъ необходимостью для первыхъ славянъ, поселившихся въ Россіи, но что, когда они нѣсколько акклиматизировались, скрестились съ туземцевъ и примѣнили лучшія орудія обработки, населеніе, повинуясь требованіямъ мѣстности, стало работать въ разсыпную, что повело къ сокращенію сферы приложенія коллективнаго труда. Но онъ, однако, не уничтожился вовсе, а продолжалъ существовать, хотя уже въ видѣ артелей, составленныхъ изъ небольшого числа лицъ. Эти артели, хотя обхватывали незначительную часть населенія, сохраняли, однако, традицію общиннаго труда впродолженіи цѣлыхъ столѣтій и когда времена перемѣнились, когда, съ одной стороны, поселенія сдѣлались больше и усилилась связь между отдѣльными деревнями, а съ другой — недостатокъ земли заставилъ крестьянъ дорожить нетолько хорошими и удобными угодьями,

[1] «Отеч. Зап.», 1879, 7. «Сольвычегодская земельная община».
[2] «Русск. Вѣдом.», 1880, 6. «Письма съ сѣвера».

но и обратиться къ воздѣлыванію земель, недоступнымъ единичнымъ силамъ, тогда сѣверные крестьяне, знакомые съ артелью, по собственному опыту или чужому примѣру, стали примѣнять ее въ большихъ размѣрахъ, привлекая къ соучастію цѣлыя деревни и даже волости. Такъ, подобныя артели, составленныя иногда изъ всѣхъ жителей деревни и теперь сильно распространены въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, Вологодской туб., и хотя съ теченіемъ времени онѣ падаютъ, но причиной этого служитъ правительственная власть, стѣсняющая вообще право расчистокъ [1]. Деревнями жгутъ лядины зыряне Усть-Сысольскаго уѣзда, той же губерніи. Покосы по р. Сухонѣ въ Тотемскомъ уѣздѣ и по р. Устьѣ, Вельскаго уѣзда, убираются также сообща. Въ Устюжскомъ уѣздѣ (Вологодской же губ.), тамъ даже подростки, соединившись, разрабатываютъ, при помощи родителей, новинку въ «опчину» [2]. «Обширные олонецкіе сѣнокосы явились въ недавнее время въ мѣстахъ, гдѣ въ прошломъ столѣтіи разстилались никуда негодныя болота. Начиная съ 1812 г., крестьяне принялись за осушку болотъ, и такъ какъ ни отдѣльныя семьи, ни даже малолюдные поселки не въ силахъ были одолѣть этого громаднаго труда, то многія селенія соединились въ одну рабочую общину и дружно ополчились противъ болотъ». Эксплуатація расчищенныхъ такимъ образомъ сѣнокосовъ производится также трудомъ всей общины: «по общественной разверсткѣ, каждая платежная душа обязана выставить опредѣленное и всегда равное съ другимъ количество рабочей силы для подчистки кустарника и для косьбы общаго луга» [3]. Крестьяне Туксинской дачи, Олонецкаго уѣзда, въ числѣ 800 человѣкъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, два года трудились надъ осушеніемъ болота и теперь продаютъ съ своего сѣнокоса больше 500 тысячъ пудовъ сѣна ежегодно; убираютъ его они также сообща и лишь дѣлятся продуктомъ. Лалошъ, передающій этотъ фактъ, замѣчаетъ, что нѣтъ ничего необыкновеннаго, если въ будущемъ все населеніе перейдетъ къ общинному производству; процессъ этотъ можно ускорить, если крестьянамъ «растолковать пошире тѣ принципы, которыми они живутъ вотъ уже тысяча лѣтъ» [4]. Общинный и артельный трудъ земледѣльческій распространенъ и въ Архангельской губерніи [5].

Мы говорили, что русскій народъ приступилъ къ устройству

---

[1] «Русск. Вѣдом», 1880, 8.
[2] «Молва», 1876, 31, статья Остроумова.
[3] «Русскія Вѣдомости», 1880, 6.
[4] «Отечеств. Записки», 1874, 2.
«Сборникъ матерьяловъ объ артеляхъ въ Россіи», вып. 2.

своей жизни на сѣверѣ, руководимый извѣстными общественно-нравственными принципами, но безъ готовыхъ формъ, въ которыя они должны были воплотиться и даже безъ сознанія пользы, необходимости и какихъ-либо юридическихъ опредѣленій. Въ силу этого, при организаціи своего быта, онъ естественно подчинился требованіямъ природы, отъ нея получилъ форму, какой не дала ему прошедшая его жизнь. Мы видѣли, что, повинуясь этимъ указаніямъ природы, колонисты принялись за подсѣчное хозяйство, а жили и работали въ одиночку или небольшими артельками. Это было прямой противоположностью того стремленія къ общежитію, которое выработалось у нихъ въ предъидущій періодъ развитія, и это послѣднее стремленіе должно было, такъ или иначе, найти себѣ выраженіе. Поэтому, несмотря на разрозненную дѣятельность поселенцевъ, мы видимъ у нихъ живыя сношенія, которыя къ тому же поддерживались взаимными услугами при постройкахъ, земледѣльческихъ работахъ и проч., а также обмѣномъ избытковъ своихъ произведеній (рыба, медъ, дичь и т. д.) и потребностями въ спеціалистахъ-техникахъ: кузнецахъ, колесникахъ, портныхъ и т. д. Въ томъ же направленіи дѣйствовали и религіозныя потребности народа, такъ какъ для ихъ удовлетворенія ближайшія деревни должны были войти между собою въ извѣстныя соглашенія. Такимъ образомъ, среди массы разбросанныхъ въ лѣсахъ поселеній намѣчались группы, члены которыхъ, хотя въ главной своей дѣятельности были независимы другъ отъ друга, но которымъ приходилось нерѣдко сталкиваться, частью по естественному стремленію человѣка къ общенію съ себѣ подобными, частью ради удовлетворенія различныхъ индивидуальныхъ потребностей; связь эта поддерживалась и родственными чувствами, такъ какъ выросшіе работники нерѣдко отдѣлялись отъ семьи и поселялись на извѣстномъ отъ нея разстояніи, образуя новую деревню. Такое разселеніе народа по мѣрѣ его размноженія создавало живую связь между деревнями, какъ ростками одного дерева. Связь эта такъ сильна, что новыя починки долго не получаютъ отдѣльнаго названія, а именуются одинаково съ своею матерью-деревней. Даже больше—въ средѣ народа такое поселеніе не считалось деревнею, что̀ имѣетъ мѣсто и въ настоящее время въ Олонецкой губерніи: здѣсь деревней, носящей отдѣльное имя, считается цѣлая группа поселеній. Какъ видитъ читатель, описанные союзы не были созданіями юридическаго смысла народа и не представляли изъ себя цѣльной единицы, по крайней мѣрѣ, въ экономическо-земледѣльческомъ отношеніи. Общины въ нашемъ смыслѣ тогда не существовало, ибо не было въ ней

и надобности. Пока населеніе было рѣдко, а земли много, пока господствовала исключительно огневая система хозяйства, до тѣхъ поръ не чувствовалась потребность регламентировать отношенія людей другъ къ другу по землѣ. Всякій бралъ себѣ такой участокъ, какой въ силахъ былъ обработать, рубилъ лядины, снималъ два-три хлѣба и бросалъ его; сегодня онъ работалъ близь своего дома, на слѣдующій годъ забирался куда-нибудь въ область чужихъ деревень. Еще и въ настоящее время на сѣверѣ встрѣчаются мѣстности, гдѣ угодья различныхъ селъ лежатъ перемѣшанными черезполосно, такъ что деревня, около которой нѣтъ хорошихъ сѣнокосовъ, расчищаетъ себѣ пожни въ области другой, превосходящей ее въ этомъ отношеніи [1]. Въ прежнія времена, когда участокъ поступалъ въ личное пользованіе на самое короткое время, это должно было случаться гораздо чаще. При такихъ условіяхъ въ народѣ не могъ развиться взглядъ на земли, какъ на принадлежность какому-либо лицу, тѣмъ болѣе, что такой взглядъ и вообще противорѣчитъ первобытнымъ воззрѣніямъ человѣчества. По этимъ воззрѣніямъ земля ничья, Божья, а люди ея работники; они стоятъ къ ней въ отношеніи пользующихся, но не владѣльцевъ. Въ подобномъ воззрѣніи нѣтъ мѣста нетолько личной собственности, но и собственности вообще. Ибо, что могло вызвать въ сѣверномъ человѣкѣ такое, напримѣръ, понятіе, что эта земля «моя» или «наша», т. е., что она вѣчно будетъ въ пользованіи насъ и нашихъ потомковъ, а не другой какой-нибудь группы? Вѣдь никто иной на эту землю и не предъявляетъ претензій; нѣтъ повода для образованія высказаннаго понятія. Не встрѣчалось надобности и въ какой-нибудь власти, регулирующей отношенія земледѣльцевъ другъ къ другу: земли еще такъ много, что столкновенія изъ-за нея невозможны; тѣмъ болѣе, не могло быть такихъ столкновеній съ поселенцами отдаленныхъ деревень чужой группы. Слѣдовательно, члены какой-нибудь области, находящіеся между собой въ частыхъ сношеніяхъ, не чувствовали надобности опредѣлить свои отношенія по землѣ, не сознавали своей близости именно съ этой стороны, не считали себя одной поземельной общиной, т. е. послѣдняя въ это время еще не образовалась, или юридически не опредѣлилась. Какія причины въ каждомъ частномъ случаѣ вызвали ее на свѣтъ Божій—сказать этого мы не умѣемъ, но есть возможность намѣтить условія, благопріятствующія образованію тѣхъ или иныхъ поземельныхъ понятій народа.

[1] «Древняя и Новая Россія», 1876, 10, ст. Потанина о Никольскомъ уѣздѣ.

Пока народъ живетъ въ описанныхъ условіяхъ, пока онъ не чувствуетъ ни малѣйшихъ стѣсненій въ своемъ землепользованіи, до тѣхъ поръ о земельной собственности у него нѣтъ, какъ мы видѣли, никакихъ опредѣленныхъ понятій. Земля не считается ни личной принадлежностью, ни общинной, крестьяне не владѣютъ ею, а «работаютъ промежду себя». «Но вмѣстѣ съ ними на сѣверъ пришли люди, проникнутые и хищническимъ стремленіемъ къ вѣковѣчному освоенію пустыхъ лѣсныхъ земель; это были новгородскіе бояре (рѣчь идетъ объ Олонецкой губерніи). Они захватывали пустыя земли, укрѣпляя ихъ за собой приказнымъ порядкомъ. Что успѣлъ захватить боринъ, то уже было не ничье, не Божье, а боярское; здѣсь крестьянинъ не могъ поселиться безъ позволенія барина, безъ платы ему. Когда такимъ образомъ среди безконечнаго пространства Божьей земли выдѣлились клочки не Божьи, а боярскіе, то крестьяне, работавшіе въ Божьемъ, вольномъ лѣсу, неизбѣжно должны были придти въ соприкосновеніе съ сосѣдними землевладѣльцами-боярами, а вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ явилось сознаніе своей солидарности по землѣ, на которой они работаютъ промежъ себя, и своей обособленности отъ бояръ тоже по землѣ. Наконецъ, явились [распри] между крестьянами и боярами». Сначала первые пробовали, вѣроятно, поддержать права труда убѣжденіями, силой, но затѣмъ должны были примириться съ фактомъ и войти съ крупными владѣльцами въ соглашенія о границахъ. Невыгоды близкаго сосѣдства крупнаго собственника прежде всего испытали, вѣроятно, отдѣльныя сосѣднія деревни; онѣ же тѣмъ или инымъ путемъ пытались и защититься отъ насилія; но рано или поздно, общественный смыслъ народа подсказалъ ему, что поземельные интересы одни у всѣхъ хлѣбопашцевъ, что сильный боринъ можетъ поглотить всѣхъ ихъ по одиночкѣ, и что обезопасить себя они могутъ лишь соединившись цѣлой массой. Это и заставляло тѣ группы деревень, которыя работали по близости съ боярскими владѣніями, вступать съ нимъ въ уговоръ о границахъ. Для примѣра мы приведемъ случай изъ XIV вѣка, когда «докончаша миръ въ миръ съ бояриномъ Григорьемъ Семеновичемъ... вси шунжане, и вси талвъяне, и вси кузаранцы, и вси вымочинцы... и межу урядили». Послѣ такого событія, всѣ эти шунжане, кузаранцы и проч. должны были сознать, что они вмѣстѣ представляютъ нѣчто противоположное боярину, слѣдовательно, нѣчто единое; что это единство вытекаетъ изъ ихъ отношеній къ землѣ и заключается оно, между прочимъ, въ томъ, что принципы, на которыхъ построено отношеніе къ землѣ боя-

рина, не могутъ имѣть мѣста въ ихъ средѣ, гдѣ люди не владѣютъ, а только пользуются землей, работаютъ на ней.

Другое обстоятельство, благопріятствовавшее объединенію деревень въ группы, связанныя общимъ интересомъ, было исполненіе государственныхъ обязанностей: раскладка податей между отдѣльными домохозяевами могла совершаться при помощи такого союза, который способенъ хорошо знать благосостояніе каждаго; этотъ союзъ долженъ былъ, слѣдовательно, образоваться, если его не было раньше, а разъ образовавшись, онъ могъ послужить внѣшней рамкой для имѣющей появиться впослѣдствіи общины. Дѣйствительно, въ древней исторіи мы встрѣчаемъ мелкія группы, подъ названіемъ волостей, погостовъ. Это были административные округи, но является вопросъ, что лежитъ въ ихъ основѣ: экономическая ли единица, церковная (приходъ) или административно-фискальная. Читатель видитъ, что мы не считаемъ этого вопроса порѣшеннымъ и не склоняемся даже къ мнѣнію, что правительство воспользовалось готовымъ экономическимъ союзомъ для административныхъ цѣлей. Намъ кажется вѣроятнѣе, что общины не были первичными союзами, но что онѣ образовались подъ совмѣстнымъ вліяніемъ религіозно-церковныхъ, экономическихъ и административно-фискальныхъ потребностей, при чемъ первоначальными рамками союзовъ были, можетъ быть, церковные приходы. Что экономическая община можетъ развиться на почвѣ административнаго союза, доказательствомъ тому служатъ примѣры превращенія въ волостныя общины военныхъ поселеній. Такъ, Сумерская волость населена пахатными солдатами, почему она представляла военно-административную единицу, и сообразно этому дѣлилась на 5 сотенъ. Эти административныя границы послужили рамкой для образованія экономической единицы; волость эта составила прочно организованную общину, и даже, кажется, ея сотни превратились также въ общины низшаго порядка [1]. Съ другой стороны, существуютъ, кажется, мѣстности, гдѣ общихъ волостей вовсе не было; по крайней мѣрѣ, таково мнѣніе г. Сергѣева («Дѣло», 1880, 4).

Такимъ образомъ, по мѣстнымъ условіямъ сѣвера, община здѣсь образовалась не изъ одной, а изъ многихъ деревень, это была *община-волость*, какъ ее называютъ въ настоящее время. Съ теченіемъ времени такія большія общины стали разрушаться, однако, онѣ сохранились повсемѣстно на сѣверѣ и до нашихъ временъ, причемъ продолжаютъ владѣть сообща или всѣми угодьями, или только какимъ-нибудь однимъ-двумя: сѣнокосами,

[1] Соколовскій. «Очеркъ исторіи сельской общины», стр. 77—78.

лѣсомъ, выгономъ. Такъ, цѣлая Воробинская волость, Сольвычегодскаго уѣзда, образуетъ всего двѣ общины, состоящія каждая изъ многихъ деревень, и владѣющія сообща только сѣнокосами (пахатныя поля нарѣзаны каждой деревнѣ отдѣльно) [1], Великосельская волость, того же уѣзда, состоящая изъ 183 деревень тоже составляетъ одну общину [2]; Городищенская волость, Устюжскаго уѣзда, владѣетъ сообща сѣнокосами, лѣсомъ и выгономъ [3]; въ Олонецкомъ уѣздѣ 600 селеній сгруппированы всего въ 30 общинъ [4] и т. д.

Мы видѣли, что первое юридическое основаніе волостной общинѣ положено было не развитіемъ внутреннихъ ея потребностей, а столкновеніемъ съ различными внѣшними интересами, между прочимъ, необходимостью обособиться отъ крупныхъ частныхъ собственниковъ. Поэтому первоначальнымъ опредѣленіемъ не касались внутренней жизни общины и дальнѣйшее ея развитіе долго еще совершалось въ томъ же направленіи: предчувствуя уже нѣкоторое стѣсненіе въ землепользованіи, община, прежде чѣмъ регулировать внутреннюю свою жизнь, старалась помочь горю рядомъ внѣшнихъ мѣропріятій. Такъ, установлены были границы отдѣльныхъ общинъ; послѣднія старались о пріобрѣтеніи новыхъ земель покупкой, расчисткой, отнятіемъ у частныхъ владѣльцевъ и проч. «Особенную энергію проявляли волости въ случаѣ нарушенія посторонними лицами ихъ поземельныхъ правъ. Въ актахъ помѣщено нѣсколько процессовъ общинъ, которые они вели черезъ своихъ выборныхъ съ лицами, оттягивавшими у нихъ земли передъ великокняжескими судьями. Иногда же крестьяне предпочитали расправляться съ пришельцами собственными силами, дѣйствуя то угрозами, то оружіемъ и прогоняя ихъ даже и въ томъ случаѣ, когда они захватывали земли, только граничащія съ волостью, изъ опасенія, основаннаго на опытѣ, чтобы впослѣдствіи не подверглись захвату и волостныя земли». Такое опасеніе возбуждало въ крестьянахъ особенно сосѣдство пустынниковъ, спасавшихся отъ мірскихъ соблазновъ въ лѣсахъ сѣвера; они знали, что аскетизмъ не долго будетъ властвовать надъ человѣкомъ, что современемъ мірскія прелести совратятъ и святыхъ мужей. «Отче, неугодно есть тебѣ и намъ твое здѣ пребываніе, говорятъ собравшіеся крестьяне Дмитрію Прилуцкому.—Помыслима бо въ себѣ, яко сей велій старецъ здѣ близь насъ вселися, по малѣ же времени совладѣютъ нами

[1] «Волог. Губ. Вѣд.», 1879, 64—66.
[2] «Отеч. Зап.». 1879, 8. «Сольвычегодская земельная община».
[3] «Молва, 1876, 31, ст. Остроумова.
[4] «Отеч. Зап.», 1874, 2, ст. Лалоша.

и селы нашими». Въ житіи Даніила Переяславскаго говорится: «Владѣющіе въ селахъ близь монастыря того съ оружіемъ и дрекольями приходятъ и во оградѣ монастыря не дающе инокомъ земли копати, и глаголюще: почто въ нашей землѣ построилъ еси монастырь? Или хощеши землями и селами нашими обладати? *Еже и сбытся послѣди* — прибавляетъ составитель житія»[1].

Такимъ образомъ, на первомъ планѣ древней волостной общины стояла внѣшняя дѣятельность; она еще не налагала руку на свободу своихъ членовъ въ распоряженіи участками земли, а старалась помочь имъ пріобрѣтеніемъ новыхъ земель, оберегала ихъ свободу отъ посягательствъ на нее извнѣ. Это, впрочемъ, показываетъ, что недостатокъ земли давалъ уже себя знать и результатомъ чего явилось также стѣсненіе доступа въ общину новыхъ членовъ, пріемъ которыхъ совершали теперь не иначе, какъ съ согласія общины. Наступилъ, наконецъ, моментъ, когда община должна была вмѣшаться и во внутренніе распорядки, но эта необходимость явилась уже на слѣдующей ступени сельско-хозяйственнаго развитія страны.

Когда населеніе размножилось до такой степени, что огневое хозяйство почувствовало значительное стѣсненіе, тогда сталъ совершаться переходъ къ болѣе интенсивной системѣ земледѣлія. Именно, отдѣльные хозяева начали приспособлять ближайшія поля къ постоянной культурѣ, что̀ они могли сдѣлать лишь послѣ того, какъ былъ найденъ способъ долго удерживать на извѣстномъ уровнѣ плодородіе почвы. Способъ этотъ былъ найденъ въ удобреніи навозомъ, для чего нужно имѣть извѣстное количество скота, возможность чего, въ свою очередь, обусловливалась сѣнокосами, имѣющимися въ распоряженіи крестьянъ. Переходъ къ новой системѣ полеводства совершался постепенно, по мѣрѣ того, какъ хозяева обзаводились скотомъ, и такъ какъ процессъ этотъ имѣлъ мѣсто въ то время, когда личная дѣятельность не стѣснялась никакими общественными ограниченіями, то существованіе волостной общины нисколько не препятствовало земледѣльческому прогрессу, и личная иниціатива имѣла полный просторъ для своего проявленія. Это, можетъ быть, ускорило естественный культурный процессъ, но общинѣ обошелся онъ не даромъ: прежде чѣмъ она спохватилась, оказалось, что въ ея организаціи нарушены основные принципы равенства, справедливости, къ воплощенію которыхъ постоянно стремился русскій народъ. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Въ пе-

[1] Соколовскій. «Очеркъ исторіи сельской общины», с. 68—71.

ріодъ господства подсѣчнаго хозяйства община ничѣмъ не стѣсняла своихъ членовъ. Уважительная причина для регламентаціи внутреннихъ распорядковъ могла заключаться въ необходимости возстановить нарушенное равенство; но такого нарушенія въ то время еще не происходило. Главный источникъ богатства—земля—не былъ монополизированъ и не могъ прійти въ такое состояніе, ибо внѣ приложенія труда, земля не имѣла никакого значенія. Каждый участокъ находился подъ эксплуатаціей не больше 3—4 лѣтъ и затѣмъ возвращался природѣ, откуда былъ взятъ на время. Поэтому не существовало постояннаго матеріальнаго источника богатства, способнаго накопляться въ однѣхъ рукахъ и вести къ имущественному неравенству и вытекающему отсюда порабощенію одного другимъ; не предстояло и надобности предупреждать такое неравенство или принимать мѣры къ его уничтоженію, коль скоро оно уже появилось. Поэтому же всѣ сдѣлки о землѣ между членами общины были совершенно свободны: всякій могъ продавать свой участокъ, дарить, закладывать, завѣщать; при всѣхъ этихъ переходахъ цѣнилась не земля, а трудъ приведенія ея въ годное для культуры состояніе. Продавшій свой участокъ крестьянинъ могъ сейчасъ же расчистить себѣ другой, такъ что подобнымъ отчужденіемъ онъ не превращался въ безземельнаго батрака. Равномѣрность пользованія землей тоже достигалась этой свободой, ибо, благодаря ей, всякій культивировалъ участокъ такой величины, съ какимъ онъ могъ справиться силами своей семьи. Слабая сторона разсматриваемой ступени развитія заключалась въ томъ, что здѣсь выработывалось преувеличенное понятіе о значеніи личнаго труда. Въ самомъ дѣлѣ, силы природы, какъ мы объ этомъ только-что говорили, не имѣли тогда никакой цѣнности; но крестьянинъ склоненъ былъ умалять и значеніе для него общины. Ибо чѣмъ была ему полезна послѣдняя? Она оберегала его интересы отъ нарушенія посторонними лицами — это правда; но такихъ нарушеній не могло быть много, дѣятельность общины въ этомъ направленіи не была очень замѣтна для населенія. Зато съ нею связана была въ представленіи народа масса податныхъ тягостей, которыя предъявлялись отдѣльнымъ крестьянамъ, пройдя черезъ общину. Тягости эти съ развитіемъ русскаго государства все увеличивались, а община ничѣмъ не могла помочь справиться съ ними крестьянину; напротивъ, связанная круговой порукой, она сама была причиной новыхъ платежей, которые наваливались на плечи ея членовъ. Средства для борьбы съ напастями такого рода крестьянинъ почерпалъ не въ общинѣ, а въ себѣ самомъ, въ энергіи своего труда, и въ крайнемъ случаѣ, когда

послѣдняя сламывалась подъ тягостью внѣшняго бремени, онъ не обращалъ съ надеждой взоры къ общинѣ, а пытался вовсе разорвать съ ней, уйти куда-нибудь подальше, въ дебри лѣсовъ, гдѣ бы его не настигла рука общины, ловящая своихъ членовъ и пріурочивающая ихъ къ мѣсту во славу фискальныхъ потребностей государства. Подсѣчное хозяйство, повторяемъ, приводитъ къ тому, что «крестьяне проводятъ всю свою трудовую жизнь въ лѣсахъ, такъ что про нихъ сложилась пословица: въ лѣсахъ живутъ, пнямъ Богу молятся. Обыкновенно крестьянинъ, самъ другъ съ неизмѣнныхъ товарищемъ—топоромъ, ищетъ по лѣсу удобное для подсѣки мѣстечко, одинъ «валитъ» и «стелетъ» лѣсъ, одинъ выжигаетъ и убираетъ «палъ», одинъ сѣетъ и пашетъ, одинъ убираетъ хлѣбъ, словомъ, всю работу справляетъ одинъ одинехонекъ въ лѣсу. Онъ привыкаетъ къ одиночной работѣ; мірское общинное хозяйство ему незнакомо, необычно» [1]. При такихъ условіяхъ онъ научается высоко ставить личный трудъ, какъ факторъ, обезпечивающій его благосостояніе, и это понятіе онъ непремѣнно попытается внести основнымъ принципомъ въ сферу условій, регулирующихъ внутри общинныя отношенія, когда этому настанетъ пора.

Въ волостной общинѣ крестьяне безпрепятственно распоряжались своими лядинами, и хотя иногда это вело къ неравномѣрному распредѣленію богатствъ, такъ что не лишнимъ было бы и вмѣшательство общины въ этотъ процессъ, но по причинѣ нелюбви русскаго народа къ регламентаціи, она отстранялась отъ такого вмѣшательства, предпочитая лучше терпѣть нѣкоторыя вытекающія отсюда неудобства. Но эти послѣднія сдѣлались уже вопіющими на слѣдующей культурной ступени: съ переходомъ къ постояннымъ пашнямъ явилась возможность накопленія въ однѣхъ рукахъ большихъ участковъ земли, наиболѣе годной къ обработкѣ; поэтому, право полнаго распоряженія каждаго своимъ полемъ могло, при извѣстныхъ условіяхъ, превратить землю изъ средства, обезпечивающаго благосостояніе всѣхъ, въ орудіе эксплуатаціи немногими счастливцами большинства. А принимая во вниманіе тяжесть податей, лежащихъ на общинѣ, легко понять, какимъ способомъ земля незамѣтно уходила изъ рукъ слабыхъ членовъ общины и сосредоточивалась въ немногихъ семьяхъ. Постоянныя пашни существуютъ на сѣверѣ нѣсколько столѣтій, между тѣмъ, какъ серьёзная борьба за передѣлы началась лишь съ конца прошлаго вѣка, и еще въ настоящее время есть не мало мѣстностей, ни разу не передѣлявшихъ своихъ полей.

[1] «Русскія Вѣдомости», 1880, 6.

Спрашивается, отчего передѣлы появились такъ поздно: не было въ нихъ надобности или существовали условія, задерживающія ихъ водвореніе? Намъ кажется, что здѣсь имѣло мѣсто и то, и другое.

Мысль о передѣлахъ не могла придти въ голову крестьянъ до тѣхъ поръ, пока всѣ они не обзавелись постоянными пашнями; ибо отнять землю у того, кто такъ трудился, чтобы ее расчистить, унавозить и проч., тогда какъ и всякій другой можетъ достигнуть того же—будетъ въ глазахъ народа грубымъ нарушеніемъ правъ труда. А пока всѣ крестьяне одинъ за другимъ введутъ трехпольное хозяйство—пройдетъ не мало времени. Затѣмъ, при достаточно рѣдкомъ населеніи, равномѣрность пользованія землей гарантировалась до нѣкоторой степени возможностью каждому расчистить себѣ участокъ въ постоянную пашню или, при неимѣніи скота, поналечь главнымъ образомъ на лядины.

Съ XVI столѣтія начался, какъ извѣстно, процессъ раззоренія народа: деревни запустѣвали массами, столь же быстро росло число безземельныхъ. Казалось бы, это время самое удобное для ввведенія передѣловъ, такъ какъ ими можно было поддержать бѣднѣйшую часть населенія на извѣстномъ уровнѣ благосостоянія. Но это только такъ кажется съ перваго взгляда. Во-первыхъ, постоянныхъ угодій на сѣверѣ и теперь еще такъ мало, что крестьяне не могутъ удовлетвориться однимъ трехпольнымъ сѣвооборотомъ и вынуждены продолжать рубить подсѣки; 200 же, 300 лѣтъ назадъ послѣдняя система земледѣлія была главнымъ основаніемъ крестьянскаго благосостоянія, а потому уравненіе населенія по владѣнію постоянными пашнями не принесло бы ему большой пользы; во-вторыхъ, обѣднѣніе народа было результатомъ внѣшнихъ вліяній и оно приближалось къ полному раззоренію, т. е. къ потерѣ скота, инвентаря, безъ которыхъ немыслимо хозяйство и при существованіи свободныхъ земель. Это было положеніе, сходное съ современнымъ, когда крестьянинъ имѣетъ землю, но не въ силахъ ее обработывать, а вынужденъ забрасывать и поступать въ батраки. Въ такомъ положеніи находился народъ и 200 лѣтъ назадъ, и введеніе въ это время на сѣверѣ передѣловъ врядъ ли оказало бы сколько-нибудь замѣтное вліяніе на благосостояніе массы. Видно это изъ того, что большой разницы въ экономическомъ положеніи народа на сѣверѣ, гдѣ господствовала волостная община, и въ средней Россіи, гдѣ равномѣрность крестьянскаго владѣнія землей поддерживалась существованіемъ передѣловъ, не было: и тамъ, и здѣсь мы видимъ одинаково пропасть пустыхъ деревень, массу

безземельныхъ крестьянъ и всеобщее бѣгство населенія. Такъ, въ концѣ XVI вѣка на сѣверѣ была страшно опустошена Деревская пятина: на 123 жилыхъ поселка тамъ было 977 пустыхъ деревень; но такое раззореніе и для тогдашней Россіи можетъ быть признано исключеніемъ; въ другихъ мѣстностяхъ сѣвера мы встрѣчаемъ его въ меньшихъ размѣрахъ; именно: въ Черной волости Обонежской пятины при 24 деревняхъ жилыхъ было 13 пустыхъ, въ Андомской—на 158 жилыхъ 88 пустыхъ, въ Никольскомъ погостѣ на 130 жилыхъ 59 пустыхъ, въ Мегорскомъ—на 167 жилыхъ 93 пустыхъ, въ Ильинскомъ—на 159 жилыхъ 69 пустыхъ. Нѣчто подобное встрѣчаемъ мы и въ центрѣ Россіи; такъ, въ Васильцевскомъ стану Московскаго уѣзда на 46 жилыхъ поселеній приходилось 158 пустыхъ, въ Кошелевомъ—на 1 жилую 44 пустоши; въ Коломенскомъ уѣздѣ пустыхъ поселеній было больше 700; тоже мы имѣемъ въ уѣздахъ Полоцкомъ, Вяземскомъ, Тульскомъ и другихъ. Цифры безземельныхъ свидѣтельствуютъ о такомъ же единообразіи явленій въ сѣверной и средней Россіи; такъ на сѣверѣ въ Деревской пятинѣ на 505 дворовъ было 77 бобыльскихъ, въ Вотской—на 809 крестьянскихъ 74 бобыльскихъ. А въ центральной Россіи мы встрѣчаемъ: въ Углицкомъ уѣздѣ въ вотчинахъ Троицкаго монастыря на 477 дворовъ крестьянскихъ было 13 бобыльскихъ, во Владимірскомъ—на 473 было 53 бобыльскихъ, въ Суздальскомъ—540 первыхъ, 38 вторыхъ; въ Сурожскомъ стану Московскаго уѣзда на 94 крестьянскихъ двора приходилось 29 бобыльскихъ и т. д. [1]

Мы видимъ, что раззореніе народа одинаково охватило какъ общины, заботящіяся о поддержаніи равномѣрности благосостоянія всѣхъ своихъ членовъ, такъ и другія, гдѣ передѣлы еще не были введены. Это значитъ, что главныя причины отощанія народа были такъ могущественны, что противъ нихъ оказались безсильными обычные общинные коррективы. Крестьянинъ, лишенный скота и необходимыхъ орудій, не станетъ обрабатывать землю, сколько вы ему ея ни давайте: такъ было въ центральной Россіи, тоже самое встрѣчалось и на сѣверѣ. Община это понимала, и ей не могла придти въ голову мысль бороться съ бѣдствіемъ такимъ тупымъ оружіемъ, какъ передѣлы полей; иначе говоря, послѣдній пріемъ дѣйствителенъ противъ внутреннихъ неустройствъ общинъ, въ XVI же, XVII вѣкахъ злобою дня были внѣшнія вліянія, разрушающія благосостояніе народа; а противъ послѣднихъ гораздо болѣе дѣйствительнымъ средствомъ было переселеніе крестьянъ на новыя мѣста, находящіяся до

[1] Соколовскій. «Очеркъ исторіи сельской общины», с. 71, 125. «Экономическій бытъ нар.», с. 167—8.

поры до времени внѣ сферы вліянія государственныхъ тягостей; эта-то мѣра главнымъ образомъ и практиковалась одинаково какъ сѣвернымъ жителемъ, такъ и крестьянином, передѣлявшимъ свои поля центральныхъ общинъ.

Еще одно обстоятельство тормозило введеніе на сѣверѣ передѣловъ: крестьяне отчуждали землю нетолько своимъ сосѣдямъ-однообщественникамъ, но еще, и можетъ быть въ большихъ размѣрахъ, различнымъ постороннимъ лицамъ — купцамъ, посадскимъ, попамъ, канцелярскимъ чиновникамъ, и пр. Поэтому введенію передѣловъ должно было предшествовать возвращеніе назадъ въ общину земель, отчужденныхъ за ея предѣлы, а пока это не имѣло мѣста, до тѣхъ поръ не могла серьёзно возбуждаться и мысль о передѣлахъ. Возвратить же сказанныя земли назадъ община не имѣла возможности: онѣ были укрѣплены за новыми владѣльцами законнымъ порядкомъ, а крестьяне въ это время боялись закона не меньше, чѣмъ и теперь. Вопросъ этотъ хорошо былъ выясненъ въ крестьянскихъ наказахъ въ Екатерининскую комиссію. Большинство наказовъ жалуется именно на этихъ такъ называемыхъ «деревенскихъ владѣльцевъ». Крестьяне Велико-Устюжскаго уѣзда указываютъ на устюжскихъ купцовъ, завладѣвающихъ ихъ землями; Сольвычегодцы жалуются на купцовъ города того же имени, Лальскаго посада и служителей Строгановыхъ; деревенскіе владѣльцы господствуютъ и въ Яренскомъ уѣздѣ, Тотемскомъ, Олонецкомъ, въ Вятской губерніи. Уже меньше жалобъ встрѣчаемъ мы собственно на неравномѣрное распредѣленіе земли между самыми крестьянами, какъ членами общины, и это не потому, чтобы его не существовало вовсе, а вслѣдствіе того, что первая причина бѣдности народа заслоняла въ его глазахъ вторую; такъ какъ, кромѣ того, посторонніе общинѣ владѣльцы, пріобрѣтая ея земли, нетолько не помогали крестьянамъ платить подати за выбылыя души и за неимущихъ, но всячески уклонялись сами отъ несенія даже тѣхъ тягостей (дорожной, подводной и т. п.), которыя прямо были для нихъ обязательны, какъ для лицъ, владѣющихъ тяглыми участками, то они были особенно ненавистны общинамъ, и послѣднія гораздо больше настаиваютъ на возвращеніи назадъ земель, отошедшихъ къ деревенскимъ владѣльцамъ, для подушной ея развертки, чѣмъ на введеніи передѣловъ, захватывающихъ и участки, находящіяся въ пользованіи богатыхъ членовъ общины. Хотя нельзя отвергнуть и той мысли, что просьбы о передѣлахъ не попадали въ крестьянскіе наказы, частью благодаря вліянію многоземельныхъ членовъ общины. [1]

[1] «Русская Старина» 1879, I, статья г. В. Семевскаго.

Какъ бы то ни было, а въ дѣлѣ введенія передѣловъ на сѣверѣ немаловажную роль играло правительство. Это весьма понятно. Развитіе общины въ этой части Россіи совершалось уже въ то время, когда главнымъ общественно-политическимъ принципомъ у насъ было укрѣпленіе государства, когда приказные порядки господствовали всюду и стремились подчинить своему вліянію всѣ проявленія народной жизни, когда наконецъ выработалось уже понятіе о принадлежности земли государю. Желаніе правительства регламентировать все и вся простиралось до такихъ мелочей, что къ нему обращается, напримѣръ, съ челобитною крестьянинъ Пинежскаго уѣзда, прося дозволенія расчистить извѣстный участокъ безъ платежа оброка впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ (1693 года) [1]. Такимъ образомъ крестьянское общинно-земельное міросозерцаніе формировалось здѣсь подъ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ государственнаго принципа и приказной системы; понятіе, естественно, по ходу исторіи, возникавшее въ народѣ, сталкивалось съ другимъ, поддерживаемымъ правительственной властью, искажалось больше, чѣмъ этого требовала даже послѣдняя, и въ концѣ-концовъ, міросозерцаніе народа до того путалось, что крестьяне сами не знали, что можно, чего нельзя, и боялись самыхъ пустыхъ вещей. Такъ жители Сученской волости Тотемскаго уѣзда писали: «У крестьянъ имѣются участки самые малые, потому что опричь своихъ повытковъ не имѣемъ, а которыя вымершія повытыя *лежатъ впустѣ, владѣть безъ позволенія не смѣемъ*» [2].

III.

Послѣ этого краткаго историческаго очерка перейдемъ къ столь же бѣглому обзору существующихъ нынѣ формъ общиннаго землевладѣнія на сѣверѣ. Вслѣдствіе того, что сѣверъ былъ заселенъ не одновременно и въ настоящее время представляетъ различныя степени плотности населенія, мы тамъ встрѣчаемся съ всевозможными историческими формами общины, что представляетъ удобной случай изученія исторіи этого учрежденія и что послужило г. Лалошу основаніемъ для созданія общепринятой нынѣ гипотезы историческаго развитія общиннаго землевладѣнія въ Россіи.

Такъ, мы еще встрѣчаемъ не мало мѣстностей (въ Олонецкой

---

[1] «Дѣло», 1880, 4, статъ Сергѣева.

[2] «Русская Старина», id

губерніи, Вятской и др.), гдѣ передѣлы вовсе неизвѣстны и гдѣ всецѣло властвуетъ принципъ перваго завладѣнія, или вѣрнѣе—первой заимки. Интересно, что это имѣетъ мѣсто между прочимъ въ Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ Олонецкой губерніи—слѣдовательно, тамъ, гдѣ правительствомъ издано было еще въ прошломъ вѣкѣ приказаніе передѣлить крестьянскія поля. Весьма вѣроятно, что такое распоряженіе явилось черезъ-чуръ преждевременно, когда крестьяне еще не сознали вреда, происходящаго отъ личнаго владѣнія расчищенными участками. Но, несмотря на отсутствіе стѣсненій въ землепользованіи, въ крестьянахъ выработалось убѣжденіе, что такая свобода существуетъ лишь благодаря соизволенію міра и что послѣдній вправѣ, когда найдетъ нужнымъ, измѣнить обычные порядки. Такая форма общины принята была чиновниками по введенію владѣнныхъ записей за личное землевладѣніе, и иллюзія разрушилась лишь при ближайшемъ ознакомленіи съ предметомъ. «Почему земля не передѣляется»? спрашиваютъ крестьянъ. — «Не зачѣмъ дѣлиться — отвѣчаютъ, у насъ у всякаго земли по силамъ». «А если будетъ не по силамъ—у одного много, у другого мало?»— «Тогда и подѣлимся. Земля у всѣхъ общая, да пока никто не просить дѣлиться; а станутъ просить — тогда и дѣлиться» [1]. Существованіе такого воззрѣнія подтверждаетъ и г. Лалошъ; вотъ, напримѣръ, приводимый имъ фактъ, ярко рисующій отношеніе крестьянъ къ вопросу. Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Олонецкой губерніи крестьяне съ испоконъ вѣку владѣютъ своими участками лично, тѣмъ не менѣе, многоземельные чувствуютъ, что ихъ царствованію приходитъ конецъ, что въ общинѣ назрѣли потребности, которыя приведутъ въ скоромъ времени къ передѣламъ. И вотъ, при предъявленіи крестьянамъ новаго надѣла, богачи постоянно спрашиваютъ—скоро ли можно будетъ вовсе выдѣлиться изъ общины? Тогда на сходѣ подымается цѣлая буря. «Помилуй, братъ, ты позабралъ у насъ лучшія земли, ты кромѣ того и деньги имѣешь! Что же это? Ты значитъ совсѣмъ ужь хочешь записать насъ въ свои батраки. Нѣтъ, братъ, мы этого не желаемъ. Мы не допустимъ! Пусть все будетъ по старому!» [2] Нѣкоторымъ препятствіемъ скопленію земли въ немногихъ рукахъ и вытекающей отсюда нужды въ общественныхъ передѣлахъ служитъ признаваемое крестьянами право выкупа проданныхъ земель. Дѣти хозяина, участокъ котораго попалъ въ руки богача, имѣютъ право требовать отъ послѣдняго возвращенія земли на-

[1] «Рус. Вѣдом. 1880, 62, «Сѣверъ Россіи».
[2] «Отеч. Зап.» 1874, 2.

задъ за сумму, заплаченную богачемъ когда-то за участокъ. Крестьяне такъ сроднились съ правомъ выкупа, что существуютъ попытки распространить его и на движимое имущество. Нерѣдко, напримѣръ, мужикъ идетъ жаловаться начальству на сосѣда, что тотъ не возвращаетъ ему лошади, когда-то у истца купленной. «Я хочу выкупить ее; возьми свои деньги, подай мою лошадь».— «Да я продалъ ее», говоритъ отвѣтчикъ. — «А какъ ты смѣлъ продать мою лошадь? продолжаетъ истецъ.—Ты купилъ ее у меня за 20 р., а продалъ за 35 р.; такъ возьми свои 20, а подай мнѣ 35 р., не то выкупи мнѣ лошадь».

Въ другихъ мѣстностяхъ сѣвера община уже регламентируетъ отношенія своихъ членовъ къ землѣ, но форма и степень этой регламентаціи далеко не соотвѣтствуетъ потребностямъ крестьянъ и значительно отступаетъ отъ того идеала, который начертанъ принципами, преслѣдуемыми описываемыми союзами. Мы не видимъ въ этомъ противорѣчіи ничего страннаго или удивительнаго, такъ какъ община здѣсь еще находится въ періодѣ развитія, она не выработала пока всѣхъ правилъ, которыя должны явиться на смѣну прежнихъ, выросшихъ подъ вліяніемъ другихъ потребностей. Кромѣ того, община въ наше время далеко несвободна; развитіе ея совершается подъ значительнымъ вліяніемъ кулаковъ, сила которыхъ основывается къ тому же на внѣшнихъ воздѣйствіяхъ на экономическую жизнь народа, недоступныхъ крестьянскому протесту; благодаря же тому обстоятельству, что на помощь стремящимся къ передѣламъ явилось правительство, рядомъ съ благодѣтельными послѣдствіями этого вмѣшательства создались и нѣкоторыя условія, вредно отражающіяся на самостоятельности общинной власти. Къ такимъ послѣдствіямъ правительственнаго вмѣшательства нужно отнести обычай передѣлять землю во время ревизіи; крестьяне нетолько придерживаются этого правила, но и считаютъ себя не въ правѣ совершить передѣлъ въ иное время. Результатомъ того же вліянія нужно признать и значеніе, которое имѣетъ въ общинной жизни народа ревизская душа: есть еще немало мѣстностей, гдѣ, хотя землю передѣляютъ и довольно часто, но участокъ каждой семьи остается при этомъ неизмѣннымъ, пропорціонально числу ея ревизскихъ душъ, такъ что передѣлъ совершается здѣсь только для уравненія земли въ качественномъ отношеніи. По всей вѣроятности, вліяніе правительства отразилось и на назначеніи обычнаго на сѣверѣ сорокалѣтняго срока, даваемаго общинами своимъ членамъ для пользованія вновь расчищенными угодьями. Но и до этого ограниченія индивидуальнаго пользованія хотя бы такимъ длиннымъ

срокомъ дошли далеко не всѣ общины сѣвера. Въ очень многихъ случаяхъ регулируются правилами только пользованія давно уже культированными пахатными и сѣнокосными угодьями; тѣ же, которыя расчищены отдѣльными хозяевами, остаются въ ихъ личномъ распоряженіи, община не наложила на нихъ свою руку. Въ другихъ мѣстахъ и подобныя расчистки черезъ извѣстное время поступаютъ въ передѣлъ; обычный срокъ владѣнія ими лицомъ, которому они обязаны своимъ существованіемъ—40 лѣтъ; но тамъ, гдѣ населеніе достаточно скучено и земля дорога—періодъ этотъ сокращается вдвое, втрое. Рядъ этихъ фактовъ мы должны объяснить такимъ образомъ, что съ теченіемъ времени населеніе постепенно теряетъ то безпредѣльное уваженіе къ личному труду, которое создало изъ него какого-то фетиша, коему въ жертву приносятся чуть ли не всѣ потребности народа, передъ которымъ склоняются остальныя требованія лица и общины. Какъ крайнія проявленія этого уваженія къ личному труду, мы приведемъ распространенный среди охотниковъ сѣвера обычай потомственнаго и вѣчнаго владѣнія путинами, а также наслѣдственное владѣніе на крайнемъ сѣверѣ лядинами, которыя остаются въ тѣхъ же рукахъ даже въ то время, когда онѣ истощены и заростаютъ новымъ лѣсомъ. Хозяинъ въ это время ухаживаетъ за нею и черезъ 20—30 лѣтъ опять рубитъ ее для посѣва [1]. Когда община, наконецъ, освободилась отъ такого идолопоклонства передъ трудомъ, она все-таки выказала ему достаточное уваженіе, оставивъ очень длинный сорокалѣтній срокъ пользованія вновь расчищенными угодьями и лишь съ теченіемъ времени, по мѣрѣ возрастанія населенія и относительнаго уменьшенія земли, община выше труда поставила равенство потребностей и сократила время пользованія расчистки даже до 6—10 лѣтъ.

Вообще, на сѣверѣ мы встрѣчаемся съ разнообразными ступенями перехода отъ волостной общины, характеризующейся полной свободой распоряженія каждаго своимъ участкомъ, къ типу землевладѣнія, господствующему въ центральной Россіи, гдѣ уже нѣтъ вовсе угодій, находящихся внѣ вліянія общинной власти. Такъ какъ сѣверная община въ послѣднее время достаточно занимала вниманіе литературы (напомнимъ читателю труды гг. Щербины, Лонскаго и Соколовскаго), то мы считаемъ излишнимъ останавливаться на ней дольше и познакомимъ только читателя со схемой развитія общиннаго принципа, построенной г. Сергѣевымъ по образцамъ, которые онъ наблюдалъ въ Пинежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи.

[1] «Журналъ Сельск. Хоз и Лѣсов», 1878, 5, Л. Гомилевскаго.

Когда община сознаетъ необходимость уравненія своихъ членовъ, то она будетъ производить его сначала крайне просто, но за то и мало справедливо; именно, владѣющій большимъ участкомъ пахатной или сѣнокосной земли, отрѣзываетъ въ пользу другого излишекъ въ любомъ мѣстѣ по своему выбору, т. е. уравнивается земля здѣсь только по количеству и лучшія угодья остаются у прежняго владѣльца, когда-то ихъ расчистившаго. Привыкнувъ къ мысли уравненія, община уже не удовлетворяется однимъ количественнымъ равенствомъ, и стремится къ качественному. Трудъ отказывается еще отъ нѣкоторыхъ своихъ правъ и раньше онъ поступается въ пользу общины сѣнокосомъ, гдѣ трудъ приведенія угодья въ годное положеніе не великъ сравнительно съ усиліями, требуемыми для расчистки пашни. Сначала лугъ, а потомъ пашня дѣлится на нѣсколько частей по качеству и всякій членъ общины получаетъ участокъ во всѣхъ частяхъ, но отрѣзка отъ многоземельнаго совершается все еще по его указанію. Затѣмъ, принципъ заповѣдности рушится сначала по отношенію къ сѣнокосу, а потомъ и относительно пашни (чего еще не наблюдается въ Пинежскомъ уѣздѣ), которая дѣлится на полосы и верстается между членами общины, какъ въ Великороссіи. Наконецъ, дальнѣйшее развитіе общиннаго принципа требуетъ приложенія его къ обработкѣ земли, что произойдетъ сначала на лугу (читатель знаетъ, что это имѣетъ уже мѣсто во многихъ мѣстахъ Россіи), а отсюда перейдетъ въ поле. Настоящій періодъ и есть, можетъ быть, моментъ развитія общиннаго земледѣльческаго производства.

В. В.

ВЪ ЛУННУЮ НОЧЬ.

II [1].

...Среди ночной, торжественной тиши,
Передъ тобой нежданно пробудилось
Все то, что̀ днемъ пугливо затаилось
Такъ глубоко, на самомъ днѣ души...

Чужая скорбь — тебѣ больна теперь:
Она — твоя, она тебѣ родная..
И въ ужасѣ стоишь ты, отворяя
Въ [illegible]

равенства крестьянскаго землепользованія, какъ обезпечивающа ему опредѣленный и вѣрный доходъ.

Въ самомъ дѣлѣ «въ первыя времена русской исторіи, можно сказать, до окончательнаго образованія московскаго государства, служилое сословіе не было связано съ землею, на которой оно находилось. Связанное личными договорами съ князьями, оно слѣдовало за ними повсюду. Неосѣдлость княжескаго рода естественно обусловливала и неосѣдлость ихъ дружины. Понятно, что они не могли получить земскаго значенія ни въ качествѣ землевладѣльцовъ, ни въ качествѣ лицъ, наслѣдственно обладающихъ разными должностями. Слѣдовательно, два факта, способствовавшіе преобладающему вліянію аристократіи на Западѣ, не были извѣстны у насъ» [1]. Г. Градовскій изслѣдуетъ этотъ вопросъ ради объясненія отсутствія у насъ мѣстной автономіи; но очевидно, что тѣми же чертами общественнаго характера русскаго дворянства обусловливается и его отношеніе къ мѣстному землевладѣнію и сельскому хозяйству. Правда, «такое положеніе служилаго класса не лишало его возможности пріобрѣтать недвижимыя имущества въ разныхъ волостяхъ», но «поземельная собственность долго не была главнымъ средствомъ содержанія дружины». Кромѣ того, «при переходѣ князя изъ одного удѣла въ другой, при обыкновенномъ переходѣ дружинника, при изгнаніи князя изъ волости, дружина лишалась своихъ поземельныхъ владѣній. До XII вѣка мы не находимъ извѣстій объ обыкновеніи бояръ пріобрѣтать недвижимыя имущества». «Съ дальнѣйшимъ развитіемъ русскаго государства, а въ особенности съ большею осѣдлостью князей, развивалась и частная поземельная собственность дружины»; но и таковая «не превратила ея въ осѣдлый классъ. Она продолжала бродить изъ княжества въ княжество; другими словами, жить службою больше, чѣмъ экономическою дѣятельностью. Дружина продолжала жить на счетъ княжескаго прибытка, какъ и во времена Владиміра Святого». Перестала она быть бродячей съ организаціей Московскаго государства, но не потому, чтобы служилый классъ въ это время превратился въ мѣстный классъ жителей, а потому, что некуда стало бродить, ибо князья исчезли и на развалинахъ удѣльнаго порядка выросла единая и нераздѣльная власть царя.

Съ этимъ преобразованіемъ государственнаго строя дружина превращается въ помѣстное, несвободное сословіе, еще болѣе зависящее отъ службы, такъ какъ внѣ ея нѣтъ у нея и земли (помѣстья), нѣтъ слѣдовательно единственнаго источника суще-

[1] Градовскій, «Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи».

ствованія. По принципамъ, на которыхъ была построена помѣстная система, земля служила лишь обезпеченіемъ постоянства службы дворянина и находилась въ рукахъ его, пока онъ исполнялъ свои обязанности. Иначе говоря, дворянинъ не могъ заниматься чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ службы, и когда становился неспособнымъ къ послѣдней, то для сохраненія за своей семьей помѣстья поставлялъ на свое мѣсто сына, за которымъ земля и записывалась. Московское дворянство было служилымъ классомъ не по одному названію; дѣла русскому государству, неустроенному внутри и постоянно расширяющему свои внѣшнія границы, было пропасть; цари оказались очень скупы на помѣстья и не спѣшили безъ крайней надобности размножать классъ служилыхъ людей. Поэтому наличнымъ его членамъ правительство не позволяло «залеживаться въ деревняхъ; вездѣ встрѣчаются требованія, чтобы дѣти боярскія служили безъ съѣзду. Они отпускались по домамъ только въ случаѣ тяжкой болѣзни или въ случаѣ совершеннаго раззоренія ихъ помѣстья».

Такое положеніе дѣла не было благопріятнымъ условіемъ для образованія прочной связи между помѣщикомъ и его имѣніемъ. «Помѣщикъ не имѣлъ возможности извлекать свои доходы посредствомъ *личной экономической дѣятельности.* Преданный службѣ, которая обусловливала его помѣстное право, онъ не имѣлъ времени личнымъ хозяйственнымъ трудомъ участвовать въ какихъ-нибудь экономическихъ предпріятіяхъ. Онъ не могъ отдать землѣ трудъ, принадлежавшій службѣ. Но владѣлецъ помѣстья, еслибы и могъ отдавать свой трудъ хозяйственной дѣятельности, не сталъ бы дѣлать этого по разсчету. Ему не было выгоды предпринимать какія-бы то ни было *улучшенія въ хозяйствѣ* (или, говоря экономическимъ языкомъ, *вкладывать новые капиталы въ свое помѣстье*, когда онъ не могъ быть увѣренъ въ томъ, что завтра онъ не будетъ долженъ идти въ дальній походъ и надолго бросить свое помѣстье на произволъ судьбы, что тоже равнялось его совершенному раззоренію. Простое извлеченіе доходовъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы ему было съ чего служить государеву службу—вотъ въ чемъ состояла его единственная цѣль». А этого легче всего было достигнуть, предоставивъ земледѣльческую дѣятельность мелкимъ производителямъ, крестьянамъ, и получая отъ нихъ въ извѣстныхъ размѣрахъ подать. «Помѣщикъ, устраняясь отъ личной экономической дѣятельности, ограничивался извлеченіемъ опредѣленныхъ, *преимущественно оброчнаго характера доходовъ*».

Община была предоставлена самой себѣ. Индивидуализмъ, на сколько онъ здѣсь по временамъ прорывался, не находилъ под-

держки въ силѣ, стоящей внѣ міра, и быстро исчезалъ подъ дружнымъ напоромъ противуположныхъ стремленій. Привилегированный классъ не игралъ въ этотъ періодъ своего развитія въ Россіи противуобщественной роли, онъ врядъ ли и зналъ, какъ идутъ дѣла въ деревнѣ, борьба какихъ интересовъ имѣетъ мѣсто въ общинѣ. Ближе къ ней онъ сталъ лишь впослѣдствіи, когда мало-по-малу освободился отъ крѣпостного отношенія къ правительству и получилъ право выбирать между службой царю и хозяйствомъ въ своемъ имѣніи. Но и теперь дворянство сдѣлалось только наполовину земледѣльческимъ классомъ, ибо старыя служебныя привычки и традиціи долго еще отвлекали вниманіе помѣщика отъ хозяйства къ службѣ. Процессъ превращенія отхожаго служилаго класса въ осѣдлый земледѣльческій совершался крайне медленно и не успѣлъ закончить своего развитія, какъ былъ прерванъ крестьянской реформой, вырвавшей изъ подъ него основаніе и заставившей дворянство вернуться опять къ своему исконному занятію—службѣ, разумѣется, при новыхъ условіяхъ и на другихъ началахъ. Этотъ процессъ зародился давно: съ той поры, какъ служилый человѣкъ получилъ землю и познакомился съ возможностью существовать не неся службы, а живя въ имѣніи. Возможность эта была противузаконная, но жаждущіе тихаго пристанища на это не посмотрѣли. «Дворянство наполняетъ области *огурствомъ*, не хотя государевой службы служити, но все-таки наполняетъ» «Уклоненіе дворянства отъ службы скоро становится общимъ фактомъ. Къ концу XVII вѣка оно принимаетъ громадные размѣры. Законодательство ничего не противупоставляетъ этому движенію, кромѣ строгихъ карательныхъ мѣръ: кнутъ, убавка помѣстнаго оклада, отобраніе помѣстій и вотчинъ, смертная казнь, вотъ все, чѣмъ оно отвѣчаетъ на новое общественное явленіе». Но время взяло свое, и дворянство, наконецъ, дождалось, что и ему позволено было заняться сельскимъ хозяйствомъ.)

Но такая возможность дворянству сдѣлаться земледѣльческимъ классомъ явилась слишкомъ поздно для того, чтобы привести къ обезземеленію народа. Привычка служить не могла въ массѣ исчезнуть сразу, а чтобы дойти до сознанія необходимости въ своихъ интересахъ уничтожить общину, для этого нужно было долго хозяйничать, долго жить на мѣстѣ, войти въ интересы зажиточныхъ крестьянъ, убѣдиться въ преимуществахъ крупнаго крестьянскаго и помѣщичьяго хозяйства надъ мелкимъ. До этого дворянство не доросло еще и передъ самимъ освобожденіемъ крестьянъ; въ концѣ же прошлаго вѣка, большая половина имѣній въ Великороссіи состояла на оброкѣ; т. е. владѣльцы здѣсь

вовсе не имѣли собственнаго хозяйства и всю свою землю или бо́льшую ея часть предоставляли въ крестьянское пользованіе. Эта часть помѣщичьихъ крестьянъ de facto была застрахована отъ регламентаціи владѣльцевъ и могла самостоятельно практиковать свои общинные распорядки. Крестьяне, состоявшіе на барщинѣ, находились не въ столь благопріятныхъ условіяхъ такъ какъ должны были считаться съ обязанностью работать на барскихъ поляхъ. Но эта обязанность не повела къ ихъ обезземеленію, ибо работали они своимъ инвентаремъ, и въ интересахъ владѣльца поэтому было поддерживать хозяйство каждаго крестьянина въ исправномъ состояніи. Въ тѣхъ же видахъ владѣлецъ заботился и о равномѣрномъ распредѣленіи между крестьянами земли, почему не могъ ничего возразить и противъ существенной черты великороссійской общины—передѣловъ; напротивъ, благодаря вліянію помѣщичьихъ интересовъ, они происходили чаще, чѣмъ это было нужно по воззрѣніямъ народа.

Если въ послѣднее столѣтіе у насъ и являлись попытки обезземелить крестьянъ или превратить общинное владѣніе въ подворное, то они истекали не изъ вѣрно понятыхъ интересовъ дворянъ—сельскихъ хозяевъ, а явились, какъ и наше такъ называемое «раціональное» земледѣліе, изъ подражанія западнымъ порядкамъ. Это видно хотя бы изъ того, что указанныя мысли усердно распространялись, главнымъ образомъ, ученымъ вольно-экономическимъ обществомъ и нашли себѣ адептовъ по преимуществу среди знати, всего меньше занимавшейся земледѣліемъ. Изъ этого уже видно, что разсматриваемое движеніе среди дворянства было не серьёзно и не могло поэтому имѣть особенно вредныхъ послѣдствій.) «Съ увѣренностью можно сказать, что если и были какія-нибудь попытки во второй половинѣ XVIII вѣка уничтожить общинное пользованіе землею въ какихъ-нибудь помѣщичьихъ вотчинахъ, то, во всякомъ случаѣ, подобныя явленія несомнѣнно были самими рѣдкими исключеніями»[1] (Такъ, Григорій Орловъ для устройства своихъ имѣній по нѣмецкому образцу пригласилъ нѣкоего пастора Эйзена; тотъ трудился надъ этимъ дѣломъ полтора года, но ничего изъ того не вышло. Въ XIX столѣтіи, впрочемъ, попытокъ этого рода было больше. Главной же опасности народному землевладѣнію нужно было ждать при освобожденіи крестьянъ, когда помѣщики выступили на защиту наемнаго труда и подворнаго землевладѣнія, вооруженные всей западной наукой и блестящими результатами

[1] Русская Мысль 80 г., 5, ст. г. В. Семевскаго «Очерки изъ исторіи крѣпостного права».

тамошней земледѣльческой практики. Но къ этому же времени европейская мысль доработалась и до принциповъ болѣе широкихъ, чѣмъ интересы дворянства или земледѣльческой культуры, такъ что наши культуртрегеры встрѣтили отпоръ и на той аренѣ, гдѣ они думали достигнуть осуществленія своихъ новѣйшихъ идеаловъ сразу, при помощи правительственнаго вмѣшательства, если не съумѣли организовать излюбленную систему собственными силами.

IV.

И такъ, крѣпостное населеніе Россіи жило подъ такими вліяніями, которыя хотя и стѣсняли правильное развитіе общины, но не были безусловно враждебны ея существованію; напротивъ, такъ какъ община поддерживала равенство и хозяйственную самостоятельность своихъ членовъ, а послѣдняя, въ формѣ тягла, была той простѣйшей единицей, которая несла на себѣ всѣ повинности въ пользу помѣщика, то владѣльцы не могли не оцѣнить выгоды этой стороны общинной организаціи, обезпечивающей имъ правильное поступленіе сборовъ и избавляющей отъ необходимости во всемъ полагаться на нечистыхъ на руку управляющихъ и прикащиковъ. Слѣдовательно, русская община находилась до нѣкоторой степени подъ покровительствомъ именно того класса, который былъ главнѣйшимъ врагомъ общины западно-европейской; она хотя и не встрѣчала съ его стороны полнѣйшей готовности служить ея дальнѣйшему развитію, но и не видѣла категорическаго требованія прекратить свое существованіе; если крѣпостныя отношенія стѣсняли правильный ея ростъ, то они же не благопріятствовали и зарожденію въ ея сердцѣ индивидуалистическихъ поползновеній.

Въ какихъ условіяхъ находилась община къ остальной половинѣ крестьянства; какъ вообще относился къ этому учрежденію другой общественно-историческій факторъ—правительство?

«Правительство и правительственные классы имѣли очень мало вліянія на ходъ и исходъ внутренняго народнаго быта, говоритъ князь Васильчиковъ.—Граматы, наказы и указы во всемъ, что касается до хозяйственнаго и поземельнаго устроенія и управленія, соблюдались въ древней и новой Россіи очень слабо: историческіе и юридическіе акты, дошедшіе до насъ отъ прежнихъ временъ, указываютъ намъ только изнанку народной жизни, только тѣ дѣйствія, которыя запрещались верховной властью, но,

несмотря на запрещенія, повторялись непрерывно изъ года въ годъ. Узаконенія эти писались и издавались всегда въ частныхъ случаяхъ, по особому ходатайству или иску, жалобѣ и пр. Общихъ порядковъ не было узаконено ни относительно землевладѣнія вотчиннаго или помѣстнаго, ни о крестьянскомъ владѣніи общинномъ или участковомъ, ни о правѣ перехода, надѣлѣ крестьянъ и отношеніи ихъ къ помѣщикамъ. Со времени Судебниковъ и Уложенія являются стремленія къ кодификаціи правилъ и обычаевъ, болѣе или менѣе освоившихся въ помѣщичьемъ и крестьянскомъ быту»; но «сельскія сословія, землевладѣльцы и пр. пользовались одинаково и совмѣстно двумя способами, чтобы избѣгать всякихъ новыхъ порядковъ, вводимыхъ правителями, если только эти порядки имъ казались стѣснительными. Эти способы были для дворянъ—неявка на службу, для крестьянъ—бѣгство и бродяжничество. Это пассивное сопротивленіе обоихъ классовъ народа имѣло на внутренній строй русской земли гораздо болѣе вліянія, чѣмъ всѣ правительственныя мѣры московскихъ великихъ князей, царей и петербургскихъ императоровъ». Въ подмосковномъ краѣ правительство имѣло еще нѣкоторое значеніе. «Тамъ крѣпостное право было уже твердо, помѣщичья власть организована, крестьяне всѣ обращены на издѣльную повинность, воеводы, губернаторы управляли, дѣйствительно, страной и народомъ, и указы приводились въ исполненіе. Но большая половина Россіи жила внѣ круга дѣйствій правительства: всѣ казацкія земли, Малороссія, Украина, Донъ и низовые города Волги на югѣ, заонежскіе, ладожскіе погосты, Вятка, Пермь, Бѣлозерскій край и все Поморье на сѣверѣ проживали до новѣйшихъ временъ на полной волѣ во внутреннемъ хозяйственномъ своему быту». «Поземельное владѣніе было все въ рукахъ крестьянъ, и оно было неограниченное и самовольное... Самоуправленіе во всѣхъ этихъ волостяхъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, было полное, и, кромѣ мірской сходки и мірского приговора, обыватели не знали никакихъ авторитетовъ и никакихъ постановленій».

«Поэтому мы думаемъ, вопреки мнѣнію многихъ ученѣйшихъ авторитетовъ, что народный бытъ, народное хозяйство, какъ они есть, сложились въ Россіи сами собой, при очень слабомъ дѣйствій правительства и администраціи; и нестолько подъ вліяніемъ крѣпостного права и помѣщичьей власти, какъ въ противодѣйствіе этимъ учрежденіямъ и наперекоръ стремленію высшихъ классовъ, которые были слишкомъ мало образованы, чтобы провести политику порабощенія народа и обезземеленія низшихъ

классовъ съ такою послѣдовательностью, какъ она проведена была въ другихъ европейскихъ странахъ» [1].

Впрочемъ, мы должны оговориться, что главной причиной такого положенія дѣлъ было, по нашему мнѣнію, вовсе не отсутствіе образованія среди дворянскаго класса, и что русскій народъ, и не владѣя особенной «ловкостью», легко могъ обойти навязываемыя ему формы общежитія и сохранить свои исконныя, такъ какъ подобное навязываніе не вытекало изъ серьёзнаго мотива и не находило себѣ оправданія въ дѣйствительныхъ требованіяхъ жизни.

Главная связь правительства съ экономической жизнью общества вытекаетъ изъ финансовыхъ потребностей перваго. Какова бы ни была финансовая система государства, кто бы ни вносилъ подать въ казначейство, въ сущности она всегда лежитъ на производствѣ: продуктъ годичнаго труда народа долженъ удовлетворить потребности всѣхъ классовъ общества и дать избытокъ въ распоряженіе правительства. Поэтому послѣднее не можетъ относиться безразлично къ судьбѣ господствующей формы производства, оно заинтересовано въ правильномъ его ходѣ и готово, для его поддержанія на извѣстномъ уровнѣ, принимать нужныя мѣры, приносить, можетъ быть, жертвы. Отсюда же слѣдуетъ, что государству выгодно и возрастаніе успѣшности труда, ибо развитая промышленность въ состояніи выдержать большій налогъ въ его пользу. Вездѣ, гдѣ производительность труда росла съ большой быстротой, тамъ это совершалось на почвѣ индивидуализма, т. е. общинная организація разбивалась, народъ обезземеливался, орудія производства вырывались изъ рукъ ремесленниковъ. Этотъ процессъ разрушенія старыхъ формъ экономической жизни шелъ нѣсколько впереди образованія новаго производства. Отношеніе къ нему правительства обусловливалось, во-первыхъ, значеніемъ и силой, какими пользовался классъ, взявшій на себя задачу расчистить почву для крупнаго производства, и зависѣло, во-вторыхъ, оттого, насколько ясна была ему возможность развитія крупнаго производства и необходимость для этого разрушить старые экономическіе устои общества. Пока грядущая промышленная организація еще не отчетливо рисовалась въ глазахъ власти, ея отношеніе къ борьбѣ, завязавшейся въ обществѣ, характеризовалось непослѣдовательностью въ мѣропріятіяхъ: она то способствовала разрушенію старыхъ формъ, играя при этомъ въ интересахъ вліятельнаго класса, то противодѣйствовала обезземеленію народа, опасаясь за свои финансы.

[1] Землевладѣніе и земледѣліе. Т. I, стр. 458—463

Но когда положеніе дѣлъ опредѣлилось, когда крупное производство достаточно громко заявило о скоромъ своемъ воцареніи и о тѣхъ выгодахъ, которыя выпадутъ, послѣ этого, на долю государства, тогда правительство перестаетъ колебаться и свой мечъ кладетъ рѣшительно на чашку вѣсовъ, принадлежащую крупному производству и индивидуалистическому принципу.

Въ Россіи отсутствовали оба условія, соблазняющія правительство насиловать народное землевладѣніе: дворянскій классъ былъ слабъ и не вліятеленъ; промышленность никогда не дѣлала серьёзныхъ попытокъ принять крупную организацію.

Податная тягость все время лежала на крестьянствѣ, правительство получало деньги прямо съ народа и ясно сознавало, что его финансовое благосостояніе держится именно мелкимъ народнымъ производствомъ. Посему оно никогда не было проницательнымъ врагомъ послѣдняго и не могло имъ быть, такъ какъ для этого не предстояло ни малѣйшей надобности: выбирать между мелкимъ и крупнымъ производствомъ до самаго послѣдняго времени ему не приходилось. Эксплуатація народнаго труда въ Россіи развивалась лишь въ количественномъ отношеніи, и здѣсь власть могла стать на сторону одного класса, употребить силу своего орудія въ его пользу. Но форма производства оставалась при этомъ мелкой, крупное не возникало въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ; а потому, принимая бо́льшее участіе въ распредѣленіи продуктовъ, побуждая крестьянина отчуждать все бо́льшую и бо́льшую часть имъ выработаннаго на содержаніе другихъ классовъ общества, государство въ то же время могло совершенно искренно поддерживать крестьянина, какъ производителя, стоять за его хозяйственную самостоятельность, заботиться о сохраненіи въ его рукахъ земли, о поддержаніи общиннаго землевладѣнія, обезпечивающаго народную производительность, а слѣдовательно, и доходы правительства. Съ этой цѣлью оно старалось ограничить дальнѣйшее распространеніе холопства: Судебникъ требуетъ, чтобы каждый новый случай закабаленія совершался съ вѣдома центральной власти, и запрещаетъ должнику обезпечивать ссуду работой на кредитора до «искупа»—что было однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ рабства въ прежнее время. Та же цѣль, между прочимъ, лежала и въ основаніи самоуправленія, дарованнаго Иваномъ IV общинамъ: освобожденіе отъ намѣстниковъ и волостелей онѣ получили «ради великихъ продажъ и убытковъ», причиняемыхъ тѣмъ, что вело за собой разстройство крестьянскаго хозяйства. Само прикрѣпленіе къ землѣ народа было попыткой насильно заставить крестьянина продолжать свое хозяйство; видно это изъ того, что

первоначально оно касалось не безземельныхъ или бездомовыхъ батраковъ, не второстепенныхъ членовъ семей, еще не обзаведшихся хозяйствомъ, а относилось къ кореннымъ домовладѣльцамъ, составляющимъ самостоятельную, производительную единицу. Впослѣдствіи, съ развитіемъ крѣпостного права, сфера вліянія правительства на экономическій бытъ крестьянства съуживается: часть его, принадлежащая помѣщикамъ, почти вовсе уходитъ изъ-подъ его контроля, и свое стремленіе сохранять мелкое землевладѣльческое производство и, какъ его основу, общинное землевладѣніе, власть могла проявлять лишь по отношенію къ свободной половинѣ народа. И здѣсь, коль скоро приходилось ей категорически высказаться въ ту или другую сторону, издать общую мѣру, способствующую ли поддержанію вновь возникающаго крупнаго производства, или возстановленію нарушеннаго равенства землевладѣнія—она становилась на сторону общины и мелкаго производства. Это было естественнымъ послѣдствіемъ того обстоятельства, что значеніе крупной культуры для государства, въ силу ея зачаточнаго существованія, еще не выяснилось; между тѣмъ, какъ разрушительное вліяніе ея на мелкаго хозяина и настоящаго плательщика казны — очевидно. Въ началѣ процесса, когда на первый планъ выступаетъ отдѣленіе средствъ производства отъ мелкаго производителя, это разрушеніе стараго порядка бьетъ, такъ сказать, въ глаза, а созидательная часть работы скрыта отъ непроницательнаго взора. Правительство, финансы котораго поюятся на мелкомъ производствѣ, могло бы при этомъ стать за новую форму, еслибы было связано интимными узами съ классомъ, бьющимся за нее, еслибы новые землевладѣльцы пользовались политическимъ вліяніемъ и сочувствіемъ власти. У насъ же дворянство всегда было очень слабо, да къ тому же и не претендовало на роль организатора крупнаго производства; другая же группа, стремящаяся къ этому, только-что образовалась, не имѣла еще опредѣленной физіономіи и дѣлалась извѣстной правительству лишь по жалобамъ на нее общинъ, ссылавшихся на раззореніе, чиненное лицами этого класса мелкимъ производителямъ, и происходящую отъ того невозможность послѣднимъ аккуратно платить подати.

Первоначальная форма общиннаго землевладѣнія допускала неравномѣрное распредѣленіе земли между ея членами; даже больше того—право крестьянина распоряжаться расчищеннымъ участкомъ по произволу привело къ тому, что земля частью вовсе ускользала изъ рукъ производителей-общинниковъ и путемъ продажи, залога, займовъ и пр. переходила къ «деревенскимъ владѣльцамъ» разнаго рода: купцамъ, посадскимъ, чинов-

никамъ, попамъ, а обезземлившіеся общинники обработывали эти земли въ качествѣ половниковъ, арендаторовъ и т. п. Такимъ образомъ, путемъ естественнаго теченія экономическихъ отношеній на почвѣ первобытной формы общины выработались элементы капиталистическаго производства: земля на одной сторонѣ и безземельный рабочій на другой. При извѣстныхъ условіяхъ, эта ошибка, естественно допущенная общиной, столь же естественно будетъ исправлена ею: введеніемъ передѣловъ положится преграда дальнѣйшему развитію неравенства въ средѣ этого союза и отчужденію общинной земли за предѣлы его. Если же вновь испеченные деревенскіе владѣльцы съумѣютъ заинтересовать своимъ положеніемъ сильный дворянскій классъ или правительство, тѣ станутъ на ихъ сторону въ борьбѣ, какая рано или поздно завяжется въ общинѣ за уравненіе всѣхъ ея членовъ въ земледѣльческомъ отношеніи, и дальнѣйшему развитію общины будетъ положенъ конецъ, народное землепользованіе станетъ развиваться по иному образцу. Русскіе деревенскіе владѣльцы, кулаки и т. п. стояли въ такомъ положеніи: какъ новые землевладѣльцы, они въ глазахъ правительства не имѣли никакого положительнаго значенія; о существованіи ихъ, какъ таковыхъ, власть узнала лишь по жалобамъ на притѣсненіе ими массы крестьянства, и, какъ сторона заинтересованная въ экономической жизни народа, не могла относиться благосклонно къ разрушителямъ стараго промышленнаго основанія; тѣмъ болѣе, что русскіе претенденты на роль буржуазіи не имѣли настолько политическаго такта, чтобы, какъ это сдѣлали англійскіе землевладѣльцы, взять бремя платежей на себя. Напротивъ, прибирая къ своимъ рукамъ побольше земли, они податную тяготу старались спихнуть на шею бѣдныхъ членовъ общины, и такимъ образомъ, одновременно съ разстройствомъ послѣдней, какъ союза, обезпечивающаго равномѣрное пользованіе людей средствами производства, или, что тоже, съ паденіемъ мелкой культуры терялась и податная способность народа, а за ней должно было слѣдовать разстройство государственныхъ финансовъ. Словомъ, крупное свободное землевладѣніе способно было у насъ повидимому лишь на отрицательную работу: поглощая мелкое крестьянское хозяйство, оно грозило поглотить и доходъ правительства; и вмѣстѣ съ тѣмъ не было никакихъ намековъ на важную роль, какую возникающая буржуазія съиграетъ въ будущемъ, организуя крупное производство, и на выгоды, какія отъ этой перемѣны послѣдуютъ для государства. А потому, правительство, призванное рѣшить споръ между богатыми и бѣдными членами общины, а также между общинами и «деревенскими владѣльцами», внѣ ея стоя-

щими, вездѣ стало на сторону бѣдныхъ, т. е. мелкой культуры и равномѣрнаго распредѣленія земли.)

Правительство всегда заботилось, чтобы земля не уходила изъ рукъ крестьянъ, даже крѣпостныхъ; но здѣсь мы остановимся на дѣятельности его, имѣвшей болѣе близкое отношеніе къ нашему вопросу, на его прямомъ участіи въ развитіи общиннаго землевладѣнія.

Введеніе передѣловъ земли въ центральныхъ общинахъ Россіи совершилось такъ давно, что, если при этомъ правительство и принимало какое-нибудь участіе, то до насъ не дошло объ этомъ извѣстій. На сѣверѣ же захватный способъ пользованія землей существуетъ еще и по настоящее время, и введеніе передѣловъ пахатныхъ и сѣнокосныхъ угодій началось тамъ лишь съ конца прошлаго вѣка. Естественно, что ихъ исторія намъ лучше извѣстна и что мы имѣемъ возможность сообщить кое-что и объ участіи въ дѣлѣ правительственной власти, сообщить если не настолько подробно, чтобы выяснить ея роль въ этомъ процессѣ, то, по крайней мѣрѣ, достаточно для того, чтобы опредѣлить направленіе, какого она держалась при этомъ, цѣли, какія ею преслѣдовались.

Мысль о необходимости передѣловъ оффиціально была заявлена крестьянами и правительственными лицами во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Народъ пришелъ къ ней по естественному развитію общиннаго принципа въ жизни и, какъ ея отраженію, въ мысли; правительственныя лица естественно рѣшали вопросъ о предупрежденіи обезземеленія крестьянъ на сѣверѣ перенесеніемъ туда порядковъ, съ которыми они познакомились въ центральной Россіи; та же мысль могла быть ими высказана и при ихъ отношеніяхъ съ крестьянами-общинниками. Первыя извѣстныя заявленія о необходимости уравненія крестьянъ въ ихъ землевладѣніи сдѣланы были въ донесеніи о мѣстныхъ нуждахъ, присланномъ сибирскою администраціей въ Елизаветинскую комиссію новаго уложенія: вопроса этого касаются Туринская воеводская и Енисейская провинціальная канцеляріи. Ихъ предложеніе отчасти было приведено въ исполненіе при сибирскомъ губернаторѣ Чичеринѣ, въ началѣ царствованія Екатерины II. Но собственно въ Европейской Россіи мысль эта появляется позже. Первое предложеніе обязать государственныхъ крестьянъ періодически уравнивать свои земли сдѣлано было Екатеринѣ Козьминымъ въ 1765 году; но правительство не воспользовалось этой мыслью, и потому межевая инструкція 1766 года только прекращала переходъ земельныхъ участковъ изъ рукъ въ руки въ средѣ волости и отчужденіе ихъ постороннимъ лицамъ, о пе-

редѣлахъ же не говорила ни слова. Дальнѣйшій толчокъ дѣлу былъ данъ крестьянскими наказами въ комиссію уложенія и ближайшимъ изслѣдованіемъ правительственными лицами положенія олонецкихъ крестьянъ, вызваннымъ волненіями, бывшими тамъ въ 1769 — 71 годахъ. Крестьянскіе наказы составлялись, разумѣется, подъ сильнымъ вліяніемъ богатыхъ членовъ общины и потому они не могли выразить всѣхъ задушевныхъ пожеланій зауряднаго мужика, массы народа. Этимъ вѣроятно объясняется то обстоятельство, что они, настаивая на возвращеніи въ общину и на передѣлѣ между всѣми ея членами земель, отчужденныхъ въ постороннія руки, лишь изрѣдка упоминаютъ о необходимости подвергнуть тому же процессу всѣ общинныя земли. Слѣдственная комиссія по дѣлу о бунтѣ крестьянъ въ Заонежьи, хотя и «преслѣдовала огнемъ и мечемъ несчастныхъ, которыхъ можно было бы образумить нѣсколькими словами», но добросовѣстно изслѣдовала причины безпорядковъ и предложила цѣлесообразныя мѣры для предупрежденія ихъ въ будущемъ. Мѣры эти: возвращеніе назадъ всѣхъ земель, отчужденныхъ общинами постороннимъ лицамъ, и передѣлъ полей «на тяглы по душамъ и по имуществу». Только послѣдняя мѣра принята правительствомъ, но приведеніе ея въ исполненіе было пріостановлено, благодаря интригамъ олонецкаго губернатора Державина съ архангельскимъ генералъ-губернаторомъ Тутолминымъ, а можетъ быть, и вслѣдствіе искренняго несочувствія перваго общинной формѣ землевладѣнія. Успѣшнѣе были мѣропріятія правительства относительно Архангельской губерніи. Циркулярнымъ распоряженіемъ министерства финансовъ 1829 года предписано ввести здѣсь передѣлы полей, что и было исполняемо при послѣдующихъ ревизіяхъ; впрочемъ, въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ губерніи новая форма общины принята была лишь въ 60-хъ годахъ. Въ заключеніе прибавимъ, что разныя правительственныя лица и учрежденія предлагали ввести общинное землевладѣніе и среди однодворцевъ, всегда владѣвшихъ землей подворно. Эти предложенія исходили, напримѣръ, отъ ливенской воеводской канцеляріи и отъ курскаго директора экономіи. «Таковы заявленія, которыя намъ удалось встрѣтить при занятіяхъ въ однихъ центральныхъ архивахъ Петербурга и Москвы, говоритъ г. Семевскій:—сколько же заявленій крестьянъ, сколько пожеланій администраціи, можетъ быть, скрывается еще въ мѣстныхъ старинныхъ документахъ, которые долго будутъ ждать своего изслѣдователя, если разборомъ ихъ не займутся мѣстныя научныя силы» [1].

[1] Вышеприведенные факты мы брали изъ статей В. Семевскаго «Казенные

Достойно вниманія то обстоятельство, что описанная дѣятельность правительства въ пользу общины совпала съ временемъ, когда, съ учрежденіемъ вольно-экономическаго общества, русская наука начала разрабатывать вопросъ о подворномъ владѣніи землей и когда послѣдняя форма находила себѣ приверженцевъ именно среди знати, окружавшей престолъ. Но эти господа разсматривали вопросъ съ точки зрѣнія агрономической, каковая явилась у нихъ не вслѣдствіе естественнаго развитія нашей сельско-хозяйственной промышленности, а изъ подражанія западному «раціональному» земледѣлію; и на практикѣ приверженцы участковаго владѣнія и фермерскаго хозяйства не вводили его однако въ своихъ имѣніяхъ, хотя имѣли на то полную возможность. Правительство же и подавно не могло руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ измышленіями праздной фантазіи крѣпостныхъ публицистовъ, хотя весьма можетъ быть, что пропаганда новой системы хозяйства ослабляла энергію власти въ борьбѣ ея за общину; это можно заключить изъ того, что, предписывая, напримѣръ, отобрать (за вознагражденіе) у богатыхъ членовъ общинъ Олонецкой губерніи участки, перешедшіе къ нимъ изъ рукъ бѣдныхъ, для поверстанія ими послѣднихъ, правительство ставитъ возвращеніе общинѣ земель, отчужденныхъ постороннимъ лицамъ, въ зависимость отъ согласія новыхъ владѣльцевъ [1]. Есть и другіе факты, доказывающіе, что правительство не оставалось совершенно не тронутымъ пропагандой фермерства. Такъ, по разсказу одного путешествовавшаго въ 1792 г. по Россіи англичанина, «когда жалобы крестьянъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ великаго князя Павла Петровича дошли до его высочества, онъ приказалъ поставить ихъ въ такое же положеніе, въ какомъ находятся англійскіе фермеры, и взыскивать съ нихъ ничтожную арендную плату; крестьяне были снабжены всѣми орудіями для хозяйства, изъ нихъ назначали наставниковъ для обученія земледѣлію; однако, крестьяне умудрились въ теченіи двухъ лѣтъ продать свою новую собственность и пропить полученныя деньги. Послѣ того они были не въ состояніи платить даже ничтожную аренду и просили, чтобы имъ позволили жить по старому». [2] Такъ оканчивались барскія затѣи, и подобные опыты не были достаточно убѣдительны для того, чтобы заставить правительство

крестьяне при Екатеринѣ II», помѣщенныхъ въ «Рус. Старинѣ» 1879 г., и статей г. Ланскаго «Съ сѣвера Россіи», печатавшихся въ «Рус. Вѣдомостяхъ» 1880 г.

[1] «Рус. Вѣд.» 1880, № 46 «Съ сѣвера Россіи».

[2] «Рус. Мысль», 80 V, «Очерки изъ исторіи крѣпостного права». В. Семевскаго.

стать на почву, благопріятную частному землевладѣнію, фермерскому хозяйству и всѣмъ розамъ и шипамъ, связаннымъ съ европейскими порядками.

Заботы правительства о поддержаніи крестьянскаго хозяйства на почвѣ общиннаго землевладѣнія видны какъ изъ общихъ мѣръ его, относящихся ко всѣмъ государственнымъ крестьянамъ, такъ и изъ тѣхъ, которыя изданы лишь относительно нѣкоторыхъ мѣстностей. Общимъ правиломъ было, что правительство при ревизіи прирѣзывало деревнямъ земли для надѣленія населенія, народившагося въ промежутокъ между ревизіями. Кромѣ того, при сдачѣ свободныхъ оброчныхъ угодій въ аренду, казна наблюдала, чтобы преимущество имѣли крестьянскія общества; въ этихъ видахъ съ нихъ не требовали залоговъ, а довольствовались мірскими приговорами; въ другихъ случаяхъ нужныя крестьянамъ земли совсѣмъ не предъявлялись къ торгамъ, а оставались въ пользованіи общинъ за умѣренную плату, и т. д. Все это имѣло мѣсто до шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія; съ этого времени правительственная экономическая политика избрала себѣ новое, противуположное прежнему основаніе.

Крымская война показала съ достаточной ясностью, какъ слабо было, несмотря на всю его обширность, русское государство сравнительно съ его западными сосѣдями; стало очевиднымъ и то, что поправить дѣло немыслимо безъ радикальнаго преобразованія всѣхъ сторонъ общественной жизни страны, а центромъ тяжести и конечной цѣлью всѣхъ этихъ преобразованій должно быть увеличеніе производительности труда, возрастаніе національнаго богатства. Ибо только при этомъ условіи государство будетъ имѣть достаточно матеріальныхъ средствъ для поддержанія своего авторитета въ средѣ другихъ народовъ въ мирное и военное время. Какъ же поднять производительность труда, достигнуть высокой ступени развитія національнаго богатства? Народъ, который могъ бы подсказать одно изъ рѣшеній вопроса, не былъ призванъ дать свой голосъ; общество же и государство до сего времени привыкли почерпать всякую мудрость на Западѣ; туда же они обратили взоры и въ данномъ случаѣ. Тамъ они увидѣли готовую систему обогащенія и разработанные методы ея осуществленія. Правда, для перенесенія европейскихъ порядковъ въ Россію нужно было радикально измѣнить нашъ экономическій строй, подрубить исконные наши устои; но ободряющимъ обстоятельствомъ служило то, что намъ нѣтъ надобности проходить всѣ фазы развитія новой формы промышленности, какъ это приходилось дѣлать Западу; мы можемъ пользоваться въ своемъ движеніи впередъ нетолько готовыми образ-

своего труда, обмѣнять его на деньги! И такъ, возросла ли нужда крестьянина въ деньгахъ? Мы знаемъ, что это дѣйствительно имѣло мѣсто: матеріальныя потребности государства, удовлетвореніе которыхъ все время лежитъ на крестьянинѣ, съ каждымъ годомъ возростаютъ; освобожденіе крестьянъ нетолько отняло у нихъ помощь помѣщика, но и навалило на нихъ лишніе платежи и т. д. То есть, съ первыхъ же шаговъ новой жизни крестьянинъ почувствовалъ потребность раскошелятьсяся, но такъ какъ кошелекъ его былъ пустъ, то ему пришлось обратиться къ запасамъ продуктовъ, а затѣмъ тронуть и потребленіе. Торговецъ не всегда къ услугамъ крестьянина, а нужда не ждетъ—остается прибѣгнуть къ ростовщику; возникаетъ, слѣдовательно, новая трата—содержаніе послѣдняго, для чего приходится еще часть потребляемаго вынести на рынокъ, и т. д.: образуется вѣчный кругъ: нужда родитъ нужду, та другую, а торговля, благодаря этому, процвѣтаетъ, вывозъ хлѣба принимаетъ грандіозные размѣры, недоимки уменьшаются, сердца виновниковъ торжества радостно трепещутъ.

Но очевидно, что внѣшнее процвѣтаніе, основанное на такомъ внутреннемъ убожествѣ, не прочно. Отдавать другимъ то, что необходимо для поддержанія существованія организма и хозяйства самого производителя, можно лишь ограниченное время; и Таннеръ вѣдь голодалъ только 40 дней и, несмотря на весь свой фанатизмъ, не рѣшился продолжить опытъ. Опытъ же надъ русскимъ мужикомъ и мелкимъ производствомъ продолжается, несмотря на все ихъ истощеніе, и будетъ еще длиться до тѣхъ поръ, пока тотъ и другое сдѣлаются физически неспособными участвовать въ игрѣ. Какъ читателю извѣстно, это истощеніе народно-хозяйственнаго организма теперь постепенно и совершается то тамъ, то здѣсь: производители Смоленской, Вятской, Самарской губерній одинъ за другимъ сходятъ съ арены борьбы за существованіе и предаютъ свои бренные животы въ руки Божіи. Когда это явленіе достигнетъ такихъ внушительныхъ размѣровъ, что его должны будутъ замѣтить всѣ тѣ, кто теперь различными ширмами, повязками и проч. скрываютъ отъ себя печальную дѣйствительность, когда экономическій кризисъ, ясно обнаружившійся въ Россіи, повлечетъ за собой и финансовый, тогда правящіе классы поймутъ въ чемъ дѣло, тогда они увидятъ, что всѣ ихъ стремленія развить капиталистическое производство привели лишь къ *разрушенію* прежняго экономическаго строя, къ невозможности существованія при такихъ условіяхъ самого государства. Тогда, нужно полагать, правящіе классы убѣдятся, что наше спасеніе не въ капиталистическомъ, а на-

родномъ производствѣ, что крупная форма промышленности должна быть построена не на индивидуалистическомъ принципѣ, а на общинномъ и артельномъ; тогда заботы сильныхъ міра сего направятся на поддержку народныхъ учрежденій, отъ которыхъ они отвернулись 20—30 лѣтъ тому назадъ; и дай Богъ, чтобы это не было уже поздно.

V.

Третье условіе, благопріятствовавшее разложенію общиннаго землевладѣнія и обезземеленію народа на Западѣ, было размноженіе населенія. Хотя извѣстная степень скученности есть необходимое условіе и для развитія общинныхъ порядковъ, такъ какъ при черезчуръ раскиданномъ населеніи и происходящемъ отсюда обиліи земли отдѣльные домохозяева находятся въ слабой зависимости другъ отъ друга, мало нуждаются въ общинной власти и еще меньше имѣютъ возможности оказывать взаимную помощь, что дѣлаетъ излишнимъ и труднымъ развитіе общиннаго строя; но большая скученность населенія создаетъ нѣкоторыя условія, способныя, вмѣстѣ съ другими благопріятными тому обстоятельствами, подорвать общинное землевладѣніе. Происходитъ это, во-первыхъ, такимъ образомъ, что недостатокъ земли для занятія всѣхъ силъ общины придаетъ ей особую цѣнность въ глазахъ работника, что можетъ побудить его стремиться закрѣпить участокъ за собой и своимъ потомствомъ; во-вторыхъ, что важнѣе, съ извѣстной густотой населенія является недостатокъ пропитанія, необходимость перейти къ болѣе интенсивной культурѣ земли и возможность это сдѣлать, имѣя избытокъ рабочихъ рукъ, не находящихъ приложенія въ сельскомъ хозяйствѣ при прежнихъ системахъ земледѣлія. Такая задача предстояла общинному землевладѣнію не одинъ разъ впродолженіи его исторіи: переходъ отъ экстенсивнаго, подсѣчнаго и залежнаго хозяйства къ болѣе интенсивному трехпольному вызывался тѣми же условіями: избыткомъ населенія или недостаткомъ земли. Какими путями человѣчество справлялось съ этой задачей, не отрекаясь отъ общины—намъ хорошо неизвѣстно; мы видимъ лишь, что оно ее разрѣшило въ благопріятномъ для послѣдней смыслѣ, узнаемъ ниже и самый процессъ разрѣшенія, какъ онъ совершается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи. Но чѣмъ дольше живетъ человѣчество, тѣмъ, при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, ему становится труднѣе достигать увеличенія производительности земледѣльческаго труда, сохраняя древнюю форму землевла-

дѣнія, при которой всякій работникъ имѣетъ возможность быть самостоятельнымъ хозяиномъ. Трудность эта происходитъ вслѣдствіе того обстоятельства, что всякое дальнѣйшее улучшеніе сельско-хозяйственной культуры требуетъ бо̀льшихъ агрономическихъ познаній и бо̀льшей затраты капитала. Переходъ отъ залежной системы земледѣлія къ трехполью могъ совершиться и при прежнихъ познаніяхъ и средствахъ населенія, ибо всѣ факторы этого перехода были налицо: не нужно было ни пріобрѣтать новыхъ орудій или сѣмянъ, ни заводить большого количества скота, ни вводить совершенно неизвѣстныхъ до того земледѣльческихъ манипуляцій. Поэтому процессъ этотъ могъ совершиться одновременно въ цѣлой общинѣ; инертность, присущая массѣ, не препятствовала нововведенію, подготовлявшемуся исподволь, не вызывала къ жизни личную, индивидуальную энергію для борьбы съ общинной неподвижностью. Уже затруднительнѣе долженъ быть переходъ къ удобренію, такъ какъ не всякій въ состояніи былъ пріобрѣсти нужное для этого количество скота. Но, что касается Россіи, переходъ этотъ совершился въ такое время, когда, какъ это мы видимъ на сѣверѣ, пахатная земля не поступала еще въ передѣлъ, а находилась въ безконтрольномъ распоряженіи отдѣльныхъ членовъ, которые могли безъ ущерба для остальныхъ и не стѣсняемые общиной вводить любую земледѣльческую культуру. Такимъ образомъ, разные члены въ этихъ общинахъ пришли къ удобренію своихъ полей въ разное время; иниціатива и энергія отдѣльныхъ лицъ не стѣснялась инертностью и бѣдностью массы, и такіе иниціаторы не стремились поэтому къ обособленію, къ выдѣленію изъ общаго союза. Община наложила свое veto на свободу каждаго распоряжаться своимъ участкомъ тогда, когда уже поля всѣхъ ея членовъ удобрялись, когда неизбѣжный переходъ отъ многопольной системы къ болѣе интенсивному земледѣлію совершился, и потому вновь введенные передѣлы не могли на сей разъ задержать сдѣлавшійся необходимымъ для дальнѣйшаго существованія общества процессъ возвышенія сельско-хозяйственной культуры.

Труднѣе положеніе общины въ слѣдующій реформаціонный періодъ земледѣлія. Переходъ отъ трехполья къ многопольнымъ и плодопеременнымъ системамъ требуетъ нетолько значительно бо̀льшихъ агрономическихъ познаній, но и бо̀льшей затраты капитала; поэтому совершиться общиннымъ порядкомъ онъ можетъ при соблюденіи слѣдующихъ условій: во-первыхъ, при достаточной распространенности въ народѣ образованія или, по крайней мѣрѣ, при наличности достаточнаго числа интеллигентныхъ лицъ, готовыхъ посвятить свои знанія и силы дѣлу развитія земле-

дѣльческаго производства на народныхъ началахъ, что̀ предполагаетъ уже высокую степень развитія просвѣщенія и сознанія общественной солидарности въ странѣ; во-вторыхъ, для этого необходимо богатое, не раззоренное населеніе и помощь ему деньгами и проч. со стороны государства. Однако, на Западѣ упомянутый агрикультурный процессъ совершался въ такой періодъ его исторіи, когда и знанія были распространены слабо, и принципы, которыми руководствовались правящіе классы, были очень далеки отъ признанія первостепеннаго значенія за народнымъ благосостояніемъ и мелкой культурой. Напротивъ, какъ ученыя лица, такъ равно правительственныя и общественныя учрежденія видѣли однѣ только слабыя стороны мелкаго хозяйства и общиннаго землевладѣнія, обращали вниманіе лишь на препятствія, какія тѣ ставили отдѣльнымъ знающимъ или богатымъ земледѣльцамъ, стремившимся возвысить сельско-хозяйственную культуру. Поэтому, какъ работы ученыхъ, такъ и мѣропріятія общественныхъ и правительственныхъ учрежденій имѣли одну цѣль— помочь крупному земледѣлію организовать производство: наука въ этомъ направленіи дѣлала свои изысканія, правительственныя и общественныя учрежденія вооружали крупнаго хозяина силою закона для борьбы съ претензіями его мелкихъ сочленовъ на общинныя угодья, силою кредита для побѣенія мелкой культуры на промышленно-экономической почвѣ. Поэтому, размноженіе населенія на Западѣ, достигнувъ извѣстныхъ предѣловъ, когда оно было полезно развитію общиннаго строя, стало потомъ, совмѣстно съ другими факторами, работать ради его разрушенія въ интересахъ развитія индивидуализма.

Русская община была настолько счастлива, что разсматриваемый факторъ разрушенія этой формы общежитія самаго до послѣдняго времени не проявлялъ своего вліянія, такъ какъ, благодаря географическому положенію Россіи и ея историческимъ судьбамъ, у насъ легко развился въ обширныхъ размѣрахъ процессъ колонизаціи сосѣднихъ мѣстностей, процессъ, служившій клапаномъ, препятствовавшимъ скученности населенія достигнуть предѣловъ, опасныхъ для существованія общины. Мало того, благодаря этой особенности исторіи русскаго народа, мы имѣемъ возможность наблюдать и изучать въ натурѣ процессъ *образованія* общинныхъ порядковъ землевладѣнія, такъ какъ сѣверныя мѣстности Россіи находятся до сихъ поръ еще въ условіяхъ, въ какихъ центральная ея часть стояла тысячу лѣтъ назадъ, и потому тамъ теперь община на нашихъ глазахъ проходитъ тѣ же ступени развитія, какія имѣли мѣсто въ остальной Россіи и Европѣ за цѣлыя сто и тысячелѣтія раньше.

Въ самомъ дѣлѣ, колонизація составляетъ такое выдающееся явленіе нашей исторіи, что безъ нея становится непонятными и событія послѣдней. Достаточно сказать, что, благодаря колонизаціи послѣднихъ 500—700 лѣтъ, изъ помѣси древнихъ руссовъ съ финами образовалось новое племя—великороссы, сдѣлавшееся главнѣйшимъ изъ племенныхъ элементовъ, сформировавшихъ нашу исторію. Можно сказать, что исторія русской страны есть въ тоже время исторія образованія великорусской народности. Колонизаціонный характеръ русскаго племени, насколько онъ проявился въ исторіи, имѣлъ огромное вліяніе на образованіе у насъ государственной власти; она, прежде всего, прочно утвердилась не въ исконныхъ русскихъ областяхъ, а въ новомъ отечествѣ переселенцевъ, свободолюбивый характеръ которыхъ былъ здѣсь ослабленъ примѣсью крови менѣе развитыхъ политически финскихъ племенъ, и гдѣ еще не успѣли образоваться вѣчевыя традиціи, съ которыми московскимъ князьямъ приходилось вести такую упорную борьбу, напримѣръ, въ Псковѣ или Новгородѣ. Немалую службу сослужила разсматриваемая особенность нашей исторіи и русской общинѣ.

Дѣйствительно, древнія области Россіи, по крайней мѣрѣ, сѣверная ея половина надолго была избавлена отъ чрезмѣрнаго скученія населенія и вытекающаго отсюда испытанія крѣпости общинной организаціи народа. «До самаго конца XVII вѣка на всемъ пространствѣ Россіи происходитъ постоянный отливъ и приливъ населенія. То и дѣло возникали отдѣльные дворы въ однѣхъ мѣстностяхъ, въ то время, какъ въ другихъ пустѣли цѣлыя деревни. Повсюду стучалъ топоръ въ черныхъ, дикихъ лѣсахъ, шла повсемѣстная расчистка и распашка лѣсовъ.»[1] Колонизація эта до XVI вѣка направлялась почти исключительно на сѣверъ и сѣверо-востокъ, но не въ южныя степи Россіи. Обусловливалось это тѣмъ, что послѣднія были заняты воинственными кочующими племенами, а въ сѣверныхъ лѣсахъ обитали гораздо болѣе мирные и неорганизованные финны, путь къ которымъ для земледѣльцевъ былъ къ тому же расчищенъ походами торговцевъ-промышленниковъ — новгородскихъ ушкуйниковъ. За новгородскими поселянами, двигавшимися на крайній сѣверъ, слѣдовали переселенцы изъ среднихъ частей древне-русской области. «Въ широкомъ, медленномъ и разсѣянномъ движеніи, которое переносило массы изъ юго-западной полосы Руси на сѣверо-востокъ въ XII—XIV в., можно различить два послѣдова-

[1] Соколовскій «Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи» и др., стр. 161.

тельные момента, говоритъ г. Ключевскій.—Въ первый изъ нихъ, поселенцы скучивались въ треугольникъ между Окой и Волгой. Это —время образованія и возвышенія владимірскаго края, экономическаго возрастанія Москвы и ея первыхъ политическихъ успѣховъ. Такое скопленіе населенія въ междурѣчьи Оки и Волги было въ значительной степени насильственнымъ: поселенцы, подвигавшіеся изъ-за Оки и Угры, здѣсь задерживались, потому что дальнѣйшій путь въ ту или другую сторону долго оставался закрытымъ: востокъ и юго-востокъ былъ запертъ татарами, а до нихъ мордвой и волжскими болгарами, за Волгой къ сѣверу и сѣверо-востоку колонистамъ перебивало дорогу еще продолжавшееся напряженное движеніе изъ Новгорода. Второй моментъ наступаетъ по мѣрѣ устраненія этихъ задержекъ. Пріобрѣтеніе Москвой обширныхъ пустырей въ княжествахъ Нижегородскомъ, Муромскомъ и Тарусскомъ открывало сравнительно густому населенію московскаго и клязьминскаго края свободный путь въ эти стороны. Со второй половины XIV вѣка, особенно съ куликовщины, стали прочищаться степь и Поволжье на югъ отъ линіи Оки между Рязанью и Нижнимъ; становятся замѣтны русскія поселенія въ Мещерской землѣ и мордовскихъ лѣсахъ по правому берегу Волги. Одновременно съ движеніемъ колонизаціи по правому берегу Волги появляются русскіе поселки и на другой ея сторонѣ. Съ того же времени появляются признаки движенія изъ центральнаго междурѣчья, преимущественно изъ ростовскаго края на сѣверъ, на перерѣзъ восточной колонизаціи изъ Новгорода». Колонизація съ низа «съ конца XIV в. дѣлаетъ замѣтные успѣхи, проникаетъ далеко на сѣверъ, переваливъ за водораздѣлъ Волги и сѣверной Двины и ставя новые поселки въ новгородскомъ Заволочьи. Далѣе, съ половины XIV вѣка возникаетъ и постепенно усиливается въ XV вѣкѣ знаменательное движеніе иноческихъ колоній изъ Низовой земли. Среди глухихъ дебрей обширнаго пространства, по которому шла граница вологодскаго и костромскаго края, возникаютъ новые монастыри. Возникшая въ пустынѣ обитель спѣшила окружить себя деревнями и починками, число которыхъ росло съ каждымъ десятилѣтіемъ.» [1] Тогда какъ колонизаціи сѣвера и сѣверо-востока началась на зарѣ русской исторіи, заселеніе южныхъ степей въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ имѣло мѣсто лишь съ половины XVI вѣка; но за то, разъ появившись, оно быстро подвигалось впередъ.

Важное значеніе для судьбы общиннаго землевладѣнія имѣла и та особенность нашей колонизаціи, что она вызывалась не

[1] «Русская Мысль» 1880, II «Боярская дума древней Руси».

...ственными историческими причинами, не истощеніемъ почвы ...ическими культурами (продолжающимися тамъ же и по сіе ...ремя) и, какъ результатомъ послѣдняго—появленіемъ избыточнаго ...населенія (какъ это думаетъ Бѣляевъ и отчасти Щаповъ), а зависѣло отъ неустройствъ соціальныхъ и политическихъ. Противъ мнѣнія названныхъ историковъ говоритъ уже то обстоятельство, что, не довольствуясь приведеннымъ объясненіемъ, они (Щаповъ, Соловьевъ) призываютъ на помощь и обширность Россіи, которая «просторомъ своимъ невольно вызывала массы къ свободному, привольному разгулу по землѣ, къ постояннымъ переходамъ съ мѣста на мѣсто», а также лѣнь, присущую будто бы русскому человѣку. Одно разнообразіе причинъ, приводимыхъ учеными для объясненія интересующаго насъ явленія, показываетъ, что ихъ заключенія не почерпнуты изъ историческихъ фактовъ и суть не что иное, какъ догадки, гипотезы болѣе или менѣе сомнительнаго научнаго достоинства. Вѣрность же мнѣнія о преимущественномъ вліяніи на разсматриваемый процессъ условій общественнаго характера подтверждается тѣмъ, во-первыхъ, что переходы крестьянъ учащаются по мѣрѣ усиленія общественной тяготы и принимаютъ «съ конца XVI столѣтія (т. е. со времени закрѣпощенія) эпидемическій характеръ»; во-вторыхъ, объ этомъ прямо свидѣтельствуютъ историческіе памятники. Жители Шенкурья и Вельска жаловались Ивану Грозному, что «многія деревни запустѣли отъ важскихъ намѣстниковъ, тіуновъ, доводчиковъ» и т. д. Крестьяне Вотской пятины объясняли, что громадное большинство деревень запустѣло «отъ государевыхъ податей, и отъ подводъ, и отъ опричнаго правежу». Наконецъ, это было признано и оффиціально на соборѣ 1584 года [1]. А такое происхожденіе колонизаціи имѣло послѣдствіемъ то, что въ разныхъ областяхъ земли русской скученность населенія не успѣвала достигнуть размѣровъ, при которыхъ являлась необходимость въ интенсивномъ хозяйствѣ, что могло бы подвергнуть серьёзному испытанію прочность общиннаго землевладѣнія.

Мы видѣли, что почти до конца XVI вѣка колонизаціонный потокъ направлялся исключительно на сѣверъ и сѣверо-востокъ, т. е. въ мѣстности, сосѣднія съ сѣверными русскими областями; южная же Русь граничила со степями, занятыми воинственными кочевыми племенами. Поэтому контингентъ колонистовъ пополнялся, главнымъ образомъ, изъ среды сѣвероруссовъ, а южная народность лишена была этого канала, отводящаго избытокъ населенія на сторону; слѣдовательно, она и не могла устранить

[1] Соколовскій «Экономическій бытъ». стр. 167—173.

вредное вліяніе, какое способна оказать чрезмѣрная скученность населенія на прочность общиннаго строя. Этому обстоятельству, въ связи съ другими (близкое соприкосновеніе съ цивилизованной и аристократической Польшей и пр.), слѣдуетъ, можетъ быть, приписать и раннюю утрату малороссами общиннаго землевладѣнія. Подтвержденіемъ такому мнѣнію служитъ фактъ возвращенія малороссовъ (этихъ завзятыхъ якобы *индивидуалистовъ*) къ общинному землевладѣнію тамъ, гдѣ они избавлялись какъ отъ общественно-политическихъ вліяній, ему неблагопріятныхъ, такъ и отъ чрезмѣрной скученности населенія: извѣстно, что малороссы, покинувшіе родину и поселившіеся въ степяхъ Новороссіи, Самарской губерніи и Кубанской области, въ большинствѣ случаевъ забыли свой національный индивидуализмъ и возвратились къ той формѣ землевладѣнія, съ которой они, по историческимъ причинамъ, находились въ разлукѣ впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій.

В. В.

ОЧЕРКИ ОБЩИННАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ВЪ РОССІИ.

Очеркъ третій.

Современная община.

I.

Самый главный вопросъ современной русской жизни заключается въ слѣдующемъ: погибнетъ ли наша община съ тѣмъ, чтобы на могилѣ этой якобы отжившей формы быта выросло роскошное зданіе капитализма, историческая миссія котораго состоитъ въ расчисткѣ почвы и подготовленіи матерьяла для воздвиженія другого, еще болѣе роскошнаго зданія—въ духѣ первобытной общины, но избавленнаго отъ ея недостатковъ и улучшеннаго при помощи завоеваній, выстраданныхъ человѣчествомъ въ капиталистическій періодъ его исторіи, или община будетъ развиваться, сама приноравливаясь къ требованіямъ промышленнаго прогресса, и сдѣлаетъ такимъ образомъ излишней ту ступень развитія, черезъ которую прошло большинство западноевропейскихъ странъ, и которая служитъ тамъ источникомъ массы грандіознѣйшихъ явленій, одинаково замѣчательныхъ какъ по своему высокому значенію, такъ и по своему безобразію. Вопросъ этотъ, въ свою очередь, распадается на нѣсколько другихъ; именно для его разрѣшенія нужно узнать: какіе успѣхи дѣлаетъ у насъ капиталистическое производство, сколь быстро разрушается община и въ какомъ отношеніи другъ къ другу находятся оба эти процесса?

По ученію господствующей историко-экономической школы разрушеніе общины есть необходимый и полезный шагъ про-

мышленнаго прогресса, ибо только этимъ путемъ личность получаетъ полную свободу, столь необходимую для быстраго движенія общества впередъ; обезземеленіе же народа—неизбѣжный результатъ личнаго землевладѣнія — послужитъ орудіемъ, пользуясь которымъ, личность поведетъ общество къ организаціи высшей формы труда, требуя за то отъ него всякихъ жертвоприношеній на алтарь капитализма. Такимъ образомъ, уничтоженіе общины и развитіе капитализма тѣсно связаны другъ съ другомъ, составляютъ двѣ стороны одного и того же процесса, и, при наличности другихъ благопріятныхъ условій, развиваются параллельно и пропорціонально другъ другу. Если на Западѣ кульминаціонные пункты обоихъ процессовъ принадлежатъ различнымъ эпохамъ, и въ пору бойкаго развитія капитализма ему оставалось только мимоходомъ добивать совершенно уже упавшаго противника, такъ это потому, что въ періодъ борьбы частнаго землевладѣнія съ общиннымъ отсутствовали другія условія, необходимыя для развитія капитализма pur sang, изъ которыхъ мы упомянемъ только о юридической свободѣ личности и развитіи знаній. Въ настоящее же время, въ молодыхъ странахъ, могущихъ пользоваться всѣми орудіями цивилизаціи, добытыми Европой, капитализму для завоеванія промышленности незачѣмъ ждать полнаго разрушенія общины и окончательнаго обезземеленія народа; онъ можетъ подчинять своему воспитательному вліянію рабочее населеніе по мѣрѣ его обезземеленія, т. е. по естественному ходу дѣлъ распространяться параллельно и пропорціонально уничтоженію общины.

Въ такомъ положеніи находится въ настоящее время Россія, а потому, чтобы имѣть право сказать, что капитализмъ у насъ прогрессируетъ, нужно констатировать наличность слѣдующихъ двухъ явленій: относительное и абсолютное увеличеніе числа рукъ, привлекаемыхъ на капиталистическія промышленныя предпріятія, и развитіе производительности труда. Изъ цифръ, неоднократно приводимыхъ какъ нами, такъ и другими лицами, видно, что, несмотря на возрастаніе населенія приблизительно на 50%, число рабочихъ нашихъ фабрикъ и заводовъ теперь тоже самое, что и 35 лѣтъ назадъ. Этого одного достаточно, чтобы имѣть право усомниться въ прогрессѣ нашего капитализма и признать, что вмѣсто распространенія своего образовательнаго вліянія на все бо́льшую и бо́льшую часть населенія, крупное производство, напротивъ, уступаетъ мелкому и ту небольшую область труда, которую оно заняло когда-то во времена болѣе счастливыя. Крупное земледѣліе не отстаетъ отъ заводско-фабричной промышленности въ этомъ движеніи назадъ:

процвѣтаніе (!) его относится ко временамъ дореформеннымъ, а новѣйшая исторія есть печальная лѣтопись попытокъ удержаться за голую скалу, тогда какъ собственная тяжесть неудержимо тянетъ его въ пропасть.

Роковое значеніе указаннаго факта въ судьбѣ русскаго капитализма усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не можетъ быть приписанъ искуственной поддержкѣ мелкаго производства. Напротивъ, мы принимали всевозможныя мѣры, способствующія развитію капитализма, и въ своемъ стремленіи къ буржуазному идеалу Запада были такъ искренни и энергичны, что выдающимся явленіемъ экономической жизни по нашей винѣ сдѣлалось именно разстройство мелкаго хозяйства, обезземеленіе народа, его погоня за заработкомъ, отсутствіе послѣдняго (благодаря регрессу капитализма), пониженіе заработной платы и, въ концѣ-концовъ, необходимость крестьянину опять приниматься за самостоятельное хозяйствованіе при крайне, разумѣется, невыгодныхъ условіяхъ. Слѣдовательно, мы не можемъ сказать, что statu quo крупной промышленности обусловливается отсутствіемъ наемныхъ рабочихъ, насильно удерживаемыхъ при землѣ въ качествѣ самостоятельныхъ хозяевъ, и должны, напротивъ, заявить, что есть причины, дѣйствующія сильнѣе, чѣмъ наши сознательныя мѣропріятія, и что они останавливаютъ движеніе капиталистическаго поѣзда, несмотря на то, что главнѣйшій изъ общепризнанныхъ его двигателей самъ суетъ голову въ наемное ярмо. Какія это причины — мы говорили неоднократно раньше; теперь для насъ важенъ лишь конечный результатъ, ибо та или иная судьба капитализма въ Россіи иначе осмысливаетъ и явленія, совершающіяся въ сферѣ нашей общины. И такъ, обезземеленіе народа и измѣненія въ области крупной промышленности покоятся у насъ на различныхъ основаніяхъ; они не находятся другъ съ другомъ въ генетической связи, какъ это должно быть по общепринятой теоріи, не зависятъ оба отъ одного и того же болѣе общаго историческаго фактора, а движутся каждое вліяніями особаго рода. Иначе говоря, къ нашей жизни не приложима теорія экономическаго прогресса, созданная западной наукой; мы не видимъ того смысла въ уничтоженіи общины, который служилъ на Западѣ оправданіемъ этого шага, объясняя, какъ его неизбѣжность, такъ равно и прогрессивное значеніе. Сохранится наше общинное землевладѣніе или нѣтъ, производство все-таки еще на долгое время удержитъ свою теперешнюю форму и единственное, что намъ принесетъ частное землевладѣніе, это—свободу личной иниціативы въ дѣлѣ производства сельско-хозяйственныхъ улучшеній. Но какой цѣной бу-

деть куплено это удобство и какое низерное значеніе получитъ оно въ нашихъ глазахъ, если мы вспомнимъ направленіе, принимаемое свободной частной собственностью въ нашъ капиталистическій и торгашескій вѣкъ? Достаточно сказать, что новѣйшая частная собственность стремится тремя путями задержать развитіе сельско-хозяйственнаго прогресса: 1) она беретъ на себя отвѣтственность за суммы, идущія на неземледѣльческія предпріятія, благодаря чему оказывается до того обремененной долгами, что лишается возможности производить капитальныя затраты на возвышеніе культуры, 2) земля стремится скорѣе перемѣнить своего владѣльца и остается въ однѣхъ рукахъ столь непродолжительное время, что его крайне недостаточно для производства радикальныхъ преобразованій въ этой отрасли промышленности; 3) наконецъ, отдѣльные участки принимаютъ такіе размѣры, которые неблагопріятны для успѣшной сельско-хозяйственной дѣятельности или вслѣдствіе своей чрезмѣрной величины, или по причинѣ необыкновенно ужъ малаго размѣра [1]. Съ другой стороны, стѣсненіе личной энергіи общиной не составляетъ въ наше время безусловнаго или даже очень сильнаго препятствія развитію земледѣлія, тогда какъ, напротивъ того, общинная солидарность можетъ служить хорошимъ средствомъ для быстраго распространенія общепризнанныхъ улучшеній. Въ виду всего этого, мы считаемъ совершенно невозможнымъ разсматривать вопросъ о нашей общинѣ съ точки зрѣнія историческаго прогресса, выработанной западными учеными, не видимъ въ ея уничтоженіи ничего естественнаго и прогрессивнаго, не можемъ поэтому и приписывать его законамъ нормальнаго, физіологическаго роста общества. Та или иная судьба русской общины не предрѣшена вѣчными законами историческаго прогресса и насколько можно догадываться о послѣднихъ (пока намъ извѣстны не общіе, а частные законы прогресса), ближайшее будущее нашей общины достаточно обезпечено. Поэтому, съ общей, теоретической точки зрѣнія мы не должны ожидать встрѣтиться въ нашей новѣйшей исторіи непремѣнно съ разрушеніемъ общиннаго землевладѣнія; напротивъ, таже точка зрѣнія позволяетъ надѣяться, что общинные инстинкты русскаго человѣка, освобожденные отъ внѣшнихъ путъ, получатъ дальнѣйшее развитіе. Если же мы встрѣтимся въ дѣйствительности со многими явленіями, указывающими на ослабленіе общинной связи, то не должны поспѣшно приписывать ихъ дѣйствію законовъ естествен-

[1] См. объ этомъ Ерошевскій «Къ вопросу о поземельномъ кредитѣ», Одесса 1881.

наго развитія общества, а прежде всего постараться поискать внѣшнихъ, искуственныхъ и скоропреходящихъ естественныхъ вліяній, приводящихъ къ такому результату. Если же и послѣ подобнаго изслѣдованія окажется, что община не пользуется прежнимъ кредитомъ среди населенія, что она болѣе или менѣе быстро исчезаетъ, несмотря на отсутствіе разлагающихъ ее искуственныхъ воздѣйствій со стороны, то это дастъ намъ право подвести нашу исторію подъ тотъ законъ развитія, который выше мы считали имѣющимъ силу только для части Европы, но не для Россіи; тогда при построеніи практическаго міросозерцанія, мы должны будемъ дать широкое, если не преобладающее значеніе частной собственности и индивидуализму.

Въ предлагаемой статьѣ мы не думаемъ рѣшать вопросъ во всей его широтѣ, а хотимъ приготовить часть матерьяла для такого рѣшенія, указавъ на нѣкоторыя внѣшнія вліянія, искуственно разрушающія излюбленную форму быта русскаго народа.

II.

Что же мы замѣчаемъ, присматриваясь къ народной жизни и не останавливаясь на отдѣльныхъ ея радужныхъ или мрачныхъ явленіяхъ, а стараясь обнять ихъ въ совокупности? Можемъ ли мы подмѣтить одно опредѣленное направленіе общинной жизни, сказать, напримѣръ, что она развивается или разлагается, не выясняя пока причинъ того или другого?

Вопросъ этотъ странно и задавать послѣ того, какъ всѣ согласны, что изученіе русской общины только начинается, что въ этомъ направленіи сдѣланъ пока лишь первый шагъ, по которому никакъ нельзя судить о послѣдующихъ. Поэтому мы оставимъ его нерѣшеннымъ, замѣтивъ только, что большинство наблюдателей, представившихъ объ общинѣ болѣе или менѣе цѣнныя данныя или хорошо знакомые съ ея литературой, убѣждены, что въ Россіи она пустила глубокіе и крѣпкіе корни. Но это личное мнѣніе, оно не имѣетъ логически-обязательной силы для всѣхъ мыслящихъ людей. Что же касается болѣе или менѣе научной постановки вопроса, то здѣсь даже неопредѣлено, какія явленія должно считать признаками разрушенія общины; не совсѣмъ выяснено и то направленіе, которое она должна принять, чтобы считаться въ нашихъ глазахъ прогрессирующей.

Въ самомъ дѣлѣ, что должно служить указателемъ регресса въ сферѣ общиннаго землевладѣнія? Имѣютъ ли такое значеніе, напримѣръ, стремленіе отдѣльныхъ лицъ выдѣлить свои участки,

длинные промежутки между передѣлами, подчиненіе общинныхъ распорядковъ міроѣдамъ, кулакамъ и пр., факты, существованіе которыхъ подтверждалось неоднократно и которые на первый взглядъ кажутся дѣйствительно подозрительными? Мы думаемъ, что такія и имъ подобныя явленія народной жизни хотя и недоказываютъ блестящаго состоянія общиннаго союза, но никоимъ образомъ не могутъ служить и признаками его гибели. Относительно длинныхъ промежутковъ между передѣлами, напримѣръ, мы спросимъ: когда же они были короткими? Хотя исторія общины вовсе не разработана, однако, извѣстно, что обычнымъ моментомъ передѣла земли у государственныхъ крестьянъ бывало время производства ревизіи (о помѣщичьихъ, какъ не самостоятельной группѣ крестьянъ, мы говорить не будемъ). Поэтому пока не сдѣлана новая перепись и неизвѣстно, какое вліяніе она окажетъ на передѣлы, до тѣхъ поръ мы не имѣетъ права утверждать, что община стремится удлинить до крайней степени сроки владѣнія хозяевъ старыми участками, и такимъ образомъ дѣлаетъ яко бы шагъ къ личному землевладѣнію; а, напротивъ, судя по жалобамъ на частоту передѣловъ, скорѣе можно бы поддерживать противоположное мнѣніе. Стремленіе отдѣльныхъ лицъ выкупить свои надѣлы въ частную собственность, господство на сходахъ міроѣдовъ и пр., дѣйствительно существуютъ, но что же отсюда слѣдуетъ? Правда, явленіе это можетъ быть симптомомъ очень серьёзнымъ: если община перестала соотвѣтствовать духу времени, если прогрессивное движеніе народа требуетъ уничтоженія этой формы быта, стѣсняющей его естественное, физіологическое развитіе, то это, пожалуй, выразится прежде всего ослабленіемъ общинной солидарности и выдѣленіемъ группы лицъ, яснѣе другихъ понявшихъ злобу дня и энергичнѣе стремящихся ей удовлетворить. Но то же явленіе можетъ быть послѣдствіемъ чисто внѣшнихъ, искуственныхъ условій прогресса, и тогда его значеніе совершенно иное: появленіе массы лицъ, пытающихся вырваться изъ общиннаго союза и эксплуатирующихъ послѣдній въ свою пользу, можетъ быть также результатомъ перемѣнъ, совершившихся не въ сердцѣ общины, а въ средѣ ее окружающей. Въ обоихъ случаяхъ оно указываетъ на существованіе почвы, благопріятной развитію въ народѣ индивидуализма и своекорыстія, но не рѣшаетъ вопроса о томъ, туземная ли это почва или наносная, и если наносная, то прочна ли связь ея съ подпочвой, на которой она покоится. Уничтоженіе общины, если оно вызывается естественнымъ развитіемъ народа, имѣетъ смыслъ въ томъ отношеніи, что этимъ путемъ создаются условія, благопріятныя для развитія общественной формы труда—рабочіе, способные по-

ступить на выучку къ капиталу, организующему ихъ для высшей формы производства, а съ земледѣлія снимаются путы, стѣсняющія его движеніе впередъ. Но, какъ мы это развивали раньше, въ Россіи капитализмъ не играетъ роли, выученной имъ на Западѣ, а частное малороссійское землевладѣніе не дало тамошнимъ хозяевамъ никакихъ преимуществъ надъ великороссійскими общинниками въ дѣлѣ возвышенія сельско-хозяйственной культуры; поэтому разрушеніе нашей общины не имѣетъ обще-историческаго смысла и не вызывается процессомъ нормальнаго роста нашего отечества. Съ другой стороны, мы знаемъ, что противоестественныя попытки правящихъ классовъ привить къ Россіи капитализмъ способны пробудить въ народѣ индивидуалистическіе и своекорыстные инстинкты, которые естественно выразятся въ той именно формѣ, о которой было говорено выше, т. е. появленіемъ міроѣдовъ, кулаковъ и другихъ элементовъ, стремящихся подточить общинные устои. Поэтому частные успѣхи отдѣльныхъ индивидуалистовъ и броженіе, происходящее въ общинѣ, съ этой точки зрѣнія указываютъ лишь на попытку эгоизма, своекорыстія воспользоваться благопріятнымъ историческимъ моментомъ для завоеванія себѣ прочнаго положенія и на сопротивленіе, оказываемое ему общиной. Уничтожить этихъ паразитовъ народъ не въ силахъ, прекратить ихъ дальнѣйшее размноженіе онъ тоже не можетъ, ибо они вооружены и поддерживаются силой, стоящей внѣ его прямого вліянія; но онъ въ состояніи такъ или иначе отнестись къ ихъ разлагающему вліянію на общину, онъ можетъ поддаваться ихъ усиліямъ, направленнымъ къ дискредитированію въ его глазахъ этой формы быта, или бороться за существованіе, сопротивляться ея уничтоженію. Поэтому, указанныя печальныя явленія въ жизни русской общины нисколько не свидѣтельствуютъ о ея разрушеніи; и чтобы имѣть понятіе о крѣпости этого союза, нужно обратиться къ фактамъ, рисующимъ настроеніе и отношеніе къ ней *массы* населенія, а не выбросовъ капитализма; нужно рѣшить вопросъ, насколько народъ вообще и въ частности отдѣльныя общины въ цѣломъ составѣ стѣсняются узами этого союза, пытаются вырываться изъ него на свободное поле участковаго землевладѣнія и осуществляютъ это стремленіе, если тому не существуетъ внѣшнихъ, законныхъ препятствій.

Вопросъ, поставленный въ такой формѣ, допускаетъ уже если не положительное рѣшеніе, то, по крайней мѣрѣ, построеніе болѣе или менѣе вѣроятной гипотезы, ибо даже противники общины признаютъ привязанность къ ней народа, когда утверждаютъ, что полураззорившаяся и испьянствовавшаяся масса сво-

имъ подавляющимъ большинствомъ стѣсняетъ индивидуалистическія стремленія хозяйственныхъ мужиковъ. Но мы не станемъ перебирать отдѣльныхъ мнѣній и фактовъ, постоянно попадающихся то тамъ, то здѣсь въ печатныхъ изданіяхъ, подтверждающихъ истинность мнѣній о привязанности народа къ общинѣ: противъ единичныхъ фактовъ всегда можно выставить предположеніе о существованіи и противоположнаго рода явленій, только случайно не попавшихъ на печатныя страницы. Другое дѣло, если намъ встрѣтится цѣлый большой районъ, не находящійся въ какихъ-нибудь необыкновенныхъ условіяхъ, особенно благопріятствующихъ общинѣ, и тѣмъ не менѣе проявляющій ясную привязанность къ разсматриваемой формѣ землевладѣнія; это будетъ служить довольно вѣскимъ аргументомъ въ пользу способности общины приспособляться къ различнымъ требованіямъ времени. Еще лучше, если разсматриваемый районъ принадлежитъ къ числу промышленно-капиталистическихъ мѣстностей, ибо въ такомъ случаѣ мы попадаемъ на общину, находящуюся въ самомъ центрѣ непріятельскаго лагеря, и если она съ честью выйдетъ изъ подобнаго затруднительнаго положенія, то этимъ сослужитъ большую діагностическую службу русской общинѣ вообще, подозрѣваемой въ страданіи неизлечимымъ, злокачественнымъ недугомъ. Такая мѣстность у насъ есть, это—Московская губернія. Относительно ея имѣется полный матеріалъ, обнимающій почти всѣ ея общины, а находясь въ центрѣ нашего торговаго и промышленнаго капитализма, будучи изрѣзана вдоль и поперекъ желѣзными дорогами (насколько можетъ быть ими изрѣзана русская область вообще), испещрена фабриками, заводами и разными торговыми заведеніями (насколько опять-таки они въ состояніи испещрить русскую землю), эта губернія должна подвергаться наисильнѣйшимъ ударамъ капиталистическаго молота, которые давно уже, вѣроятно, придали москвичу форму, неподходящую къ рамкамъ, очерченнымъ общиннымъ землевладѣніемъ, а потому онъ въ настоящее время долженъ быть занятъ ломаніемъ старыхъ устоевъ своей жизни, организаціей землевладѣнія на новыхъ основаніяхъ. Повторяемъ, Московская губернія должна представлять наивысшія степени развитія въ народѣ индивидуализма; обезпеченность сбыта продуктовъ разнаго рода благопріятствуетъ появленію высшихъ сельско-хозяйственныхъ культуръ, для возможности существованія которыхъ необходима, говорятъ, полная самостоятельность земледѣльца. Слѣдовательно, здѣсь соединены всѣ условія, подрывающія общинное землевладѣніе; послѣднее встрѣтилось здѣсь съ коалиціей всѣхъ своихъ самыхъ заклятыхъ враговъ: торговли, крупной промышленности,

и сельско-хозяйственнаго прогресса. Какъ же быстро падаетъ оно подъ ихъ соединенными ударами?

Для рѣшенія этого вопроса мы обратимся къ труду г. Орлова «Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Московской губерніи», составляющему первый выпускъ IV-го тома «Сборника статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи». Матеріалъ, собранный въ указанномъ изслѣдованіи г. Орлова, даетъ двоякаго рода данныя, прямо относящіяся къ нашему вопросу, это—словесныя показанія крестьянъ, рисующія ихъ отношеніе къ общинѣ и факты перехода деревень, выкупившихъ окончательно свои надѣлы, слѣдовательно, совершенно свободныхъ въ выборѣ той или другой системы землевладѣнія, отъ общиннаго къ участковому. Обратимся къ фактамъ перваго рода.

При собираніи свѣдѣній по крестьянскому землевладѣнію московскіе статистики задавали какъ отдѣльнымъ крестьянамъ, такъ и цѣлымъ сходамъ, между прочимъ, слѣдующій вопросъ: «не стѣснительно ли для хозяйства мірское землевладѣніе съ его передѣлами и дробленіемъ полосъ, и если стѣснительно, то не лучше ли бы было, еслибы общественная земля была подѣлена на подворно-наслѣдственные участки? Изъ разспросовъ оказывалось, что многіе крестьяне даже представить себѣ не могутъ, чтобы возможно было замѣнить ихъ мірское землевладѣніе какою либо иною формою. Такіе крестьяне, разумѣется, стоятъ безусловно за сохраненіе общинной формы землевладѣнія. Однако, большинство общинъ и крестьянъ хорошо сознавали и ясно представляли себѣ то, о чемъ шла рѣчь: видно было, что вопросъ этотъ для нихъ не являлся неожиданностью. Воззрѣнія крестьянъ различны: въ тѣхъ общинахъ, гдѣ хозяйство всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, большинства дворовъ находится въ исправномъ состояніи, какъ цѣлый міръ (на сходкѣ), такъ и отдѣльные домохозяева стоятъ за сохраненіе мірского землевладѣнія». Въ общинахъ же съ разстроеннымъ хозяйствомъ большинство, которое добываетъ средства къ жизни отхожими промыслами, за общину стоитъ бѣдный, но занимающійся хлѣбопашествомъ хозяинъ; противъ нея же соединяются какъ наиболѣе зажиточные (изъ опасенія круговой поруки и частыхъ передѣловъ, обыкновенно практикуемыхъ такими общинами), такъ и совершенно забросившіе земледѣліе, но принужденные, тѣмъ не менѣе, нести платежи, связанные съ ихъ принадлежностью къ общинному союзу. «Наконецъ, есть *малочисленный* разрядъ крестьянъ (капиталистовъ), по мнѣнію которыхъ, мірское землевладѣніе невыгодно потому, что лишаетъ ихъ возможности скупать земли малоземельныхъ дворовъ и недоимщиковъ» (стр. 274—5).

Изъ дословныхъ отвѣтовъ, для примѣра приводимыхъ авторомъ, видно, что обыкновенный крестьянинъ вооружается противъ общины изъ опасенія круговой поруки и изъ-за недовольства частыми передѣлами полей. Это недовольство основано на томъ фактѣ, что при частыхъ передѣлахъ, имѣющихъ мѣсто именно въ общинахъ обѣднѣвшихъ, хозяинъ, ухаживающій за своей полосой, всегда рискуетъ лишиться ея въ пользу разорившагося крестьянина, а самъ—получаетъ пустырь, который и соха не беретъ. Такимъ образомъ, ему приходится начинать постоянно съ начала и трудиться при этомъ въ пользу сосѣда, который не въ силахъ продолжать начатое другимъ дѣло; это отбиваетъ охоту заниматься земледѣліемъ и у тѣхъ хозяевъ, которые еще въ состояніи вести его какъ слѣдуетъ, а потому они и высказываются въ пользу частнаго землевладѣнія. Но эти противники общины нетолько ничего не имѣютъ противъ черезполосности владѣній и связаннаго съ ней стѣсненія своего землепользованія, но даже настаиваютъ на сохраненіи черезполосности, свойственной общинному землевладѣнію, какъ по невозможности уравнять участки, нарѣзавъ каждый отдѣльно, такъ и по причинѣ ссоръ, какія явятся вслѣдствіе столкновеній, неизбѣжныхъ при существованіи рядомъ полныхъ и свободныхъ земельныхъ собственниковъ. Отсюда видно, что не интересы сельско-хозяйственнаго *прогресса* руководятъ крестьянами, готовыми сбросить съ себя общинныя узы, что если они при случаѣ нечрочь помечтать о собственномъ участкѣ, то не въ силу стѣсненія, которое они будто бы чувствуютъ въ своемъ стремленіи къ *высшимъ* системамъ земледѣлія, а потому что разорившіеся совладѣльцы препятствуютъ имъ поддерживать хозяйство на *обычномъ* уровнѣ и тянутъ ихъ самихъ на низшую ступень благосостоянія. Также и крестьяне-капиталисты не заходятъ въ своихъ мечтахъ о прогрессѣ дальше округленія и распространенія собственныхъ владѣній, чего они ожидаютъ отъ уничтоженія общины, да можетъ быть постройки на свободномъ участкѣ кабака, изгоняемаго теперь изъ своихъ предѣловъ средне-состоятельными деревнями; а о высшей сельско-хозяйственной культурѣ они имѣютъ вѣроятно такое же представленіе, какъ мы съ вами, читатель, о китайскомъ языкѣ. Это заключеніе подтверждается и случаями выкупа отдѣльными дворами надѣловъ въ полную собственность, а также переходами цѣлыхъ деревень отъ общиннаго къ участковому землевладѣнію.

По 1879 годъ въ шести уѣздахъ губерніи 244 домохозяина выкупили въ частную собственность 714 душевыхъ надѣловъ. Насколько они руководились при этомъ интересами сельскаго хо-

зяйства вообще и стремленіемъ поставить его на раціональное основаніе въ частности, видно изъ того, что наименьшее число выкупленныхъ надѣловъ относится къ земледѣльческимъ уѣздамъ, Клинскому и Волоколамскому, а наибольшее къ промышленнымъ Броницкому и Богородскому. Затѣмъ, 89% выкупившихся домохозяевъ продолжаютъ владѣть землею черезполосно, подчиняясь всѣмъ порядкамъ мірского землевладѣнія, и только 19 дворовъ выдѣлились изъ общины со всѣми своими угодьями, да и изъ нихъ лишь семеро ведутъ на своихъ участкахъ правильное земледѣльческое хозяйство, ничѣмъ, впрочемъ, не отличающееся отъ хозяйства крестьянъ-общинниковъ. Главная же причина, побуждающая крестьянъ къ описываемому выкупу, это — желаніе избавиться отъ круговой поруки, т. е. мотивъ финансовый, а не земледѣльческій.

Но что въ особенности можетъ служить хорошимъ критеріемъ привязанности народа къ общинѣ, такъ это — позиція, принятая по отношенію къ ней деревнями, совершенно выкупившими свои земли. Этого рода крестьяне имѣютъ полное право избрать форму землевладѣнія, какая имъ больше всего по душѣ, и если, какъ утверждаютъ противники общины, послѣдняя является въ наше время анахронизмомъ, поддерживаемымъ искуственными средствами, то полные собственники Московской губерніи, избавленные отъ необходимости сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ закономъ и воспитанные при томъ такого рода вліяніями, которыя способны сдѣлать ихъ крайне чувствительными къ анахронизмамъ, вытекающимъ ихъ переживанія формъ патріархальнаго быта, должны бы, кажется, съ жадностью накинуться на представившуюся имъ возможность разорвать съ ненавистнымъ прошлымъ. И что же мы видимъ? Изъ 130 общинъ губерніи, окончательно выкупившихъ свои надѣлы, только какой-нибудь десятокъ послѣдовалъ указаніямъ господствующей надъ умами нашихъ цивилизаторовъ теоріи, да и изъ тѣхъ 8 буквально слѣдовали «указу», такъ какъ онѣ принадлежатъ къ категоріи вольныхъ хлѣбопашцевъ, которые *по закону* надѣлялись землей на правахъ частной собственности, и только двѣ-три деревни могутъ быть причислены къ ренегатамъ послѣдняго времени. Но и тѣ, и другіе, порѣшивъ формально съ общиной, остаются однако въ дѣйствительной жизни подъ дѣйствіемъ хозяйственныхъ пріемовъ, выработанныхъ ею; такъ всѣ эти «частные собственники» владѣютъ полями черезполосно, имѣютъ общіе выгонъ и пастбище, большинство даже передѣляютъ свои угодья, причемъ все отличіе отъ общинниковъ заключается въ томъ, что земельная доля каждаго хозяина опредѣляется не потребностями

его или силами, а правами, которыя онъ пріобрѣлъ при выкупѣ, путемъ наслѣдства, покупки сосѣдскихъ участковъ и пр. [1] (id., с. 299—307).

Всѣ эти факты, по нашему мнѣнію, крайне поучительны: врядъ ли можно спорить противъ того, что они доказываютъ сильную привязанность населенія къ общинному землевладѣнію; но они, кромѣ того, свидѣтельствуютъ и о полномъ соотвѣтствіи этой формы собственности съ бытовыми и экономическими условіями нашего времени. Въ самомъ дѣлѣ, разбирая мотивы выхода отдѣльныхъ лицъ изъ общины и распаденія цѣлыхъ союзовъ, а также присматриваясь къ хозяйственной дѣятельности этихъ частныхъ собственниковъ, мы убѣдимся, что ими руководятъ вовсе не интересы земледѣльческаго прогресса, такъ какъ они и теперь продолжаютъ руководствоваться хозяйственными обычаями, вынесенными ими изъ общины; слѣдовательно, послѣдняя вполнѣ еще соотвѣтствуетъ той ступени агрикультурнаго развитія, какой достигъ нашъ народъ и которую онъ не думаетъ мѣнять на высшую. Главнѣйшей, если не единственной причиной, вооружающей зауряднаго мужика противъ общины, служитъ боязнь круговой поруки и опасеніе, что при частыхъ передѣлахъ хорошо удобренныя полосы хозяйственныхъ мужиковъ перейдутъ къ лицамъ, плохо справляющимся съ земледѣліемъ, а имъ достанутся заброшенные и требующіе большихъ усилій при разработки пустыри. Въ обоихъ случаяхъ общественно-исторической причиной недовольства общиной служитъ раззореніе значительной части населенія, угрожающее при существованіи этой формы землевлалѣнія благосостоянію и зажиточныхъ крестьянъ. Поэтому лица, стоящія за необходимость паденія общины, вытекающую изъ законовъ исторіи и задачъ прогресса, должны доказать, что раззореніе народа есть явленіе неизбѣжное при общинномъ землевладѣніи, и что отъ него можно избавиться лишь замѣнивъ послѣднее подворнымъ. Какія фактическія свидѣтельства приведутъ они въ пользу этого положенія—намъ неизвѣстно, но мы укажемъ теперь же на одну варьяцію этой темы. Именно могутъ сказать, что крестьянинъ земледѣлецъ раззоряется отъ конкурренціи съ помѣщичьимъ хозяйствомъ, которое, какъ болѣе производительное, понижаетъ на рынкѣ цѣны хлѣба до уровня, при которомъ крестьянину-рутинеру самостоятельно хозяйничать невозможно. Это ведетъ къ

[1] Есть еще въ Московской губерніи нѣсколько общинъ, рѣшившихъ уничтожить передѣлы, но врядъ ли это состоится, ибо частныя переверстки продолжаются и послѣ такого рѣшенія.

тому, что многіе изъ нихъ забрасываютъ земледѣліе, накопляютъ недоимки, а то и другое, благодаря общинѣ, ложится тяжелымъ гнетомъ на состоятельную часть крестьянъ. Такое положеніе побуждаетъ послѣднихъ стремиться избавиться отъ общинныхъ узъ, что имъ дастъ къ тому же возможность ввести улучшенія въ хозяйствѣ, при которыхъ они будутъ въ состояніи соперничать съ крупнымъ земледѣльческимъ производствомъ. Такимъ образомъ, насколько настоящее обѣднѣніе народа есть естественное послѣдствіе нормальнаго развитія экономической жизни общества, настолько естественно и неизбѣжно разрушеніе общиннаго владѣнія землей.

Читатель видитъ, что высказанная мысль есть отпрыскъ капиталистической теоріи: здѣсь утверждается, что крупное помѣщичье хозяйство побиваетъ крестьянское. Но кому извѣстно жалкое положеніе перваго (а кому же это неизвѣстно?), кто слышалъ о тѣхъ безобразно-низкихъ цѣнахъ, по которымъ крестьянинъ продаетъ продукты своего труда и которыя нетолько не устанавливаются помѣщиками, но напротивъ того, сами понижаютъ рыночную цѣнность владѣльческаго хлѣба, тотъ согласится, что вышеприведенное разсужденіе есть теоретическая фантазія, что раззореніе народа обусловливается не прогрессомъ въ Россіи крупнаго производства, предъ которымъ естественно будто бы стушевывается мелкое, а потому и община, прилаженная къ послѣднему и его освящающая, застрахована отъ разлагающаго вліянія крупнаго производства; наблюдаемое въ настоящее время ея разрушеніе не есть естественное и неизбѣжное послѣдствіе нормальнаго развитія экономической жизни общества.

И такъ, русская община въ настоящее время не препятствуетъ развитію земледѣлія (ибо и стремленія къ послѣднему въ народѣ невидно), слѣдовательно, устраняется одна изъ причинъ, естественно разрушающихъ эту форму владѣнія землей. Раззореніе народа, подтачивающее общину, не явилось у насъ результатомъ нормальнаго, физіологическаго роста экономической жизни общества, а есть продуктъ искуственныхъ вліяній. То есть оба фактора, разрушающіе общинное землевладѣніе при извѣстномъ естественномъ ходѣ прогресса и придающіе этому процессу приличный цѣлесообразный видъ, прогрессъ агрикультуры и капиталистическаго производства, у насъ отсутствуютъ, а потому самое разрушеніе общины, насколько оно въ Россіи имѣетъ мѣста, не должно быть приписываемо прогрессивному движенію страны, а его слѣдуетъ считать продуктомъ, главнымъ образомъ, различныхъ искуственныхъ вліяній. Поищемъ же этихъ послѣднихъ.

III.

Печальное зрѣлище представляетъ изъ себя послѣреформенная экономическая Россія. Теперешній промышленный кризисъ есть лишь естественное и давно предвидѣнное обостреніе хроническаго недуга, а главныя финансовыя затрудненія государства еще впереди. Если не случится чего-нибудь необыкновеннаго, то финансовый правительственный кризисъ наступитъ исподволь, предшествуемый земскимъ. Будетъ это такъ потому, что земскіе сборы поступаютъ послѣдними, когда удовлетворены остальныя требованія фиска, и въ случаѣ приближенія народнаго банкротства, со стороны населенія прекращается прежде всего взносъ земскихъ налоговъ. Такимъ, образомъ, земско-финансовый кризисъ есть предверье государственнаго, и его появленіе означаетъ приближеніе послѣдняго. Въ настоящее время земско-финансовый кризисъ выразился довольно ясными чертами, что и дало намъ право сказать, что главныя государственно-финансовыя затрудненія еще впереди. Кризисъ земскихъ финансовъ мы видимъ не въ обращеніи къ правительственной помощи въ случаяхъ исключительныхъ, напримѣръ, для продовольствія временно-голодающаго народа; о земскомъ банкротствѣ мы заключаемъ изъ того, что земство не въ состояніи справиться съ *текущими* крайне необходимыми расходами, а такое именно направленіе и принимаютъ земскіе финансы въ послѣднее время. Такъ, тамбовское земство, благодаря недоимкамъ текущаго сбора, дошедшимъ уже до 150% годового оклада, не въ состояніи вознаграждать погорѣльцевъ изъ обычнаго источника и вынуждено ежегодно затрачивать на этотъ предметъ 250 тысячъ рублей изъ продовольственнаго капитала [1]; маріупольское земство для покрытія текущихъ расходовъ испрашиваетъ у правительства взаймы 100 тыс. руб. на 6 лѣтъ, грозя, въ случаѣ отказа, ликвидировать свои дѣла [2]; верхне-днѣпровская земская управа вынуждена была для покрытія неотложныхъ земскихъ расходовъ затратить 11,000 рублей изъ неприкосновенныхъ суммъ. Теперь она созываетъ экстренное земское собраніе съ цѣлью предложить на его разрѣшеніе такую дилемму: или отыскать новые источники доходовъ, или закрыть школы, больницы и другія необязательныя учрежденія [3], и т. д. Бѣлозерскому земскому

[1] «Порядокъ», 1881, № 148 изъ «Земства».

[2] Id., 137, изъ «Одесск. Вѣд.».

[3] «Русскій Курьеръ», 1881, № 110, 222. «Русск. Вѣд.», 1881, 213. «Порядокъ», 1881, 213, 225, 275 и т. д.

собранію предлагается управой на разрѣшеніе вопросъ: «какая изъ необязательныхъ потребностей—народное здравіе или образованіе, можетъ быть сокращена съ меньшимъ ущербомъ для населенія»; въ Валдайскомъ уѣздѣ въ видахъ экономіи дорогихъ, хотя и болѣе угодныхъ населенію фельдшерицъ, замѣняютъ мужчинами, стоющими 150 рублей дешевле; но подумываютъ объ уничтоженіи и этихъ послѣднихъ; въ Гдовскомъ уѣздѣ закрыто 8 школъ за невозможностью крестьянамъ содержать ихъ; служащіе въ саратовской губернской управѣ обречены на голоданіе, а городу денегъ никто въ долгъ не даетъ; дефицитъ въ земскомъ бюджетѣ Самарскаго уѣзда въ 1880 году достигъ 85 т. р.

Нужно согласиться съ тѣмъ, что отвѣтственность за бѣдствія, переживаемыя нынѣ народовъ, должна пасть, прежде всего, на нашу вліятельную интеллигенцію, такъ какъ ея игнорированіе интересовъ мелкаго производства и стремленіе возрастить у насъ капитализмъ были однимъ изъ энергичнѣйшихъ дѣятелей народнаго раззоренія. Современная русская жизнь характеризуется не однимъ экономическимъ упадкомъ, но также нравственнымъ развратомъ, спутанностью понятій и проч.; но мы остановимся только на тѣхъ ея сторонахъ, которыя помогутъ намъ выяснить явленія, совершающіяся въ сферѣ общинной жизни.

Обѣднѣніе народа начато было реформами послѣдняго двадцатипятилѣтія. Реформы эти отразились на народѣ, между прочимъ, слѣдующими двумя послѣдствіями: сокращеніемъ крестьянскихъ надѣловъ и увеличеніемъ ихъ платежей; взамѣнъ народъ получилъ юридически свободный трудъ, для организаціи котораго, однако, не было принято никакихъ мѣръ, или вѣрнѣе, мѣры, предложенныя правящими классами для этой цѣли (развитіе капитализма), были такого рода, что повели еще къ большей дезорганизаціи труда; это уже второй факторъ народнаго обѣднѣнія.

Государственный бюджетъ выросъ за это время вдвое и втрое, а производительность народнаго труда осталась прежняя. Сохранилось въ силѣ старое, натуральное хозяйство, при которомъ большая часть продуктовъ крестьянскаго труда не идетъ дальше околицы деревни и потребляется на мѣстѣ. Правительство врядъ ли могло бы такъ сильно натянуть финансовую струну: прямые налоги оно еще какъ-нибудь да собрало бы, на косвенные же у народа недостало бы денегъ, такъ какъ онъ мало что отчуждаетъ на сторону, а все произведенное уничтожаетъ самъ. Чтобы взять съ народа за право потребленія нѣсколько сотъ милліо-

новъ рублей, нужно лишить его всего необходимаго, доставить ему только деньги для покупки товаровъ, въ цѣну которыхъ тогда можно включить и налогъ. Иначе говоря, чтобы вытянуть изъ мужика благороднымъ манеромъ больше денегъ, слѣдуетъ устроить такую механику, которая заставляла бы его, вмѣсто потребленія продуктовъ собственнаго производства, отчуждать ихъ на сторону, а потомъ покупать обратно ихъ самихъ или ихъ суррогаты. Впродолженіе этого процесса обращенія товаровъ произойдетъ уже само собой безъ вѣдома мужика отдѣленіе части стоимости для нуждъ государственной казны. Безъ подобнаго пріема, повторяемъ, мы не видимъ возможности правительству получать такъ много денегъ съ населенія, производительность труда котораго остается неизмѣнной. Эти соображенія помогутъ намъ объяснить многія явленія современной дѣйствительности

Мы знаемъ, напримѣръ, что правящіе классы задались цѣлью привить къ Россіи капитализмъ; они поощряли для этого какъ крупное производство, такъ еще можетъ быть въ большой мѣрѣ и капиталистическое обращеніе. Ихъ усилія, однако, не оправдались результатами, хотя внѣшняя сторона дѣла долго морочила нашихъ цивилизаторовъ и можетъ быть продолжаетъ обольщать кое-кого изъ нихъ и по настоящее время. Именно, хотя крупное производство у насъ не развивалось, а мелкое разрушалось, но успѣхи, сдѣланные капиталистическимъ обращеніемъ, привели къ такому быстрому опорожненію народныхъ амбаровъ, чулановъ и т. п., что казнѣ оставалось только радоваться за себя и народъ, восхищаться быстрымъ ростомъ успѣшности труда (вѣдь не отъ недостатка же, предполагалось, народъ несетъ деньги въ казну), приписывать его своимъ мѣропріятіямъ капиталистическаго пошиба. Мы понимаемъ теперь, въ чемъ тутъ суть, но вначалѣ очень легко было ошибиться и зарваться. Какъ бы, однако, ни было, но капитализмъ въ Россіи выразился почти исключительно развитіемъ обращенія, а не производства товаровъ [1]. Общественный его смыслъ заключается въ той роли, какую оно играло въ дѣлѣ пополненія государственной казны, и въ его вліяніи на народное благосостояніе. Относительно послѣдняго мы скажемъ, что съ тѣхъ поръ на плечи народа легла еще новая тягость, это — поддержаніе машины, превращающей продукты народнаго труда въ деньги для пополненія государственной казны. Машина оказалась очень дорогой, содержаніе

[1] Для ознакомленія съ этой стороной дѣла, мы отсылаемъ читателя къ труду г. Николая—она въ «Словѣ» 1880, 10.

ея стоитъ гораздо больше, чѣмъ доходъ ею приносимый, и если, несмотря на все, она преблагополучно существуетъ, то это лишь потому, что выгоды она приноситъ одной сторонѣ, ей покровительствующей, а убытки возлагаются на другую, готовую переносить все, что отъ нея потребуютъ.

Какимъ образомъ, обѣднѣніе народа должно было отразиться на общинѣ?

Община не могла бороться съ развивающимся раззореніемъ, такъ какъ причины его были абсолютно внѣ ея власти: что̀ она, напримѣръ, могла предпринять противъ уменьшенія надѣловъ, увеличенія платежей, развитія желѣзныхъ дорогъ и другихъ орудій капиталистическаго обращенія? Они были результатомъ неестественнаго экономическаго развитія страны, въ которомъ имѣла бы свою долю участія и община, какъ форма экономической жизни народа, и явились искуственно, путемъ предписаній и распоряженій правительства; они выросли не изъ предшествующаго экономическаго положенія, а водворены были у насъ мѣрами, такъ сказать, политическими. Поэтому, и бороться съ ними успѣшно можно было лишь тѣмъ же оружіемъ, а община не была политическимъ союзомъ; кромѣ того, для возможности борьбы нужна была широкая политическая организація, основаніе которой тоже не можетъ лежать всецѣло на общинѣ. Такъ что послѣдняя весьма естественно оказалась безсильной бороться съ экономическими затрудненіями новѣйшаго времени, что, однако, ни мало не говоритъ противъ современности этой бытовой формы. Нельзя обвинять общину и за то, что̀ она способствовала обѣднѣнію зажиточной части крестьянъ, разлагая на нихъ тягость, нести которую оказались не въ силахъ наиболѣе слабые ея члены. Это есть частью естественное послѣдствіе солидарности, лежащей въ основѣ союза; но раззоряющемуся такимъ путемъ крестьянину отъ этого не легче, а потому описываемый ходъ дѣла, въ основѣ котораго лежалъ рядъ правительственныхъ мѣропріятій, способенъ былъ привести часть населенія къ недовольству общиннымъ землевладѣніемъ. Разсуждающій крестьянинъ началъ понимать, что община безсильна поддержать его сколько-нибудь солидно, что она изъ союза для взаимопомощи превращается въ орудіе для исправнаго взиманія казенныхъ платежей, каковое можетъ быть достигнуто лишь постепеннымъ пониженіемъ общаго благосостоянія. Принадлежать къ общинѣ теперь уже не представляетъ экономической гарантіи; напротивъ, чтобы поправиться или предупредить дальнѣйшее свое раззореніе, нужно разорвать съ нею, уйти изъ подъ ея опеки. Тотъ же кре-

стьянинъ видитъ, что основой благосостоянія вообще перестало быть то, на чемъ оно покоилось прежде: трудъ, производство. Мелкое хозяйство такъ стѣснено, что это-то и привело къ обѣднѣнію производителей. Посему, всѣ заботы понимающаго положеніе дѣлъ общинника должны были направляться на устраненіе себя отъ вліянія этого союза и на пріобрѣтеніе средствъ къ существованію помимо производства, какъ необезпеченнаго въ основномъ своемъ элементѣ: непрерывномъ владѣніи средствами производства, которыя могутъ быть проданы за недоимку, быть затрачены на поднятіе пустыря, запущеннаго сообщинникомъ и т. п.

Итакъ, обѣднѣніе народа вызываетъ развитіе въ немъ индивидуализа и стремленіе къ легкой наживѣ. Это служитъ канвой, по которой капиталистическое обращеніе вышиваетъ свои узоры, столь противуположные рисунку общины, и долженствующіе привлечь къ себѣ сердца народной массы.

Капиталистическое обращеніе съ естественными своими послѣдствіями—усиленіемъ обмѣна и развитіемъ денежнаго хозяйства, потребовало массу агентовъ, которые прежде были едва извѣстны большей половинѣ Россіи; это — скупщики, перекупщики, сельскіе лавочники и трактирщики, кабатчики, ростовщики и т. д. Такимъ образомъ, всякій членъ общины, почувствовавшій раньше другихъ необходимость «новой жизни» и обладающій извѣстными умственными и нравственными свойствами, получилъ возможность осуществить свои, пока еще инстинктивныя стремленія къ полной независимости, легкому труду и такой же наживѣ. Разорвавъ съ общиной принципіально, этотъ піонеръ индивидуализма связанъ съ ней, однако, юридически и потому не избавленъ отъ опасности поплатиться своимъ карманомъ за ненавистнаго ему полураззорившагося сосѣда. Съ другой стороны, здѣсь у него есть семья, родственники, къ судьбѣ которыхъ онъ не можетъ оставаться безучастнымъ и которыхъ также нужно вырвать изъ пасти общиннаго союза, стремящейся ихъ поглотить. Наконецъ, почему бы и помимо всего этого не усилить общее замѣшательство, если въ свалкѣ, которая затѣмъ послѣдуетъ, ловкій боецъ можетъ добыть много побѣдныхъ трофеевъ. Все это служитъ причиной того, что агентъ капиталистическаго обращенія не довольствуется узкимъ пониманіемъ своихъ обязанностей; онъ не остается празднымъ зрителемъ народнаго замѣшательства и попытокъ общины приноровиться къ новымъ условіямъ, провести идею солидарности болѣе или менѣе невредимо сквозь строй множества затрудненій, со-

зданныхъ капиталистическими вожделѣніями общества; онъ активно участвуетъ въ борьбѣ, бьетъ общину съ ея солидарностью и грудью отстаиваетъ индивидуализмъ и узкое своекорыстіе.

Новѣйшая исторія дала «въ фельдфебели» русскому народу нетолько кулака-торгаша и ростовщика, она воспитала среди его еще міроѣда, каштана. Это—не кулакъ, хотя и стремится превратиться въ послѣдняго, а пока дѣйствуетъ съ нимъ въ союзѣ. Онъ не имѣетъ экономической власти надъ однообщественниками, а ѣстъ міръ своимъ нравственнымъ (?) вліяніемъ или, вѣрнѣе, своимъ юридическимъ значеніемъ. Онъ другъ съ властями и кулаками, умѣетъ постоять на сходѣ за поруганную нравственность и общинную солидарность, если она сулитъ впереди вышивку; устраиваетъ разнообразныя мірскія дѣла, которыя оказываются выгодными больше всего ему самому; знаетъ (?) законъ или умѣетъ пользоваться его страшнымъ именемъ. Это послѣднее обстоятельство—страхъ передъ закономъ—есть еще одинъ изъ даровъ вліятельной интеллигенціи народу, даръ, давшій пышные всходы въ образѣ міроѣдовъ.

Новѣйшая исторія открыла русскому народу цѣлый рядъ новыхъ явленій, которыя должны были такъ или иначе отразиться на его міросозерцаніи; и нужно сказать, что это отраженіе вышло крайне уродливымъ, привело къ полному смѣшенію понятій. Народъ никакъ не догадается, что̀ такое творится вокругъ него, онъ не можетъ уловить смысла всѣхъ мѣропріятій, валящихся, точно съ неба, одно за другимъ. Возьмите рядъ проявленій административно-законодательной дѣятельности, сдѣлавшихся извѣстными народу, отъ разнообразныхъ толкованій закона волостными писарями въ случаяхъ, имѣющихъ отношеніе къ крестьянской жизни, до распоряженія начальства обсаживать улицы березками и запрещенія украшать ими зданія и вплоть до появленія новаго представителя закона въ деревнѣ — урядника, и вы увидите, что пониманіе народомъ послѣднихъ реформъ нисколько не разъяснилось; что мысль его въ этомъ отношеніи запутывается все больше и больше; что онъ, наконецъ, отказывается даже когда-либо уловить нить во всей этой путаницѣ и рѣшаетъ, что все дѣлается для какой-то «строгости», для какого-то «порядка». Относись всѣ эти мѣропріятія къ внѣшней сторонѣ крестьянской жизни, народъ только бы покачивалъ головой, продолжая внутри жить по своему; но дѣло въ томъ, что всѣ «строгости», «порядки» и разныя другія нелѣпости постоянно задѣваютъ самыя важныя стороны народнаго быта: сталкивается ли община съ сосѣднимъ помѣщикомъ изъ-

за земли, со становымъ изъ-за податей, съ волостнымъ писаремъ изъ-за какого-нибудь судебнаго дѣла, съ начальствомъ вообще изъ-за мірского постановленія, нарушающаго привилегіи вліятельнаго кулака — вездѣ вопросъ разрѣшается противъ общины и обычнаго права, противъ того, что̀ народомъ считается справедливостью, правдой, и рѣшеніе это санкціонируется указаніемъ на «законъ». Послѣдній, наконецъ, теряетъ въ глазахъ народа всякій опредѣленный, реальный смыслъ; онъ превращается въ нѣчто непонятное, миѳическое, опредѣляемое лишь тѣмъ, что это не старое, а новое, не «правда», а нѣчто другое, гораздо болѣе сильное, стремящееся резюмировать всѣ проявленія народной жизни. Кто знаетъ этотъ «законъ», кто умѣетъ на него опереться, тотъ выиграетъ на жизненномъ пиру, съ тѣмъ бороться невозможно; и обратно, желающій завоевать себѣ на этомъ пиру лакомый кусочекъ, получить въ глазахъ народа извѣстнаго рода авторитетъ, долженъ ссылаться на «законъ», прикрывать свои дѣйствія его именемъ.

На этой вѣрѣ въ близкое господство чего-то непонятнаго, страннаго и въ тоже время страшнаго — «закона» — основана власть міроѣдовъ, ихъ авторитетъ на сходахъ, ихъ разрушающее вліяніе на общину. Понятное дѣло, что такое настроеніе народныхъ массъ какъ нельзя болѣе на руку и ближайшему союзнику міроѣда—кулаку.

Такимъ образомъ, игнорированіе закономъ и его представителями народной жизни, стремленіе урегулировать ее началами, намъ чуждыми, создало атмосферу, благопріятствующую индивидуализму въ его борьбѣ съ общиннымъ бытомъ, и въ которой, напротивъ того, задыхается община. Но законъ сослужилъ и другую службу индивидуализму: кромѣ благопріятной среды, онъ ему далъ и оружіе, которымъ тотъ сильнѣе можетъ наносить удары своему противнику. Оружіе это заключается въ статьяхъ «Положенія» 19-го февраля, относящихся къ формѣ крестьянскаго землевладѣнія.

Объ этомъ у насъ обыкновенно говорится, что законодатель показалъ себя вполнѣ безпристрастнымъ, не рѣшивъ самъ вопроса объ общинномъ и личномъ владѣніи землей, а предоставивъ возможность избирать то или иное народу. Такая возможность дана двумя параграфами закона: одинъ позволяетъ любому члену общины внести сразу выкупъ за свой надѣлъ и тогда требовать выдѣла его къ одному мѣсту въ свою личную собственность; другой даетъ право цѣлой общинѣ $^2/_3$ голосовъ перейти къ участковому землевладѣнію. Какой смыслъ въ этихъ

постановленіяхъ закона и по какимъ причинамъ правительство нашло нужнымъ ограничить размѣры древней общины? Обыкновенно законъ слѣдуетъ позади жизни: онъ является для урегулированія новой потребности, съ достаточной ясностью заявившей свое существованіе. Но въ разсматриваемомъ случаѣ дѣло было иначе: мы не знаемъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о зарожденіи въ дореформенной общинѣ стремленія къ участковому землевладѣнію, которое бы, прибавимъ, вызвалось хозяйственными неудобствами общины, а не кулаческими поползновеніями отдѣльныхъ ея членовъ. Зато намъ извѣстно, что высшіе классы Россіи давно уже косились на эту форму быта, якобы задерживающую агрономическій прогрессъ, и это предубѣжденіе отразилось на законодательствѣ, когда оно попыталось ограничить сферу вліянія крѣпостного права указомъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Эти освободившіеся отъ помѣщичьей власти крестьяне надѣлялись землей, какъ извѣстно, въ частное владѣніе, и здѣсь-то проявились какъ привязанность народа къ общинѣ, такъ и теоретичность соображеній, заставлявшихъ правительство покровительствовать участковому землевладѣнію. Очень многіе вольные хлѣбопашцы, числясь частными собственниками, продолжали на дѣлѣ владѣть землею на общинномъ правѣ; другіе, хотя и не «равняли» землю по количеству, но оставляли свои поля черезполосно, имѣли общій выгонъ и проч., иногда даже передѣляли пашню для качественнаго ея уравненія. Словомъ, крестьяне не воспользовались возможностью уничтоженія обязательнаго сѣвооборота и другихъ неудобствъ общиннаго землевладѣнія и продолжали хозяйничать такъ же, какъ хозяйничали прежде. Этотъ опытъ не могъ утвердить правительство въ мысли, что настала пора подать руку помощи частному землевладѣнію, стремящемуся выдѣлиться изъ общиннаго, и мы не можемъ признать, что въ послѣдующемъ покровительствѣ ему правительство руководствовалось потребностью, народившеюся въ народной жизни и ясно имъ сознанною. Съ другой стороны, намъ извѣстно, что во время составленія крестьянскаго положенія образовалась цѣлая партія поклонниковъ западно-европейскихъ буржуазныхъ порядковъ, которая сильно агитировала, между прочимъ, и противъ общины. Этой партіи мы и должны приписать то обстоятельство, что въ уложеніе о крестьянахъ попали статьи, не вызываемыя требованіями жизни и не оправдываемыя ею.

Такимъ образомъ, мы объясняемъ появленіе указанныхъ статей въ законѣ вовсе не безпристрастіемъ его составителей; напротивъ, подобное забѣганіе впередъ жизни обличаетъ желаніе

видѣть ее измѣнившеюся именно въ извѣстномъ направленіи, и хотя такое желаніе было по всей вѣроятности совершенно благонамѣренно, хотя оно исходило не изъ стремленія къ обезземеленію народа, а мотивировалось интересами сельскаго хозяйства, тѣмъ не менѣе на практикѣ оно привело лишь къ созданію орудія, помощью котораго кулаки и міроѣды напали на общаго своего врага-общину и поддержали обезземеленіе народа, начатое иными вліяніями. Такъ, напримѣръ, благодаря указанной нами выше спутанности понятій народа о своихъ правахъ, произведенной законодательно-административными вліяніями, а также быть можетъ и тому обстоятельству, что въ прежнее время вновь народившіеся государственные крестьяне надѣлялись землей при ближайшей ревизіи, среди симбирскаго населенія появилось мнѣніе, что община не можетъ передѣлять землю до ревизіи. Такое заблужденіе усердно поддерживалось кулаками, скупавшими участки вымершихъ душъ, давая ихъ владѣльцамъ деньги для взноса въ казначейство выкупной ссуды; дѣлали они это, разумѣется, не ради интересовъ сельскаго хозяйства, а для того, чтобы имѣть право жить и дѣйствовать въ общинѣ, не стѣсняясь ея постановленіями, напримѣръ, открыть кабакъ на своемъ участкѣ въ такомъ селѣ, гдѣ міръ до тѣхъ поръ не допускалъ его водворенія. Нѣкоторыя общины, однако, пытались постановлять приговоры о передѣлахъ, но исполненіе ихъ замедлялось на 2—3 года вслѣдствіе частныхъ жалобъ, переходившихъ изъ одного присутственнаго мѣста въ другое и нерѣдко доходившихъ до сената. Интересно, что нетолько невѣжественная масса крестьянъ и кучка своекорыстныхъ кулаковъ считали общину, не имѣющею права переверстывать землю до ревизіи, но и присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, спеціально вѣдающія случаи этого рода, иногда поддерживали вышеупомянутое толкованіе закона; такъ поступало напримѣръ ардатовское присутствіе Симбирской губерніи. (Это непониманіе правительственными лицами закона и происходящее отъ того неправильное вмѣшательство въ дѣла общины имѣетъ мѣсто не въ одной только Симбирской губерніи; съ фактами этого рода знакомитъ насъ и изслѣдованіе Рязанской губерніи. Такъ, мировой посредникъ Рязанскаго уѣзда запретилъ двумъ общинамъ передѣлить землю, отмѣнилъ приговоръ о передачѣ надѣла съ умершихъ народившимся; подобный подвигъ относительно другой общины совершилъ исправникъ; старшины сплошь и рядомъ отмѣняютъ рѣшенія сходовъ въ этомъ смыслѣ и пр. «Сб.» ст. свѣд. по Рязанской губер.») Наконецъ, благодаря ли невозможности дальше существовать

подъ гнетомъ неравномѣрнаго распредѣленія земли, происшедшаго отъ долгаго отсутствія передѣловъ, или вслѣдствіе того, что нѣсколько дѣлъ о передѣлахъ разрѣшены были сенатомъ въ пользу общинной автономіи, но стремленіе передѣлить землю по наличнымъ (вмѣсто ревизскихъ) душъ охватило въ послѣднее время почти все населеніе губерніи. Такъ, г. Х. разсказываетъ, что, проѣзжая въ прошломъ году въ будень черезъ большое село Ташлу Симбирскаго уѣзда и заставъ населеніе въ праздничномъ настроеніи, онъ спросилъ, чему они радуются. Старикъ ему отвѣчалъ: «сегодня у насъ большой праздникъ. Съ самого освобожденія земля у насъ была спервоначалу роздана по душамъ, такъ съ тѣхъ поръ за этими душами только и оставалась, а тѣмъ временемъ народу народилось. Долго держался у насъ этотъ порядокъ, но вотъ вчера, благослови Боже, правда осилила. На міру рѣшили всю землю подѣлить по живымъ душамъ, а сегодня это и произвели въ дѣло. Вотъ мы и празднуемъ» [1]. Эти еще могутъ радоваться, потому что имъ удалось до поры до времени предупредить расхищеніе общинной земли кулаками; а каково положеніе другихъ общинъ, гдѣ кулаки успѣли скупить до 200 — 300 десятинъ въ однѣ руки или гдѣ они, какъ въ г. Алатырѣ, добились и совершеннаго уничтоженія этой формы землевладѣнія [2].

На основаніи предыдущаго, мы можемъ слѣдующимъ образомъ охарактеризовать соціальную атмосферу, окружающую общину въ послѣднее двадцатилѣтіе.

Выдающеюся чертою этого времени было стремленіе правящихъ классовъ насадить въ Россіи капитализмъ и регламентировать жизнь народа, покоющуюся на обычномъ правѣ, писаннымъ закономъ, созданнымъ людьми, чуждыми народу. Результатомъ усилій этого рода было обѣднѣніе населенія и развитіе торговли. Оба явленія пробудили въ народѣ индивидуалистическія поползновенія, причемъ первое расположило отдѣльныхъ лицъ къ разрыву съ общиной и возбудило въ нихъ желаніе основать свое благосостояніе не на производствѣ (мелкомъ и потому угнетаемомъ), а на различныхъ гешефтахъ и оборотахъ, а второе дало имъ возможность осуществить это желаніе, причемъ имъ предстояла высокая задача положить основаніе нашему третьему сословію. Въ томъ же направленіи дѣйствовали и нѣкоторыя судебно-административныя преобразованія, совер-

[1] Симбирская Земледѣльческая Газета» 1881, 227.
[2] Id. № 231, 247.

шенно спутавшія юридическія воззрѣнія народа, заставившія его постоянно опасаться непонятнаго для него закона, возмутившія воду, въ которой кулаки и міроѣды принялись усердно ловить для себя рыбу. Все это еще усилило обѣднѣніе народа и ослабило общину въ ея борьбѣ съ разрушительными вліяніями, которыя заключаются въ стремленіи отдѣльныхъ ея членовъ на развалинахъ этого союза основать прочную систему эксплуатаціи народа. Такимъ образомъ, замѣчаемое нынѣ броженіе въ общинѣ вытекаетъ не изъ стремленія прогрессирующаго производства разорвать путы, наложенныя на него патріархальной формой быта; оно исходитъ не отъ представителей производства и естественнымъ своимъ результатомъ будетъ имѣть не процвѣтаніе послѣдняго, а эксплуатацію мелкаго производителя и потому упадокъ его промысла. Это объясняетъ намъ, почему масса народа противъ разрушенія общины, затѣяннаго кулаками и міроѣдами, и мы представимъ читателю нѣсколько картинокъ борьбы, происходящей теперь повсюду въ общинѣ.

IV.

Индивидуалистическія стремленія зародились не въ центрѣ только Россіи, находящемся, повидимому, подъ наиболѣе сильнымъ вліяніемъ капитализма, но и въ глухихъ дебряхъ сѣвера; здѣсь они нашли удобную для себя почву въ томъ, такъ сказать, естественномъ индивидуализмѣ, который свойственъ первобытнымъ формамъ общины и въ борьбѣ съ проявленіями котораго состоитъ прогрессъ этой формы землевладѣнія. Въ настоящее время, подъ вліяніямъ условій, благопріятствующихъ кулачеству и міроѣдству, индивидуализмъ этого рода поднялъ голову, которую еще недавно онъ было склонилъ, побуждаемый развитіемъ общинныхъ инстинктовъ народа, находившихъ себѣ поддержку и въ правительствѣ. Теперь онъ пріободрился и дѣлаетъ попытки вернуть утраченныя привилегіи. «При предъявленіи крестьянамъ новаго надѣла, пишетъ г. Лалошъ, вводившій владѣнныя записи въ Олонецкой губерніи, постоянно ставится богачами вопросъ о томъ, скоро ли можно будетъ выдѣлиться изъ общины и притомъ выдѣлиться такъ, чтобы всѣ тѣ общинныя земли, которыми они владѣютъ нынѣ, достались имъ въ собственность личную. Тогда на сходѣ подымается цѣлая буря. «Помилуй, братъ, ты позабралъ у насъ лучшія земли, ты кромѣ

того и деньги имѣешь! Что же это, кричатъ крестьяне на сходѣ, ты значитъ совсѣмъ хочешь ужь записать насъ въ свои батраки. Нѣтъ, братъ, мы этого не желаемъ. Мы не допустимъ! Пусть все будетъ по старому». Буря стихаетъ однако сразу, когда крестьянамъ объявишь, что мѣшаться во внутренніе ихъ распорядки по землѣ по волѣ Царя никому, кромѣ ихъ, не дозволяется и что если такой-то хочетъ выдѣлиться, то по взносѣ имъ денегъ въ казначейство, надѣлъ сдѣлается ему общиною». Но и гарантія закона не всегда дѣйствительна, ибо законъ-то, какъ мы видѣли, и открываетъ двери для свободнаго проникновенія индивидуализма въ сердце общины.

«Весною 1872 года, говоритъ другой наблюдатель сѣверной общины, г. Лонскій:—мнѣ пришлось прожить недѣли двѣ въ одномъ глухомъ селеніи Повѣнецкаго уѣзда. Бывало, какъ ни увидишь на улицѣ трехъ-четырехъ разговаривающихъ между собою крестьянъ, между ними непремѣнно третій рыженькій мужикъ и всякій разъ о чемъ-то горячо толкуетъ. Какъ теперь передъ глазами у меня этотъ рыжій. Небольшого роста, кругленькій, съ порядочнымъ брюшкомъ, онъ щеголевато одѣтъ въ розовую ситцевую рубаху и сверхъ ея въ малиновую рубашку, вязаную изъ шерсти. (Вы читатель, вѣроятно, узнаете этотъ типъ). Золотистые рыжіе волосы завились въ кольца и кудрями повисли надо лбомъ; небольшая красная бородка такъ и искрится на солнцѣ; все лицо горитъ румянцемъ; голубые, такіе добрые, славные глазенки поминутно перебѣгаютъ съ одного предмета на другой. Рыжій то вскинетъ глаза на собесѣдниковъ, то остановитъ ихъ на малюткѣ, сынишкѣ. И когда рыжій взглянетъ на малютку, глаза его заблестятъ такою глубокою любовью, такою безпредѣльною отеческой радостью и нѣжностью, что, мнѣ казалось, онъ ни о чемъ не могъ толковать съ собесѣдниками, какъ объ этомъ дорогомъ сынишкѣ, о своемъ счастьи и довольствѣ. Но, къ моему великому изумленію, оказалось, что рыжій принадлежитъ къ числу недовольныхъ существующимъ порядкомъ, что это—мѣстный богачъ и пропагандистъ «здравыхъ экономическихъ началъ», что съ такою довольною и счастливою улыбкою онъ толкуетъ собесѣдникамъ о необходимости уничтожить общинное владѣніе землей.

— Я свои поля пашу, говорилъ рыжій, и глаза его бѣгали по собесѣдникамъ:—да покойныхъ братьевъ, да племянниковъ поля пашу; во сколько земли у меня—на пять душъ! Земля-то нашимъ потомъ поливана... А придетъ часъ воли Божіей—помру, тогда при ревизіи выдадите сыну земли на одну душу. Такъ

за что же я пòтомъ обливался? Говоря это, рыжій съ любовью глядѣлъ на сынишку и приглаживалъ рукою рыжіе локоны его. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ оказалось, что рыжій, какъ всѣ ораторы, сильно прихвастнулъ, говоря, будто облилъ поля «своимъ» пòтомъ. Въ его поля больше всѣхъ вложилъ поту черномазый, нечесаный, мрачный геркулесъ, который равнодушно стоялъ поодаль отъ кружка собесѣдниковъ. Онъ по бѣдности заложилъ свой земельный участокъ, а самъ нанялся въ работники къ рыжему.—Не успѣли рѣшить этого вопроса, какъ подошелъ къ кружку долговязый мужикъ. Онъ громко сталъ жаловаться, что у него земли всего на 2 души, а семья большая—урожаемъ никакъ не прокормишься; и лишняя рабочая сила есть, да полей нѣтъ, а нѣтъ полей отъ того, что богачи, вродѣ рыжаго, позабрали лишнюю землю. Эти толки о землѣ, споры и перебранки слышатся постоянно, какъ только соберется кучка крестьянъ въ свободное время. Изрядно же подвыпивши, крестьяне любили разсуждать о томъ, что когда подѣлятъ между собою землю, тогда всякому будетъ своя воля, продадутъ они дома и земли, да и уйдутъ въ городъ, торговлю тамъ откроютъ или въ своемъ же селѣ кабакъ заведутъ. Но эти будущіе купцы и кабатчики, протрезвившись, не любили вспоминать о раздѣлѣ, а когда я напоминалъ о ихъ разговорахъ, они коротко и мрачно замѣчали, что тогда «раззоренье будетъ».

Казалось бы, что если масса крестьянъ стоитъ за уравненіе, то нѣтъ ничего легче удовлетворить ея желанію — стоитъ лишь постановитъ приговоръ о передѣлѣ. Но вотъ тутъ-то и является, въ качествѣ поддержки кулаковъ, тотъ туманъ, который образовался въ головахъ крестьянъ, привыкшихъ жить подъ узаконеннымъ и беззаконнымъ произволомъ начальства: крестьяне увѣрены, что по закону они не могутъ дѣлиться раньше ревизіи. А гдѣ населеніе рѣшилось игнорировать этотъ фиктивный законъ, тамъ кулаки и міроѣды вооружаются дѣйствительнымъ параграфамъ закона, дозволяющимъ произвести передѣлъ лишь въ случаѣ, если за него будетъ большинство $^2/_3$ голосовъ. На основаніи этого закона, кулакамъ стоитъ лишь имѣть на своей сторонѣ $^1/_3$ населенія, и усилія передѣльцевъ пропадутъ даромъ. Но «партія бѣдняковъ, требующая передѣла, не падаетъ духомъ отъ неудачъ, не теряетъ вѣру въ возможность добиться передѣла; выждавъ немного времени, она снова поднимаетъ на сходѣ старый вопросъ и, потерпѣвъ новую неудачу, возлагаетъ надежду на будущую ревизію. Теперь у всѣхъ на языкѣ ревизія, всѣ ждутъ ее—иные съ розовыми надеждами, другіе—со страхомъ.

«Виданное ли дѣло, говорятъ крестьяне:—чтобы столько времени ревизіи не бывало. Тяготы-то отъ этого сколько, вѣдь чисто раззореніе пришло!» Новая ревизія есть послѣдній исходъ для легальнаго разрѣшенія аграрнаго вопроса у бывшихъ государственныхъ крестьянъ путемъ общественнаго передѣла. Но что будетъ дальше, если требованіе большинства не получитъ удовлетворенія легальнымъ путемъ при новой ревизіи? Останутся ли малоземельные бѣдняки на почвѣ закона и послѣ того, какъ потеряютъ вѣру въ него? спрашиваетъ г. Лонскій. [1]

Другой примѣръ общественнаго броженія, вызваннаго новѣйшими вліяніями, мы возьмемъ изъ жизни московскихъ общинъ.

Въ Можайскомъ уѣздѣ есть Кріушинская община, состоящая изъ 5 деревень вольныхъ хлѣбопашцевъ. Въ этомъ званіи крестьяне находятся съ 1847 года, съ каковаго же времени они начали выкупать и свою землю (заложенную ихъ прежнимъ владѣльцомъ въ опекунскомъ совѣтѣ). Выкупъ оконченъ былъ въ 1874 году, и крестьяне, какъ полные собственники, отличались всѣми качествами, свойственными послѣднимъ: зажиточностью, равномѣрностью благосостоянія, трезвостью: «ни въ одномъ изъ пяти селеній нѣтъ ни трактировъ, ни кабаковъ; хотя отъ разныхъ предпринимателей по питейной части дѣлаются имъ предложенія завести означенныя увеселительныя заведенія, за что предлагаются значительныя денежныя суммы, тѣмъ не менѣе, крестьяне твердо держатся своего рѣшенія—не допускать существованія въ своихъ деревняхъ трактировъ и кабаковъ». По окончаніи выкупа, поднятъ былъ вопросъ о разложеніи одной сложной общины на пять простыхъ, что было необходимо въ хозяйственныхъ интересахъ нѣкоторыхъ деревень. Вопросъ былъ рѣшенъ удовлетворительно: землю должны были разверстать между деревнями по числу наличныхъ душъ, и она должна была оставаться въ общинномъ владѣніи членовъ каждаго села; опредѣлены были нѣкоторыя частности этой формы землевладѣнія, какъ-то: обезпеченіе надѣломъ семействъ лицъ, уходящихъ въ солдаты, и проч. Словомъ, исконная форма землевладѣнія не подвергалась никакому сомнѣнію, никто не выражалъ мысли о возможности замѣны ея другою, вопросъ приходилъ къ совершенному окончанію, оставалось только придать рѣшенію законную форму и привести его въ исполненіе, какъ вдругъ царствовавшее единеніе и всеобщее согласіе было грубо нарушено про-

[1] «Рус. Вѣд.» 1880, 62 «Съ сѣвера Россіи».

снувшимися индивидуалистическими стремленіями. Представителями послѣднихъ явился, какъ это и естественно было ожидать отъ піонера, принужденнаго бороться съ большими препятствіями и потому мало склоннаго стѣсняться въ выборѣ средствъ—членъ общины, сидѣвшій въ острогѣ за растрату общественныхъ суммъ въ бытность свою старшиной, а потомъ служившій прикащикомъ у разныхъ купцовъ. Словомъ, это былъ человѣкъ, «не имѣющій почти ничего общаго съ обыкновенными крестьянами-хлѣбопашцами», испытавшій прелести легкой наживы и «счастья» и, получивъ въ настоящее время надѣлъ на 12 душъ, пожелалъ закрѣпить его за собою на вѣчныя времена, для чего онъ сталъ подбивать другихъ такихъ же многодушниковъ требовать замѣны мірского землевладѣнія участковымъ. Усилія его не пропадали даромъ, по крайней мѣрѣ, онѣ вызвали въ общинѣ большую смуту. Приверженцы новаго порядка, какъ водится, ссылаются на законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ (утверждающій участковое землевладѣніе и потерявшій послѣ реформы всякое значеніе), противники ихъ указываютъ на окружающіе примѣры; справлялись и у «знающихъ» людей въ Москвѣ, которые оказались, разумѣется, на сторонѣ піонеровъ. Словомъ, смута произошла достаточная; о нравственномъ состояніи общественниковъ можно судить по слѣдующей жалобѣ одного изъ нихъ: «Отъ ѣды, отъ сна совсѣмъ отбило, и спать-то ляжешь—все думаешь. Вишь ты, подбиваютъ раздѣлиться нѣкоторые мужики изъ своей выгоды, что они платили съ четырехъ душъ, а теперь у нихъ по шести и болѣе; а того не хотятъ знать, что отъ этого всѣмъ будетъ раззоренье, что у кого еще народятся души, то посадить ихъ не на что будетъ. Что они станутъ безъ земли-то дѣлать?»

Въ 1877 году, когда земствомъ собирались статистическія свѣдѣнія, вопросъ находился въ такомъ положеніи. Въ двухъ деревняхъ большинство склоняется къ подворному землевладѣнію; въ одной нѣкоторые многодушные колеблятся, большинство же стоитъ за старину, въ остальныхъ двухъ всѣ поголовно противятся новизнѣ: «они тамъ, какъ хотятъ, пусть промежъ себя дѣлятъ, а намъ только отдѣли землю, что на нашу деревню приходится, и мы промежь себя будемъ владѣть по старому, чтобы земля въ міру была, а раззоряться не желаемъ», говорятъ они. Дѣло еще не было окончено даже въ 1879 г. и г. Орловъ полагаетъ, что индивидуализмъ въ концѣ-концовъ понесетъ пораженіе. Очень жаль, что никто изъ мѣстныхъ дѣя-

телей не догадается ознакомить публику съ положеніемъ вопроса въ настоящее время [1].

Разрушеніе общинной связи въ народѣ не всегда выражается описаннымъ способомъ, именно нарожденіемъ вопроса о самомъ существованіи этой формы землевладѣнія; въ другихъ случаяхъ, новѣйшія вліянія ведутъ къ пониженію общественной нравственности: міряне перестаютъ заботиться объ осуществленіи въ жизни принципа справедливости; кулакъ и міроѣдъ, вооруженные полуштофомъ, а не равенство и добросовѣстность становятся руководителями мірской совѣсти. Интересный примѣръ такой общины описанъ въ «Трудахъ Вольно экон. общ.» за 1879 годъ. Здѣсь мы можемъ наблюдать, какъ обѣднѣніе народа создаетъ почву, благопріятную для анти-соціальныхъ броженій, а міроѣды и кулаки являются ферментомъ, возбуждающимъ и поддерживающимъ послѣднія. Въ Воронежскомъ уѣздѣ есть село Лопатки, владѣющее сообща съ нѣсколькими помѣщиками лугомъ въ 200 десятинъ. Крестьяне достаточно испытали на себѣ всѣ прелести новѣйшихъ экономическихъ порядковъ, а потому пришли теперь въ такое положеніе, что для уплаты податей многіе продаютъ другимъ тѣ доли луга, которыя придется имъ получать при ежегодномъ его передѣлѣ. Такимъ образомъ, большинство общественниковъ, получивъ заранѣе доходъ съ своей части, какъ водится, сокращенный на добрую половину, вовсе не заинтересовано въ правильности дѣлежа луга; а, принимая во вниманіе ихъ бѣдность и происходящую отюда слабость къ рѣдко пробуемому вину, легко догадаться, что міряне не устоятъ на почвѣ общинной законности и готовы будутъ покривить душой ради возможности на минуту оторваться отъ невзрачной дѣйствительности, улетѣть въ область фантазіи, возбужденной этимъ нектаромъ бѣдныхъ. Ихъ прямой разсчетъ пропить бо́льшую часть луга, тѣмъ болѣе, что онъ нетолько «нашъ», а и помѣщичій, которые въ выпивкѣ не участвуютъ. Такимъ положеніемъ дѣлъ пользуются міроѣды (отчасти они его сами и создали), эти предводители бѣднѣющаго населенія и разрушающихся общинъ; они спаиваютъ народъ и на этомъ пьянствѣ основываютъ свое благосостояніе. Въ данномъ случаѣ задача міроѣдовъ состоитъ въ томъ, чтобы въ передѣлъ пустить возможно меньшую часть луга, а другую отрѣзать подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, вообще же какъ негодную или затрудняющую актъ

[1] Орловъ. Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Московской губ., стр. 284—288.

раздѣла. Такіе отрѣзки сдаются частнымъ лицамъ, а при этой передачѣ и набивается карманъ міроѣдовъ. Вотъ пріемы, помощью которыхъ добиваются они своего.

За нѣсколько дней до дѣлежа, довѣренныя лица общины—старики и староста, отправляются приготовить для этого акта лугъ; ихъ сопровождаютъ и лица, всего болѣе заинтересованныя въ томъ или иномъ исходѣ дѣла, т. е. міроѣды. Съ этого момента начинается пьянство, которое идетъ crescendo до начала сѣнокоса. Постыдная и печальная комедія на тэму изъ общинной жизни начинается опредѣленіемъ участка луга, потравленнаго скотомъ. Участокъ этотъ оказывается довольно значительныхъ размѣровъ, потому, во-первыхъ, что его величиной опредѣлится та выпивка, которая за симъ послѣдуетъ насчетъ пастуха (міроѣды еще раньше получили съ него взятку, обѣщая избавить его отъ штрафа за потраву и ограничиться однимъ угощеніемъ стариковъ), а во-вторыхъ, гарантируется и достаточное продолженіе выпивки въ ознаменованіе благополучной сдачи потравленнаго участка въ аренду желающему, за небольшую плату, но за огромный магарычъ, идущій тутъ же въ утробы стариковъ, трудящихся на пользу общественную. Тѣми же соображеніями руководствуются старики и при послѣдующихъ отрѣзкахъ отъ луга угловъ и выдающихся частей. Всѣ они также сдаются въ аренду, причемъ посредниками между міромъ и съемщиками являются тѣже міроѣды; впрочемъ лучшіе куски достаются имъ самимъ: «лишь только отрѣжутъ старики со старостой какой-нибудь клинъ, міроѣдъ уже тутъ стоитъ съ водочкой, проситъ сдать ему лужокъ» и вспрыснуть сдѣлку; а затѣмъ снятый участокъ тутъ же передается, небезкорыстно, конечно, другому. «Крестьяне къ началу сѣнокоса распиваются ужасно» (не забудьте, что большая половина общественниковъ только и заинтересована дѣлежомъ, какъ случаемъ для выпивки), а почти всегда трезвые міроѣды имѣютъ полную возможность обдѣлывать свои грязныя дѣла на глазахъ у всѣхъ. Они подбиваютъ полупьяныхъ крестьянъ сдавать свои участки другимъ, берутъ взятки съ арендаторовъ, чтобы при отмежеваніи «округлить» ихъ участки или дозволить имъ сдѣлать закосъ въ общественную часть. Они до того увѣрены въ успѣхѣ всего ими задуманнаго, что еще зимой сдаютъ отъ себя тотъ или другой участокъ луга, какъ свою собственность, а профанація общинныхъ порядковъ и традицій оскотинившимися отъ вина мірянами проводится послѣдовательно до такихъ мелочей, что при окончательномъ актѣ раздѣла мѣрщики стараются всѣми способами (не натягивая веревку,

смачивая ее водой, чтобы укоротилась) оставить излишекъ луга, дабы еще разъ напиться. Корреспондентъ надѣется, что послѣ отдѣленія помѣщичьей части луга отъ мірской, происшедшемъ въ 1878 году, описанныя безобразія прекратятся; но читатель, согласный со всѣмъ тѣмъ, что мы говорили раньше, врядъ ли раздѣлитъ такую надежду [1].

Укажемъ еще на одно обстоятельство, подрывающее крѣпость общиннаго союза на выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ. Семья, имѣющая большой надѣлъ и владѣющая имъ болѣе или менѣе продолжительное время, знаетъ, что между прочими платежами она вносила и выкупные, и потому претендуетъ на постоянное владѣніе своимъ участкомъ и противится совершенію передѣловъ, требуемыхъ бѣдными членами общины. Это дало поводъ нѣкоторымъ писателямъ заключить о близкой кончинѣ общины, если только выкупъ не будетъ прерванъ вмѣшательствомъ государства.

Прежде, чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ указаннаго явленія, мы замѣтимъ, что враждебное отношеніе къ общинѣ замѣчается далеко не во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля окупаетъ лежащіе на ней платежи (при этомъ условіи главнымъ образомъ наблюдается фактъ, такъ смутившій приверженцевъ общины); такъ, мы выше говорили о всеобщемъ стремленіи къ передѣламъ, охватившемъ общины Симбирской губерніи; г. Трироговъ, знакомившій насъ съ общинами Саратовской губерніи, также не налегаетъ на эту ихъ сторону, а приводимыя имъ цифровыя данныя о частотѣ передѣловъ позволяютъ заключить, что выкупъ оказалъ весьма незначительное вліяніе на отношеніе крестьянъ къ своей исконной формѣ землевладѣнія; именно изъ 278 общинъ губерніи передѣляютъ землю: ежегодно 128 общинъ

черезъ 2 — 6 лѣтъ	76	»
» 8—10 »	13	»
во время ревизіи	38	»

не передѣляли съ 1860 г.—23, изъ которыхъ лишь 4 думаютъ вовсе не допускать передѣловъ [2].

Но разсматриваемое нами мнѣніе о непоправимомъ вредѣ, наносимомъ общинѣ выкупомъ, не имѣетъ за себя и раціональныхъ теоретическихъ основаній; ибо почему именно выкупъ долженъ повлечь за собой описанное явленіе? Говорятъ, что этого требуетъ справедливость, что семья, впродолженіи долгаго времени

[1] Тр. В. Э О, 1879, 9.
[2] «Вѣстникъ Европы», 1878, 11

платившая выкупную сумму за владѣемый ею участокъ, естественно имѣетъ на него больше правъ, чѣмъ ея сосѣдъ, все время участвовавшій лишь слабо въ выкупѣ общинныхъ земель; что право это будетъ признано міромъ, ибо онъ не можетъ поступать противно чувству справедливости. Противъ такого разсужденія мы выставимъ слѣдующія соображенія. Выкупной платежъ представляетъ изъ себя тяжесть сравнительно съ арендной платой за землю въ нечерноземной Россіи; тамъ семья, долгое время платившая выкупъ за нѣсколько надѣловъ, дѣйствительно несла на себѣ извѣстное бремя, которое и можетъ быть признано оправданіемъ ея стремленію сохранить за собой надѣлъ на вѣчныя времена. Но тамъ-то именно вопроса объ этомъ и не возбуждается, ибо тяжесть платежей служитъ причиной постоянныхъ перемѣнъ въ количествѣ земли, находящейся въ пользованіи отдѣльныхъ лицъ. Вопросъ о вѣчности владѣнія подымается въ мѣстностяхъ, гдѣ арендная плата возвысилась такъ сильно, что превзошла выкупной платежъ; здѣсь крестьянинъ, имѣющій нѣсколько надѣловъ и избавленный отъ необходимости нанимать землю на сторонѣ, находится въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ его сосѣдъ, владѣющій всего однимъ надѣломъ, и принужденный недостающее количество земли дополнять арендой частно-владѣльческой. Первый платитъ меньше второго, и хотя его платежъ называется выкупнымъ—это не дѣлаетъ его тяжелѣе сравнительно съ высокой арендной платой второго. Если кто всего больше воспользовался выгодами общиннаго владѣнія, такъ это именно первый крестьянинъ; если ужъ нужно искать такого, кому всего тяжелѣе, то слѣдуетъ обратиться ко второму. И чѣмъ дольше многонадѣльная семья владѣла тѣмъ же участкомъ, чѣмъ больше, слѣдовательно, она внесла выкупного платежа, тѣмъ меньше правъ она имѣетъ на дальнѣйшее пользованіе общинной землею въ прежнихъ размѣрахъ, ибо пользованіе ею, несмотря на бремя на ней лежащее, есть привилегія сравнительно съ арендованіемъ угодій; тѣмъ основательнѣе претензія малонадѣльныхъ уравнять землю сообразно измѣнившемуся составу крестьянскихъ семей. То есть справедливость находится не на сторонѣ частнаго владѣнія; она требуетъ продолженія прежнихъ общинныхъ порядковъ и народъ не останется глухъ къ ея голосу. За индивидуализмъ стоитъ формальная справедливость, основанная на словѣ «выкупъ», и если она оказываетъ нѣкоторое вліяніе на народную мысль, то главнымъ образомъ потому, что послѣдняя достаточно-таки спутана экспериментами послѣднихъ годовъ, что въ народѣ утверждается мнѣніе о про-

тивуположности закона и правды, о гибели послѣдней и торжествѣ перваго и проч.; но мнѣнія эти временны, и отъ интеллигенціи зависитъ сократить періодъ ихъ господства надъ умомъ народа. У насъ кромѣ того есть факты, позволяющіе заключить, что индивидуализмъ не долженъ радоваться прежде времени, вооружившись такимъ щитомъ, какъ выкупъ общиной ея угодій. Мы знаемъ примѣръ, гдѣ подобное же оружіе, но гораздо болѣе высокаго достоинства, оказалось, однако, безсильнымъ въ рукахъ индивидуализма, встрѣтившагося съ общинными стремленіями народа. На сѣверѣ неравномѣрность крестьянскаго землевладѣнія имѣла за себя нетолько покупку одними у другихъ ихъ участковъ, но и фактъ расчистки новыхъ угодій, т. е. затрату человѣческаго труда, цѣнимаго народомъ не ниже денегъ. И, однако, несмотря на это, передѣлы были введены повсюду и водворились они тихо, смирно, безъ сильныхъ волненій и большого сопротивленія со стороны индивидуализма. Столько же успѣха будетъ, вѣроятно, имѣть послѣдній и въ новѣйшей общинѣ.

Въ виду этихъ несомнѣнныхъ и общеизвѣстныхъ фактовъ есть ли основаніе опасаться уничтоженія общины выкупомъ крестьянами ихъ угодій? не будетъ ли справедливѣе причислить это обстоятельство къ серіи выше нами указанныхъ факторовъ, стремящихся, правда, порѣшить съ общиной, но пока безсильныхъ нанести ей непоправимое пораженіе. Значитъ ли это, однако, что выкупъ, какъ факторъ, разрушающій общину, долженъ быть игнорируемъ ея друзьями; что также слѣдуетъ отнестись и ко всѣмъ остальнымъ основывающимся на законѣ врагамъ общины? Ничуть! Какая бы ни была конечная судьба этого союза, какъ бы несомнѣнно ни казалось его торжество въ будущемъ, мы должны стараться, чтобы и его настоящее сообразовалось съ задачами времени и прогресса. А между тѣмъ, всѣ новѣйшія вліянія создаютъ въ общинѣ расколъ, совершенно излишній для прогресса и грозящій впереди замѣшательствами, которыхъ желательно было бы избѣжать. Поэтому, насколько этотъ расколъ обусловливается нашимъ аграрнымъ законодательствомъ, въ немъ должны быть произведены слѣдующія видоизмѣненія: необходимо уничтожить право отдѣльныхъ лицъ и общинъ выдѣлять землю изъ общиннаго владѣнія въ участковое, такъ какъ земля принадлежитъ нетолько настоящему поколѣнію, но составляетъ обезпеченіе и будущихъ; дать общинѣ право рѣшать вопросъ о передѣлѣ простымъ большинствомъ голосовъ; прекратить выкупъ угодій государственными крестьянами.

Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что въ то именно время, когда

*

частно-владѣльческая Европа жалѣетъ объ утратѣ общины и завидуетъ общинной Россіи; когда участковое землевладѣніе привело къ результатамъ, которые мы теперь наблюдаемъ въ Ирландіи; когда въ Америкѣ протестъ массы противъ свободы распоряженія землей выражается въ ограниченіи законодательной властью размѣра участка, какимъ можетъ владѣть одно лицо (Калифорнія), когда весь русскій народъ и работающая *для него* интеллигенція заявляетъ о необходимости демократизаціи собственности, что можетъ быть достигнуто лишь на почвѣ общиннаго владѣнія землей, а противниками такого направленія жизни, кромѣ нашихъ ландлордовъ, являются лишь зачатки интеллигенціи (?), работающей *вмѣстѣ съ народомъ* (наши будущіе представители tiers-état) и примкнувшіе къ нимъ публицисты достаточности надѣловъ, въ это именно время въ Россіи совершится процессъ подражанія Западу въ дѣлѣ обездоленія населенія и фигурируетъ оно подъ знаменемъ закона?

В. В.